

Р. КАБЛО

Очерки
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
Туввы

1934

ОГИЗ — СОПЭКГНЗ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ
НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
Выпуск XII

Р. Кабо

Очерки ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ Тувы

Часть первая

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ТУВА

Государственное
социально-экономическое издательство
Москва 1984 Ленинград

Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы

Редактор М. Грин. Технический редактор Л. Кошуткина

Сдано в набор 23/VII 33 г. Подписано к печати 24/IV 34 г.
Инд. № с-2-27. Гиз № 1197. Тираж 5 000 экз. Уполномоченный главлита Б-36980. Заказ № 1206.
Формат бумаги 62 × 94/16 см., 15 1/4 авт л. 12 1/4 печ. л. (50912 тип. знак. в 1 печ. л.). Бум. л. 6 3/8.

2-я тип. «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград, Гатчинская, 26

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Леониду Дмитриевичу
Покровскому,
ПРЕДАННОМУ ДРУГУ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТУВЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тувинская народная республика (б. Урянхайский край) является народно-революционной, противимпериалистической, антифеодальной буржуазно-демократической республикой нового типа, закладывающей основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития. Этот новый тип государства сложился в результате национально-колониальной революции, порожденной Октябрем.

Октябрьская революция, свергнув господство капиталистов и помещиков, вдребезги разбила колониальную империю царизма и развивала активность тувинского народа, поднявшего знамя антиимпериалистической и антифеодальной революции.

Буржуазно-демократическая революция в Туве — это соединение борьбы против империалистов с борьбой против феодалов.

Перед революцией стояли следующие задачи:

а) Свержение иноземного (русского) империалистического гнета и завоевание национальной и государственной независимости. Эта задача была в основном разрешена тувинским народом, крестьянским по своему составу, в союзе и под руководством пролетариата СССР, в борьбе против агентов империализма — колчаковских банд Унгерна, Бакича и Каванцева. В дальнейшем задача сохранения своей независимости против всякой новой угрозы военного нападения обеспечивается сохранением и укреплением своей народно-революционной власти, сохранением и развитием братских отношений с СССР.

б) Ликвидация феодального класса и выкорчевывание корней феодализма, радикальная очистка общественного строя от всех остатков и пережитков крепостничества. Говоря конкретно, буржуазно-демократическое содержание революции сводилось к уничтожению политической раздробленности страны, к ликвидации феодальной собственности на землю и феодального скотовладения и всех видов и форм внеэкономического принуждения феодального происхождения, к борьбе против привилегированного положения ламских монастырей, к созданию национальной письменности и к борьбе за всеобщую грамотность.

Осуществляя буржуазно-демократические задачи и развивая производительные силы, тувинская революция вместе с тем закладывает основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития.

Современная Тува характеризуется революционной переделкой и перестройкой хозяйства, быта и культуры.

Оказать посильную помощь участникам этой перестройки в их сложной и трудной работе — такова основная цель настоящей работы.

Предлагаемая вниманию читателя книга будет в состоянии оказать ожидаемую от нее помощь, если она сможет правильно ориентировать читателя в вопросе о том, что представляет собой общественный строй производства современной Тувы, из каких основных классов состоит население, каковы взаимоотношения между ними, какие силы отстаивают революционный путь развития, какие силы занимают враждебную позицию и т. д. Ясное и правильное понимание социально-экономической структуры народного хозяйства и общества в целом является необходимой предпосылкой, осуществления важнейших на нынешнем этапе задач.

Но для определения типа народнохозяйственного развития современной Тувы и тех классовых сил, которые обеспечивают это развитие, не существует другого пути, кроме пути исторического рассмотрения вопроса, рассмотрения изучаемого предмета в движении, в борьбе, в противоречии. Противоречия и борьба сегодняшнего дня уходят своими глубокими корнями назад, в день вчерашний, в прошлое. «На каждой новой ступени исторического развития, — говорит Маркс, — производительные силы предшествующей эпохи служат как бы сырым материалом для создания новых производительных сил и нового общественного строя». Взяв в качестве исходного пункта уровень производительных сил и социально-экономическую структуру Тувы в том виде, как они сложились накануне революции, и рассматривая, почему они сложились так, а не иначе, можно прийти к правильному пониманию конкретных задач революционной борьбы и строительства в современной Туве. В свете исторического развития становятся понятными и экономические и национально-бытовые особенности Тувинской народной республики. Этим объясняется, почему автор целую отдельную часть своей работы посвятил исследованию дореволюционной Тувы. Кроме того историческое прошлое Тувы — это вместе с тем страница из истории колониальной политики русского царизма, страница из истории порабощения и освобождения многих народов, таких же пленников и колониальных рабов царской России, каким являлся тувинский народ.

Вопрос об историческом прошлом Тувы наконец имеет и более общее теоретическое значение. Дело в том, что тот колониальный путь, который прошла Тува, — это путь, который проходит на наших глазах целый ряд стран и народов в Азии и Африке, находящихся приблизительно на той же ступени развития, на какой находился бывший Урянхай. Конечно взаимоотношения царской России со своими колониями отличались специфическими особенностями и все же, скинув со счетов эти особенности, мы получим нечто общее и типичное для развития ряда колониальных народов, продолжающих существовать под гнетом империализма.

Автор поэтому надеется, что первая часть его работы может оказаться полезной в качестве исторической иллюстрации к марксист-

стско-ленинской теории империализма, равно как вторая часть работы, которая будет посвящена проблемам современной Тувы, должна явиться иллюстрацией к учению о некапиталистическом пути развития отпавших от империализма колоний при наличии мощных центров социализма в лице советских республик.

Последнее замечание. Автор полагает, что его работа в целом как по своей общей цели, так и по методам выполнения является работой экономгеографического характера. Общей целью работы автор ставил изучение особенностей экономического развития Тувинской народной республики. В данной связи необходимо вспомнить весьма важные указания Ленина и Сталина об обязательном учете национально-особенного, национально-специфического в каждой отдельной стране при выработке руководящих указаний Коминтерна для революционного движения этих стран, о приспособлении общих положений Коминтерна к национальным государственным особенностям отдельных стран¹.

Ленин неоднократно указывал, что при применении основных принципов коммунизма важнейшая задача — «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи»².

Для понимания особенностей отдельных стран как центров империализма, так и их колоний нет никакой надобности прибегать ни в прямой, ни в косвенной форме к услугам каких-бы то ни было «штандартных» теорий, существующих или вновь создаваемых, ибо указанные особенности находят свое единственно правильное и при этом исчерпывающее объяснение на основе общей марксистско-ленинской теории развития капитализма. Национально-особенные экономические и культурно-бытовые формы являются продуктом длительного исторического развития.

В соответствии с требованием науки экономической географии автор уделяет большое внимание природным условиям. Последние являются теми объективно данными жизненными условиями, в которых протекает экономическое развитие каждой страны и которые в значительной мере определяют при их хозяйственном использовании через ряд посредствующих звеньев национально-специфические формы этого развития³.

Каждая экономгеографическая работа, которая изучает по преимуществу формы проявления основных закономерностей, должна принять в основу методологическую установку, выраженную в следующих словах Маркса: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям

¹ Сталин, Об оппозиции, изд. 1928 г., стр. 615—616.

² Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

³ «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить совершенно. Обитатели гор всегда будут жить в других условиях, чем жители равнины» (Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 84, из письма Энгельса А. Бебелью).

и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹.

Автор старался на протяжении всей работы строго следовать этому указанию. Насколько это ему удалось, — не ему судить.

Транскрипция географических названий, приведенных в книге, отличается в ряде случаев от транскрипции названий, встречающихся в прежних работах о Туве, авторы которых вынуждены были исходить из монгольской или русской практики передачи этих наименований, поскольку национальной письменности в стране до 1930 г. не существовало. В принятой нами транскрипции учтен опыт существующей сейчас тувинской письменности, однако из практических целей некоторые названия, прочно укоренившиеся в географической номенклатуре, оставлены без изменения.

Данная работа выполнена по заданию «Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем» (НИАНКП), которая оказывала автору на всех этапах его работы всяческую помощь и содействие. Она же дала возможность автору совершить двукратное путешествие в Туву в качестве члена экспедиции, снаряженной НИАНКП и работавшей в Туве в 1930 и 1931 гг. В особенности считаю долгом отметить неизменно товарищеское отношение со стороны руководителей НИАНКП гг. Л. Д. Покровского и Ф. Е. Тележникова, которые своими ценными указаниями помогли автору выполнить настоящую работу. Благодаря содействию Центрального архивного управления автор получил возможность собрать необходимый ему материал в архивах Москвы и Ленинграда. Тувиновед-лингвист А. А. Пальмбах оказал ценную помощь в деле установления правильной тувинской транскрипции, т. И. Г. Сафьянов предоставил в пользование автора свой личный архив и фотографические снимки, за что обоим автор приносит горячую благодарность.

Р. Кабо

10 июля 1933 г.

---

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, изд. 1907 г., стр. 320.

1. Природные условия Тувы

Географическое положение. Рельеф поверхности. Ископаемые богатства. Климат Тувы. Бассейн Верхнего Енисея. Почвы Тувы. Природные условия для развития сельского хозяйства. Леса Тувы. Основные типы местностей Тувы.

Начиная историко-экономическую часть работы о Туве с характеристики природных условий, с описания различных элементов, из которых складывается географическая среда, и их взаимоотношения, я стремлюсь таким началом выполнить указание Маркса, что «всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории благодаря деятельности человека». Мне кажется, что подлинный водораздел между марксистским пониманием и всякого рода псевдомарксистскими или открыто буржуазными концепциями так называемого «географического фактора» проходит отнюдь не там, где его усматривают некоторые авторы, полагающие, что в марксистской исторической или экономической работе не полагается давать связанного систематического описания географической среды. Различие между этими направлениями в действительности заключается не в том, что одни дают такое описание, а другие его не дают. Их разделяет различное представление о соотношении в историческом развитии между географической средой и внутренними закономерностями общественного движения.

В самом сжатом виде это различие можно формулировать следующим образом: в то время как сторонники «географического фактора» основу общественного движения усматривают в свойствах географической среды и, исходя из этих свойств, пытаются объяснить ход исторического развития данного общества, второе направление полагает, что подлинной пружиной истории общества являются социальные, а не естественные географические причины.

Только исследование общественной системы, развитие которой совершается по своим внутренним законам, дает ключ к пониманию реального взаимоотношения между общественной системой и географической средой. Изменение природы человеком происходит внутри и посредством определенной общественной формы, корень же этих изменений заключен в общественном строе производства, следовательно в классовом обществе, в «различии в положении и условиях жизни классов» (Ленин). Борьба общественных классов выражает закон движения классовой общественно-экономической формации. Правильное представление о взаимоотношении между географической средой и общественным строем производства возможно лишь на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

В применении к Туве все сказанное имеет двойное значение: во-первых, оно в корне исключает возможность объяснения отсталости и

тяжелых условий исторического развития этой страны неблагоприятными естественными условиями и скудными природными ресурсами; во-вторых, оно является подкреплением того положения, что новые перспективы хозяйственного и культурного развития, которые раскрылись перед Тувой после Октябрьской революции, отнюдь не могут встретить тормоза со стороны природных условий. Систематическое и тщательное изучение природных условий Тувы должно дать представление о тех широчайших производственных возможностях и богатейших ресурсах, которые до сих пор лежали без движения, но к использованию которых только после революции приступает аратская республика.

Тувинская народная республика расположена почти в центре материка Азии, в области верховьев р. Енисея, под широтой 50—54°. Таким образом южная часть Тувы лежит под той же широтой, что и города Саратов, Воронеж, Курск, Чернигов.

Тува занимает площадь приблизительно в 150 тыс. кв. км (округленно)¹. Наибольшее протяжение с запада на восток равно 745 км, с севера на юг — 380 км.

Тува в общем по очертаниям своих границ напоминает грушу, вытянутую узким концом по направлению к западу.

Верхняя часть бассейна Енисея, занятая Тувой, представляет котловину, замкнутую пограничными горными цепями Западного и Восточного Саяна на севере, хребтом Танну-Ола на юге. Котловина Верхнего Енисея является частью восточноазиатского плоскогорья, простирающегося поперек всей Азии от Каспийского до Охотского морей. Точнее сказать, она является пониженной частью этого плоскогорья и служит переходной террасой от Сибирской низменности к Монгольскому плоскогорью. В самой своей низкой части бассейн возвышается над уровнем моря на 505 м, тогда как Сибирская низменность на расстоянии приблизительно 50 км от северных хребтов поднимается над уровнем моря только на 274 м². Если первой ступенью по направлению от Сибирской равнины к югу можно считать Саянский хребет, то второй ступенью Монгольского плоскогорья служит хребет Танну-Ола. Этот хребет является водоразделом между Северным полярным морем и замкнутыми бассейнами Монголии.

Заклученная между пограничными хребтами котловина бассейна

---

¹ Отдельные части бассейна Верхнего Енисея имеют след. площади:

- а) бассейн Бий-хема — 47 340 кв. км
- б) » Ха-хема — 46 650 » »
- в) » Улу-хема (от места слияния Бий и Ха-хема до границ края) — 48 510 кв. км
- г) » Тес (в пределах края) — 7 450 кв. км.

(Выкопир. 85) 1, № 51, Ю. В. Костин, 1922, Минусинский музей.

В некоторых статьях встречается цифра 175 тыс., но, как она получена, мне неизвестно.

² Д. Карруттерс, Неведомая Монголия, 1914, стр. 104.

парезана в свою очередь хребтами, отрогами Саян и Танну-Олы. Западные и особенно Восточные Саяны представляют дикую горно-таежную страну. Эти горы поднимаются на более значительную высоту, чем южный хребет Танну-Ола. Перевалы последнего хребта доступнее и многочисленнее перевалов через Саяны. Поэтому Тувинская котловина более доступна с юга, чем с севера. Залимая центр материка Азии, Тува далеко отодвинута от моря. Ближайшим морем по прямому направлению оказываются заливы Восточнокитайского моря, но от них Тува отделена Монголией и Китаем. Енисей связывает Туву с Северным полярным морем, куда он впадает, пройдя 3 786 км от истоков.

Тува оказалась как бы замкнутой в своем каменном мешке. Однако не трудно доступные горы, не безбрежные степи и не песчаные выжженные солнцем пустыни изолировали Туву от центров мировой культуры и обрекли ее на захолустное историческое прозябание. Географическое положение — понятие не только физико-географическое, но и историческое, оно меняется вместе с переменой общественно-исторической обстановки.

Для правильного понимания географического положения Тувы необходимо принять во внимание, что в течение долгих веков эта страна была стиснута между окраинами двух величайших мировых деспотий: богдыханской и Российской империй.

На юге она находилась в соседстве с Монголией, доведенной беспощадной эксплуатацией империалистов и туземных князей, монастырей и ростовщиков до крайне низкого уровня экономического и культурного развития. К северу от Тувы через Саянский хребет простиралась крайне отсталая окраина Сибири, завоеванная русскими царями в XVII столетии. Колониальная политика царского правительства привела коренное население этой страны, хакасов, к разорению и нищете.

Горы и пустыни остались такими же, какими они были десятки и сотни лет назад, попрежнему Тува лежит в центре Азии и в отдалении от магистральных путей морей и океанов, но вечно грызущий «крот истории» подрыл до основания устои богдыханского Китая и императорской России. Эти чудовищные империи сметены революционными бурями. Окружающая Туву общественно-историческая обстановка резко изменилась. Теперь к югу от Тувы лежит Монгольская народная республика, к западу и к северу области и республики СССР: Ойратия, Хакасия и Бурято-Монголия, быстро меняющие свой хозяйственный и общественный облик. Мало того, пройдет немного лет и в непосредственном соседстве с Тувой раскинется обширный Минусино-абаканский индустриальный узел (восточное звено Урало-кузбасского комбината), который станет могучим рычагом хозяйственного подъема и социалистического развития Востока. Затерянная в захолустном тупике Тува уже ощутила мощное влияние социалистической стройки Советского союза.

Тува, как уже упомянуто, представляет обширную котловину, по краям которой протянулись со всех сторон горные хребты. За-

падную границу Тувы образует хребет Сайлюгем, водораздел верхних частей бассейнов двух сибирских рек: Оби и Енисея¹.

Огибая в самом юго-западном углу Тувы область истоков р. Чулышмана, хребет Сайлюгем смыкается в этом месте с западным продолжением хребта Танну-Ола, образуя горный узел с группой снеговых вершин. Отсюда Сайлюгем принимает западное направление, а затем в области истоков р. Алаша, левого притока Хемчика, он изменяет свое направление под острым углом на восточное, чтобы через 50 км вновь повернуть на север до встречи с горным массивом Таскыл², представляющим крайнее западное звено Саянского хребта. На всем своем протяжении Сайлюгем подымается крутой каменной стеной, открывающей только в отдельных точках проходы. Но и эти проходы находятся на очень большой высоте (Чапчал — 3 182 м над уровнем моря, Кара-Тарсыхан — 2 441 м, Сур-Даба — 2 407 м) с очень крутыми спусками в обе стороны. С запада, со стороны Ойратии, подступ к ним более затруднен, чем со стороны Тувы.

Саянский хребет состоит из двух значительно отличающихся друг от друга частей. Западная ветвь хребта называется Западным Саяном, восточная — Восточным Саяном. Раздельной линией между двумя крыльями Саянского хребта служит меридиан, проходящий через 96° восточной долготы от Гринвича.

Как более древний возраст горных масс Восточного Саяна, так и характер горных пород дает основание считать обе ветви Саянского хребта разными хребтами, сомкнувшимися в сравнительно позднюю геологическую эпоху.

Начинаясь горным кряжем Таскыл, Западный Саян сперва имеет восточное направление, от р. Хантенгира (Хантегир — левый приток Енисея) он поворачивает на юго-восток, затем снова на восток до встречи с Енисеем. Енисей прорывает Саянский хребет глубоким ущельем, где берегами ему служат крутые, местами почти отвесные скалы, отступающие от воды лишь в немногих местах³. Ущелье это носит название Хемчик-бөм⁴. Продолжение Западно-саянского хребта на правом берегу Енисея, носящее название Таргак-шан и Эргик-шан, является вместе с тем водоразделом между р. Улу-хемом и Усом, правым притоком Енисея. Правобережная часть Западно-саянского хребта тянется в северо-восточном направлении и доходит почти до 54° северной широты, где Западный Саян встречается с Восточным Саяном.

На своем протяжении от Таскыла на Западе и до соприкосновения

---

¹ Г. Е. Грум-Гржимайло полагает, что Сайлюгем — собирательный географический термин, обозначающий соединение в одно целое двух различных хребтов: собственно Сайлюгемского и Чапчальского. Первый, по мнению названного автора, заканчивается горным узлом к востоку от озера Джиулу-Куль и таким образом только своим крайним северным концом входит в современную Туву (см. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. I, стр. 70 — 71). Я сохраняю за этим хребтом название Сайлюгем, под каким названием он показан на 40-верстной карте корпуса военных топографов. Чапчальский хребет представляет северное крыло Сайлюгема.

² Таскыл — голая гора, голец.

³ Грум-Гржимайло, указ. соч., т. I, стр. 90.

⁴ Бумами называются в Азии крупные высокогористые берега речных притоков.

с Восточным Саяном Западный Саян, то повышался, то понижаясь, открывает несколько проходов с севера на юг (Шабин-даба — 2 100 м, Куртушибинский — 1 850 м и др.).

Перевалом Шабин-даба в прежнее время пользовались гуртовщики для прогона скота из долины Хемчика в Минусинск.

Пограничный хребет с округлыми, несуровыми вершинами не носит особого названия. Спуск круче подъема. При спуске с перевала дорога разделяется: левая ветвь идет по сухой степи на деревню Туран, а правая отходит в голые холмистые горы и выходит на верхние русские заимки долины Уюка. Вся дорога от Турана и далее до деревни Уюк хорошо накатана для тележного пути.

Другой удобный перевал через Западносаянский хребет находится восточнее, там, где хребет делает новое понижение в области истоков р. Систи-хем. По этому пониженному месту Саянского хребта проложена тропа — Амыльская или Систи-хемская между долинами р. Амыла и р. Систи-хем.

Восточный Саян, носящий на наших картах название Эргик-Таргак-тайга, начиная с горного узла, в котором сходятся оба саянских крыла, имеет направление с северо-запада на юго-восток. Место соединения Западного и Восточного Саянов представляет скалистую горную цепь, достигающую местами снеговой линии, а местами переходящей ее. Северные склоны хребта местами покрыты фирновыми полями и ледниками. Грум-Гржимайло полагает, что горные массы достигают здесь 3 000 м высоты.

Восточный Саян — это мощный горный массив шириной местами в 60 и более км, лишенный на большом протяжении выступающих пиков и перерезанный глубокими поперечниками и продольными долинами. На этом основании некоторые исследователи рассматривают его как нечто среднее между типичными горными хребтами и такими плоскими водоразделами как Яблоновый хребет или Урал¹. Астроном Шварц, впервые производивший там наблюдения в 50-х годах XIX в., пришел к выводу, что «Саяны не представляют здесь ничего похожего на хребет, а только горную местность без выдающихся господствующих точек». Тем не менее в западной части хребта имеются гольцы, высота которых доходит до 2 800 м или даже более².

Перевалы через хребет пролегают на относительно большой высоте (Мустар-дабан — 2 104 м, Монгол-дабан — 1 973 м, Тенгис-дабан — 2 116 м) с очень крутыми и тяжелыми подъемами и спусками, причем некоторые из них отличаются обилием топей и камней, массой валежника. На южном склоне хребта леса и луга поднимаются на большую высоту, чем на северном. Так, предельная линия леса на южном склоне проходит на высоте 2 211 м, на северном — 2 013 м, предельная линия кустарников на южном склоне достигает 2 470 м, на северном — 2 372 м.

На юге Гувинская котловина замыкается горным хребтом Танну-Ола, водоразделом между бассейном Енисея и бассейном оз. Улсанор. Западный конец хребта Танну-Ола через горный кряж Саган-Шин-

¹ Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 100.

² Проф. Г. И. Танфильев, География России, ч. 2-я, вып. II, стр. 155.

боту смыкается с известным уже нам хребтом Сайлюгем, восточный же край его (к востоку от 96 меридиана) примыкает к скалистому горному хребту Сангы-лен, имеющему северо-западное направление.

Таким образом хребет Танну-Ола пролегает на протяжении 427 км между верховьями р. Барлыка (приток Хемчика) на западе и р. Эрзин-гола (приток р. Тее) на востоке и представляется довольно однообразным высоким валом с более крутым склоном на север и плоским гребнем, поросшим травами и кустарниками и как бы насаженными на него скалистыми сопками (гольцами), имеющими от 90 до 152 м относительной высоты¹. Ширина Танну-ольского хребта довольно различна. Так, между рр. Шормуком и Самагалтаем она достигает всего 25 км, а между рр. Шаганарыг и Таргалык больше 75 км.

Танну-Ола сложена главным образом из осадочных пород: песчаников, известняков, сланцев, что указывает на то, что хребет этот составляет участок дна древнего моря. Легко разрушающиеся горные породы, из которых состоит хребет, успешно благодаря действию атмосферы и воды распадаются на отдельные горные группы.

Хотя оба склона Танну-Олы покрыты лесом, но он не образует тайги, так как растёт островами среди лугов и степей². Снеговых вершин хребет не имеет. Из перевалов через хребет наиболее доступен Хамар-дабан, который использован с давних пор для колесного и для караванного движения верблюдов и лошадей. Хребет Танну-Ола в этом месте значительно понижается, высота перевала—1 409 м. Перевал ведет из долины Улу-хема через верховья р. Бюрени (левого притока р. Ха-хем) до р. Улясутая в Монголии.

Другие перевалы (Безыманный — 2 161 м, Байн-тагны — 2 080 м, Кулле — 2 360 м, Хундургун — 2 131 м) достигают большой высоты, но и они удобны для верхового и вьючного движения, что делает хребет Танну-Олы легко доступным на всем его протяжении.

К востоку от хребта Танну-Ола южная горная окраина бассейна Верхнего Енисея составляется из ряда хребтов: Аджан-хорум, Сангы-лен, Хан-тайга, Улан-тайга, Хордыл-сардык, Баин-ола. Эти хребты до настоящего времени мало исследованы, некоторые из них не были даже пройдены путешественниками, хотя они и видели их издали. Но все имеющиеся описания указывают, что эти хребты довольно высоки (2 400 м и выше), имеют зубчатые гребни, крутое падение, высокие и крутые перевалы, скалистые склоны. Этими хребтами замыкается с юго-востока кольцо гор, окружающее бассейн Верхнего Енисея.

Заключенная между двумя основными хребтами Саянами и Танну-Ола котловина Верхнего Енисея пересекается отрогами этих хребтов, являющихся водоразделами между притоками Верхнего Енисея.

Предполагается, что горные массы, встающие к северу от долин Бий-хема, Улу-хема и Хемчика, принадлежат к системам Саянов и Сайлюгема, а горы, поднимающиеся к югу от долин Хемчика и Ха-хема, к системе Танну-Ола³. Даже принимая такое деление

¹ Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 16, 110.

² Там же, стр. 114.

³ Мнение это принадлежит известному ученому Зюссу, его приводит Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 109

тувинских гор как достоверное, все же остается горный участок между рр. Бий-хем и Ха-хем, относительно принадлежности коего к той или иной горной системе не было высказано никаких суждений. Наибольшие горные массы в восточной части котловины находятся между долинами рр. Хамсыра и Бий-хем, а также Бий-хем и Ха-хем, занимая и там и здесь значительную площадь.

К западу от слияния Бий-хема и Ха-хема Танну-Ола и Саянский хребет настолько сближаются между собой, что отроги их местами стесняют долину Улу-хема до размера ущелья. Еще далее к западу в области истоков реки Хемчика сосредоточена новая и значительная горная масса, которая образует в этом месте горную страну очень сложного строения ¹.

Наряду с горными массами встречаются площади со сглаженным рельефом и ровные пространства. Однако равнин с горизонтальной поверхностью немного.

Они встречаются по долинам Бий-хема, Ха-хема и их притоков, в тех местах, где водораздельные отроги отступают от реки, образуя широкие террасы, иногда в несколько километров шириной. Сказанное относится в особенности к долинам притоков Бий-хема: Тапса, Уюк с Тураном, Систи-хем. Широкие равнинные площади чаще встречаются в котловине Улу-хема, особенно на левом берегу, хотя эти ровные или полого-наклонные в сторону Улу-хема равнины, уходящие на юг, изоборужены местами невысокими каменистыми сопками. Чем ближе к хребту Танну-Ола, тем чаще невысокие сопки связываются в гряды, между которыми продолжают расстилаться широкие и ровные долины, полого поднимаясь к югу ².

Относительно часто равнинные площади встречаются в самой западной котловине по среднему Хемчику. По своему рельефу долина среднего Хемчика в значительной мере напоминает долину Улу-хема ³.

Площадь равнин и географическое распределение последних имеют огромное значение при построении перспектив хозяйственного развития Тувинской республики. Хотя известных равнин с горизонтальной поверхностью немного, но все же как в западной, так даже и в восточной части оказывается вполне достаточно земельных площадей, которые могут быть использованы для земледелия. При этом надо всегда учитывать ничтожную степень исследованности этой страны, особенно с точки зрения развития в ней земледелия. В прошлом завоеватели Тувы не помышляли о переходе кочевого тувинского населения на оседлое земледелие. Но так как, с другой стороны, страна эта должна была принять, по планам царского правительства, десятки тысяч русских переселенцев, то этому обстоятельству мы обязаны некоторыми, хотя и скудными познаниями о земельном фонде республики, пригодном для развития земледелия. Агроном Турчанинов, чиновник переселенческого управления, провёл в 1914, 1915, 1916 гг. обследование страны, во время которого он производил глазомерную съемку открытых площадей. Со-

¹ Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 140.

² П. Крылов, Путевые заметки об Урянхайской земле, стр. 25.

³ Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 234.

поставляя все полученные во время обследования результаты, он пришел к выводу, что годной для земледелия площади имеется:

в западной части	613 515 га
в восточной части	238 439 »
Всего	851 954 га

К этому итогу надо прибавить площади в южной части края по реке Тес с его притоками и около озера Упса, а также участки по долинам притоков реки Хемчик, которые обследованию не подвергались. Когда будет произведена более подробная съемка, то общая сумма годных для земледелия площадей повидимому возрастет, хотя нет основания надеяться, что увеличение это превысит 30%. В общем сумма открытых площадей может быть принята приблизительно равной 1 107 тыс. га ¹.

Тувинская котловина очень богата различными полезными ископаемыми, которые могут служить прочной основой для экономического развития страны.

Золото обнаружено в разных частях страны. Наиболее исследованной областью в отношении золота является средняя часть котловины. Золотые россыпи в этих районах начали разрабатываться с 70-х годов прошлого столетия, и в связи с выработкой более богатых россыпей на южном склоне Саяна начались поиски новых россыпей дальше к югу.

Медь добывалась и обрабатывалась жителями котловины с незапамятных времен. На это указывают находимые в земле утварь и оружие, сделанные из меди. По притокам Хемчика и Чадана найдены старые доисторические разработки месторождения меди, найдены во многих местах по р. Ча-куль и на южном склоне р. Танну-Ола.

Железными рудами богат весь бассейн р. Хемчик и отчасти долины рек бассейна Улу-хем.

Из неметаллических полезных ископаемых наибольшее значение для промышленного развития страны имеют месторождения каменного угля. Выходы каменного угля известны на протяжении около 100 км от р. Бегреда до р. Баянгол по Улу-хему и Бий-хему, равно как при впадении Ха-хема в Бий-хем и в 3 км от устья Тапсы. Залежи каменного угля значительной мощности обнаружены в долинах Ирбека и Элегеса. По имеющимся, не вполне точным, сведениям качество угля хорошее, и пласты достигают рабочей мощности ². Ка-

¹ А. А. Турчанинов, Отчет по Урянхайскому краю за 1915 г., ч. I, стр. 193.

² Сводный обзор земель, пригодных для земледелия, был дан инженером Порватовым в докладе «Земельные запасы Урянхия в связи с возможностью переселения в него безземельного русского крестьянства», читанном на совещании, созванном Иркутским генерал-губернатором в с. Усинском 14 августа 1913 г. См. дело 1914 г. № 55 по делопроизводству Переселенческого управления, Леп. отд. центр. ист. архива (Лопца).

³ В. А. Обручев, Естественные богатства Танну-тувинской республики, «Новый Восток» № 13 — 14, 1926, стр. 268.

чеством найденный уголь не уступает антрациту. Уголь имеет выход наружу, и добыча его не представляет технических трудностей.

Встречаются значительные месторождения слюды по южному склону Танну-Ола.

Каменная соль образует большие залежи на южном склоне хребта Танну-Ола по р. Таргалык; здесь есть целая соляная гора Тус-таг. Соль отличного качества. Самосадочная соль добывается из овер Каден и Тускуль, лежащих на степном плоскогории к югу от Улу-хема.

Исследователи края упоминают кроме того о ряде полезных ископаемых, как иридий, графит, мрамор, магнезит, самоцветные камни и др.

В крае очень много минеральных источников: углекислые источники и ключи, горячие минеральные озера, сернистые горячие ключи в долине Ха-хема и в бассейне Хамсыра и в верховьях рек, стекающих с хребта Танну-Ола.

Надо однако сказать, что большая часть месторождений полезных ископаемых никем еще не изучена и не описана; эксплуатировались до сих пор только золото, в небольших размерах соль, магнезит и примитивным способом некоторые минеральные источники.

Систематические исследования несомненно обнаружат еще много до сих пор неизвестных месторождений равного рода¹.

По своим естественным ресурсам Тува представляет в полном смысле страну будущего.

Дать сколько-нибудь точную и полную картину климатических условий Тувы не представляется возможным, потому что данные, на основании которых можно было бы основывать такое описание, весьма скудны. Продолжительных метеорологических наблюдений в этой стране не велось, и самые полные из них захватывают всего 3—4 года. Материал производившихся наблюдений в течение этого короткого периода представлен в виде таблиц температур, числа дождливых и снежных дней, осадков, облачности, числа дней с ветром, минимальных и максимальных температур и т. д. Все эти таблицы приведены в отчетах агронома Турчанинова. Дальнейшее изложение основано преимущественно на этой работе.

Тува отличается в общем значительно более суровым климатом и резкой разницей между температурой зимы и лета, чем полоса Европейской части СССР, лежащая в той же широте (50°—53° северной широты), примерно от Саратова на востоке до Чернигова на западе.

Объясняется это, во-первых, тем, что дно Тувинской котловины залегает на высоте 520—850 м над уровнем океана и, во-вторых, тем, что западная часть Тувы лежит приблизительно на 45° восточнее самого восточного пункта указанной полосы, т. е. Саратова.

Но одного только знания широтного и долготного положения страны еще недостаточно для понимания того, как распределяются в стране климатические условия. Несмотря на сравнительно небольшое пространство, занимаемое Тувой, она благодаря особенностям

¹ Обручев, указ. соч., стр. 269.

своего рельефа в климатическом отношении характеризуется большим своеобразием в сравнении даже с ближайшими соседними областями Сибири и Монголии.

Климат Тувы может быть назван континентальным, что выражается в низкой средней годовой температуре, в больших суточных и годовых колебаниях температуры, в небольшом количестве выпадающих в течение года осадков. Однако различные области Тувы отличаются друг от друга довольно резко своими климатическими условиями. Так как нагляднее всего климатические условия страны выражаются в ее растительном покрове, то климатические различия выступают в форме перехода от альпийской тундры, весьма близко напоминающей полярную, к степной флоре, образованной почти исключительно ксерофитами (т. е. сухолюбивыми растениями) ¹.

Для выяснения особенностей климата Тувы имеет существенное значение сравнение его с климатическими условиями районов, лежащих к западу и к востоку республики. Для такого сравнения агроном Турчанинов выбрал данные метеорологических станций: Абаканского завода — на западе, Монды — на востоке (у озера Косогол), Тунки, лежащей к востоку от Саянских гор (в долине р. Иркут), и села Усинского. При сопоставлении данных этих пунктов оказалось, что средняя годовая Тувы на 2° ниже средней годовой местностей, лежащих к востоку и западу от Саян. Интересно также отметить, что общее движение весны с запада на восток и осени в обратном порядке, с востока на запад, нарушается на территории Тувы. Благодаря изолированному положению в котловине, отгороженной со всех сторон горами, осень наступает раньше и весна позднее, чем в соседних областях, лежащих к востоку и к западу от нее. В отношении количества осадков также замечается значительная разница между Тувой и соседними районами: она получает за время вегетации на 93 мм осадков меньше. Это повидимому объясняется тем, что осадки задерживаются горными массивами Саян и доходят в Туву в значительно меньших количествах. Но так как, с другой стороны, средняя температура в Туве ниже, а испаряемость влаги меньше, то можно полагать, что абсолютное уменьшение выпадающих осадков не имеет большого значения.

Для того чтобы найти объяснение разнообразию климатических условий, достаточно бросить взгляд на карту Тувы. Тувинская котловина ограничена с севера влажной полосой Саянских гор, а с юга — сухими песчаными степями Монголии. С другой стороны, существование климатических крайностей способствует исключительное разнообразие поверхности страны. Эти общие причины объясняют нам, с одной стороны, большие различия между климатом севера и северо-востока и климатом юга и юго-запада, а, с другой стороны, различия между климатом гор и низин под одними и теми же широтами.

Прежде всего важно уяснить себе влияние окраинных хребтов на климатические условия.

Один из исследователей Тувы, Родевич, пишет: «Не будь хребта Танну-Ола, страна примкнула бы к монгольской пустыне, уходя-

---

¹ Грум-Гржимайло, указ. соч., т. I, стр. 409.

пей от нее к югу. Обратно, где Западный Саян понижается, а он понижается к востоку от р. Енисей, там этому понижению соответствует и более суровый климат, где же он возвышается, как например над долиной Хемчика, там теплее и суше. В общем все-таки северные и северо-западные ветры преобладают в Урянхае над иссушающими ветрами с юга и приносят краю достаточное количество осадков; ведь именно здесь берет свое начало многоводный Енисей»¹.

Но северные ветры приносят не только влагу, но и холод. Если же при этом вспомнить, что в северном полушарии поверхность южных склонов гор сильнее нагревается солнечными лучами, чем горизонтальная поверхность и тем более поверхность северных склонов, можно отсюда понять, почему растительность южных горных склонов резко отличается от растительности северных: северные склоны хребта одеты таежным лесом, а южные — степной растительностью. Эта особенность, свойственная Туве, как и всем горным странам, отражается между прочим на характере использования этих склонов скотоводческим кочевым хозяйством.

Последовательное расположение климатических условий в зависимости от указанных выше фактов территории Тувы можно проследить по направлению долины Енисея и его притоков, начиная от его верховьев, так как в этом направлении постепенно понижается дно Тувинской котловины.

Таблица температур по временам года

	Весна	Лето	Осень	Зима	Время вегетации
Западная часть . .	4,3	16,3	3,3	—24,6	10,3
Восточная часть . .	2,9	13,0	2,5	—19,6	7,8

К приведенным данным надо относиться с большой осторожностью, так как они основаны на кратких записях; возможно даже, что впоследствии при достаточном накоплении материала они окажутся ошибочными. Однако относительную разницу средних температур они показывают. Температура всего года на западе выше, чем на востоке. Но зато на западе зима имеет более суровый характер. Общее количество осадков на западе не превышает в среднем 300 мм, на востоке вероятно — 400 мм. Количество осадков за время вегетации на востоке превышает среднее количество их на западе. Кроме того восток обладает большим количеством болотистых почв вследствие широкого распространения в подпочве плотных пород, делающих проникновение влаги в почву затруднительным. По количеству осадков, выпадающих по временам года, различие между восточными и западными частями выступает из следующих данных: в восточной части выпадает: весной — 10%, летом — 63%, осенью — 9% и зимой — 18%, за время вегетации — 73%, т. е. почти $\frac{3}{4}$ всего годового количества; в западной части выпадает: весной — 14%, летом — 56%, осенью — 14%, зимой — 16%, за

¹ Родевич, Урянхайский край и его обитатели, стр. 144.

время вегетации — 70%. На востоке весна суше, лето дождливее и зима более снежная, чем на западе, где благодаря более равномерному распределению осадков, а также более сырой весне и менее дождливому лету земледелие надежнее, чем на востоке. Наибольшая часть осадков выпадает на окружающих горах как с западной, так и с восточной стороны и только сравнительно небольшая их часть достигает низменности. При этом не менее половины осадков стекает с котловины на Сибирскую низменность через проход ниже устья Хемчика.

Судя по рельефу местности и почвенным особенностям, можно видеть, что осадки, несущиеся с запада, претерпевают внутри страны тройное осаждение: влажные ветры, идущие в этом направлении, отдав большую массу влаги на западных Саянах, проносятся над накаленной сухой степью до Ондумского хребта (между р. Бий-хем и Ха-хем), где, соприкоснувшись с охлажденными вершинами гор, снова оставит часть своей влаги, донося оставшуюся часть ее до восточной части Саянского хребта¹. Наблюдения над минимальными температурами в течение вегетативного периода дают очень существенные данные для сравнения климатических условий восточной и западной частей страны. Они показывают, что в восточной части в июне и июле, в период цветения хлеба, температура по временам падает ниже 0°; даже в июле и августе в то время как в западной части не наблюдается морозов совершенно, в восточной части случаются дни с заморозками от 1° до — 3,7°. Сравнение осенних минимумов показывает, что на востоке они также ниже, чем на западе, и наступают на месяц раньше. Это дает основание сделать вывод, что весна в восточной части запаздывает, лето короче, чем в западной, наступает позднее и кончается раньше. В западной части страны, в районе Хемчика, весна наступает на два месяца раньше, а осень начинается на полмесяца позже. Но и внутри каждой из названных частей замечается относительно значительная разница между отдельными местностями, входящими в их состав. Здесь прежде всего можно выделить в восточной части область истоков р. Бий-хем, самую возвышенную часть плоскогорья.

Области истоков Бий-хема могут быть охарактеризованы как области с очень суровым климатом. Облачность в течение летних месяцев, большое количество выпадающих в это время осадков, короткая дождливая осень и суровая малоснежная зима — такова сезонная смесь климатических условий в этой области. В течение зимы почва, пропитанная влагой, промерзает на значительную глубину. Суровость зимы усиливается еще под влиянием плоскостного характера нагорья, с которого стекают Бий-хем и его верхние притоки, так как при прочих условиях плоскость охлаждается зимой сильнее, чем отдельные горы на одном и том же уровне. При таком сочетании природно-географических факторов становится понятным, почему плоскогорья в истоках Енисея носят суровые черты полярных пустынь на высоте, не превышающей 2 000 м.

Область, лежащая ниже истоков Бий-хема, в области гор между

---

¹ Турчанинов, Отчет за 1915 г., стр. 20.

Бий-хемом и Ха-хемом, отличается как обильным выпадением летних осадков, обложившимися дождями и туманами, так и более обильными снегами в течение зимнего периода в соединении с более сильными морозами, чем в остальной части края.

Такое обильное выпадение осадков в течение круглого года объясняет «исполинский» рост местных трав и деревьев¹. Эта область почти сплошного леса.

Ниже лесной зоны в долине Улу-хема и прилегающих частей Бий-хема и Ха-хема, а также в долине Хемчюк климат носит более континентальный характер, отличаясь значительными суточными и годовыми амплитудами температур: летом зимой достигает 40° Ц, зимой же температура нередко опускается до 30—35° Ц. Количество выпадающих здесь атмосферных осадков также сравнительно с лесной зоной очень невелико. Количество летних осадков недостаточно для ведения земледельческого хозяйства без искусственного орошения.

Осень наступает здесь уже в первой половине сентября, весна окончательно развертывается в начале июня, хотя реки вскрываются значительно раньше. Лето длится в этой наиболее освоенной и культурной полосе Тувы всего лишь 80 дней, на долю же зимы приходится не менее 170 дней. Воздух в это время года настолько сух, что даже и то небольшое количество снега, которое иногда тут выпадает, испаряется очень быстро — обстоятельство, позволяющее туземному скотоводству круглый год держать животных на подножном корму².

Области наибольших осадков располагаются помимо указанного выше района по восточным склонам водораздельных гор между Хемчюком и Чулышманом (в Ойратии), по южным склонам Западного Саяна между Таскылом и долиной р. Енисея и к востоку от этой долины, на обоих склонах хребта Тангу-Ола с примыкающими к нему горными массивами.

Относительно хребта Тангу-Ола необходимо указать, что он в отдельных своих точках значительно выше противоположных частей Саянского хребта, поэтому северные и северо-западные ветры, пролетая над Саянами, доносят сюда влагу. Наличие же обильных осадков на южном склоне объясняется особенностями этого хребта, представляющего широкий вал с как бы насаженными на него высокими гольцами, среди которых скопляются тучи, посылая снег и дождь на оба склона хребта³. Обильные осадки в этих областях вызывают к жизни лесную растительность, поэтому нанесенные на карту эти области совпадают с лесными районами Тувы.

Таким образом, бассейн Верхнего Енисея, несмотря на свою сравнительно небольшую площадь, представляет в климатическом отношении ряд переходов в направлении с востока на запад и с севера на юг местностей с влажным климатом к местностям более сухим.

Вследствие такого рода распределения осадков самая сухая часть бассейна лежит вдоль южных берегов Улу-хема и Хемчюка, между

¹ Грум-Грессмайло, указ. соч., т. I, стр. 413.

² Там же, стр. 413—414.

³ Там же, стр. 410.

этими реками и хребтом Танну-Олы. Наиболее сухим климатом отличается долина Хемчика, защищенная горами с севера, юга и запада.

Заканчивая свой обзор климатических условий Тувы, известный путешественник, англичанин Д. Каррутерс, пишет: «Наиболее подходящей для целей колонизации я признаю зону, в пределах которой лес и степь как бы борются друг с другом. Эта зона, будучи не слишком сухой и не слишком влажной, простирается полосой поперек средней части бассейна»¹.

Влага от дождей и снега, выпадающих в горах, задерживается на лесных площадях, покрывающих склоны Саян и Танну-Олы, и дает начало многим мелким потокам, которые, соединяясь в ручейки и ручьи, образуют речную систему Верхнего Енисея. Следуя общему наклону дна котловины², главная артерия Бий-хем, который от места своего слияния с Ха-хемом носит название Улу-хема, течет с востока на запад, чтобы там, пробившись через теснины горных хребтов по узкому ущелью Хемчик-бома, повернуть на север в пределы Сибирской равнины, падая в пределах этого прохода Саянских гор с высоты 488 м до 275 м. Собирая в течение всего лета воды из таящих снегов и выпадающих дождей на склонах гор, Улу-хем с его истоками, и их важнейшие притоки³ Хамсыра, Спсиг-хем и Хемчик отличаются вообще обилием воды; малая вода стоит ранней весной и осенью. Бий-хем (после впадения в него Хамсыры) и Улу-хем могут быть определены как большие реки: их ширина составляет от 106 м в горах до 640 м в степях. Обычная глубина измеряется метрами: на немногих перекатах бывают в самую низкую воду до 0,79 м, а в среднюю летнюю — 1,07—1,49 м. Остальные упомянутые реки тоже значительны, имея ширину 85—215 м и более, но перекаты их мелки до 0,26—0,64 м.

По характеру своему все верхние разветвления Енисея суть горные реки, с каменистым и гравелистым ложем и значительной скоростью течения, — не менее 7,5 км в час; они текут или в горных узких ложбинах, часто в ущельях (щеках), покрытых лесом, и тогда избытуют камнями, быстротоками (шнверами), а иногда и порогами, или равничают свое течение по степным долинам и тогда дробятся на протоки, образуя низкие острова.

Наибольшую массу своих вод Верхний Енисей получает в области истоков рек Бий-хем и Ха-хем. В этом месте проходит наиболее влажная полоса Саянских гор, здесь поднимаются вершины Восточного Саяна и хребтов, примыкающих с востока к Танну-Ола,

¹ Каррутерс, указ. соч., стр. 118.

² Чтобы судить об уклоне долины Верхнего Енисея с востока на запад, приведем следующие данные:

абсолютн. выс. урвия Улу-хема против устья р. О-хем — 1 066 м.

» » озера Теринор, из которого вытекает Ха-хем — 1 282 м.

» » » у места слияния с Ха-хемом — 635 м.

» » Улу-хема при устье Хемчика . . . . — 488 м.

³ Важнейшие по размеру своих бассейнов и количеству приносимой воды.

одетые вечным снегом. Кроме того восточная возвышенная часть бассейна представляет область, усеянную бесчисленными озерами, образованными по отступлению льда в послеледниковый период, спускающими свои воды в реки Бий-хем и Ха-хем. Вот почему на западных склонах, расположенных полукругом хребтов, образованных загибами гор Танну-Олы и Саянских, берут свое начало три главных истока Верхнего Енисея: Бий-хем, Хамсыра и Ха-хем. Собирая воедино многочисленные притоки, берущие начало в Саянских горах и с хребтов Сангылен и др., реки эти текут в западном направлении вплоть до слияния и образования реки Улу-хем¹. Напротив, притоки Улу-хема, стекающие главным образом с Танну-Олы, пробегаая по открытой местности с сухим жарким климатом в течение летних месяцев, несут меньшее количество воды и достигают Улу-хема значительно истощенными, благодаря расходованию их вод на орошение полей. В частности главный приток Улу-хема, Хемчик, берет начало по склонам гор, которые не получают большого количества атмосферных осадков. Северные склоны Танну-Олы, с которого стекают притоки Хемчика, значительно суше южных склонов Саянских гор.

Сказанное еще в большей мере относится к притокам Улу-хема, стекающим с Саянского хребта, которые вследствие близости гор к речной долине имеют сильно ограниченную водосборную площадь.

Речная система верхнего Енисея еще далеко не закончила формирования своего русла в недрах поперечных хребтов: Саяна, Утинско-Оджинского и Хемчикских гор. Доказательством этого являются Утинский и Хемчикский пороги, множество каменного материала, которым усыпано ложе реки, шиверы и быстротокки, которыми отличается течение этих рек. Находясь еще в том периоде, когда река весьма интенсивно формирует и размывает свое русло, Верхний Енисей отличается сильным падением, которое составляет от 0,89 до 1,50 м на 1 км, тогда как европейские реки имеют падение 0,21—0,06 м на 1 км.

Система Верхнего Енисея включает колоссальные запасы водной энергии. Использование этой системы может дать миллионы киловатт дешевой электроэнергии.

Зато как транспортная артерия бассейн Верхнего Енисея не представляет особых удобств. Улу-хем на всем своем протяжении, нижняя часть Ха-хема—км на 100 от устья—и Бий-хем (ниже устья Хамсыры)—очевидно пригодны для судоходства. Впрочем относительно Бий-хема это можно сказать весьма условно. Плес этой реки от устья Уюка до деревни Себи около 100 км имеет горный, бурный характер с обилием камней и шивер, самое же главное в том, что пересекающий реку Утинско-Оджинский хребет преграждает ее опасным Утинским порогом, непроходимым для судов. В нижней своей части Бий-хем и Улу-хем протекают по степной местности, поэтому течение мягче, шивер, порогов, камней нет, но русло местами очень сильно дробится на рукава, что вызывает образование перекатов в довольно большом количестве. Они создают большое неудобство для судов, особенно в малую воду (под осень, в сентябре).

¹ Карпутерс, указ. соч., стр. 113.

Сплав по Хемчику, Систи-хему и Хамсыре небольших плотов возможен, хотя и затруднителен вследствие быстроты их течения, каменности русла и дробления его ¹.

Общая площадь живых (текучих) вод Енисея и многочисленных озер, связанных с его системой, очень велика. По грубо ориентировочному подсчету Турчанинова, основанному на данных инж. Родевича, Крылова, Каррутерса, Ошуркова и его личных наблюдениях, все учтенные площади рек имеют следующую величину:

Площадь главных рек	319,00	кв. км
Притоки Хемчика	8,70	» »
» Улу-хема	1,85	» »
» Ха-хема	19,05	» »
» Бий-хема	27,45	» »
Вторичные притоки всех четырех систем	17,11	» »
Итого . . .	393,16	кв. км

Общая площадь озер без учета соленосных и всех мелких озер, не имеющих стока, равняется 532,83 кв. км.

Следовательно, вся площадь рек и озер составляет 925,99 кв. км.

При учете первоочередных возможностей хозяйственного использования такой мощной водной площади необходимо принять во внимание прежде всего колоссальные рыбные богатства этого бассейна. В тот период, когда рыбный промысел был почти исключительно промыслом русских артелей, приходивших из-за рубежа на лето в Туву, ежегодно, по грубо приблизительному подсчету, с одного га водного пространства (озер и рек) вылавливалось около 12 пудов. Эта цифра показывает, что рыбные богатства тувинских водоемов исключительно велики.

Благодаря меридиональному расположению верховье Енисея освобождается от льда на 1½ месяца раньше, чем его низовья. Жизнь и развитие планктона должно в южной части уже начаться тогда, когда средняя и нижняя части реки еще подернуты льдом. Понятно, что рыба в поисках корма подвигается к истокам беспрепятственно, так как улова в это время в низовьях происходить не может. Это обстоятельство предохраняет рыбные богатства Верхнего Енисея от истощения. Рыба, водящаяся в Тоимском районе, состоит процентов на 70 из хариузов, процентов на 25 из тайменя и ленка, остальное приходится на щуку, сига, окуня и др. ².

Отдельно приходится упомянуть об озерах Тувы, большая часть которых находится в горной области и в восточной части, примыкая к системе Бий-хема. Они представляют интерес в некоторых отношениях: во-первых, озера являются источниками, регулирующими сток воды вытекающих из них рек, и, во-вторых, они содержат в себе, как можно полагать, колоссальные рыбные богатства.

Геологические исследования Сибири установили, что в эпоху, соответствующую ледниковой в Европе, Западная Монголия и долина

¹ Родевич, указ. соч., стр. 5, 80 — 81.

² Турчанинов, Отчет за 1915 г., часть I, стр. 105.

Верхнего Енисея были окружены с севера и запада поясом обширных резервуаров, своего рода Средиземным морем, сделавшим климат этой области более мягким, влажным и температуру лета гораздо более низкой, чем ныне. В результате этого таяние обильно выпадающих снегов должно было идти гораздо медленнее и горные массы должны были покрыться вечным снегом и льдом. Существование ледникового периода в этой области азиатского континента твердо установлено исследователями, находившими в горных частях страны следы оледенения в виде моренных отложений. Между концом последнего ледникового периода и современной геологической эпохой в Азии, как и в Европе, наступил период с климатом более сухим и теплым, чем современный. К этому времени относится накопление песков и пыли, в которую перетираются песок и щебень, так называемый лесс. Ветры разнесли эти продукты во все стороны, образовав таким образом лессовидный суглинок, который вперемежку со слоями гальки, гравия, песчанистой глины образует почву в широкой долине Улу-хема и по Хемчику. Такой состав почвы делает ее очень плодородной, само собой разумеется, при условии достаточного орошения.

Но кроме атмосферно-пылевых почв мы находим в Туве целую градацию самых разнообразных почв, соответствующих почти всем существующим зонам на земном шаре. Здесь встречаются пустынно-степные почвы (красные и розовые), почвы сухих безводных равнин, черные перегнойные почвы с плотным травяным травостоем, серые лесные почвы березовых лесостепей и тундровые почвы арктической области выше 2000 м над уровнем моря¹.

Центральная, западная и южная (за Тангу-Олой) части Тувы заняты сухими степями.

В почвенном отношении они могут быть подразделены на ряд разновидностей.

1. *Барханские (или песчаные) пустынно-степные почвы.* Эти почвы образовались благодаря размыванию песчанников, сцементированных углекислой известью. Под влиянием атмосферных осадков, из которых $\frac{3}{4}$ выпадает летом, цементирующее вещество углекислой известью растворяется, вследствие чего отдельные зерна песчанника освобождаются, высыхают, а затем под действием ветра передвигаются в рядом лежащие долины. Можно заметить, что барханские пески и близлежащие горные массивы песчанников одностипного состава².

Вследствие процесса размывания происходит постепенное понижение уровня гор и увеличение мощности слоя барханного песка. Мощность отложений барханских песков различная и достигает, судя по некоторым наблюдениям, 10—12 м. Площади, занятые данного рода почвами, различны: встречаются участки, подобные барханной пустыне за р. Тес, которая занимает 17 925 кв. км, участки по Улу-хему, занимающие площади от 2 до 150 га. Барханные степи покрыты жалкой растительностью, и только около рек встречаются кусты карагашника.

¹ Турчанинов, Отчет по Урянск. краю за 1916 г., стр. 8.

² Турчанинов, указ. соч., стр. 4.

II. *Глинистые, суглинистые и супесчаные пустынно-степные почвы.* Эти почвы занимают довольно обширные пространства и располагаются вблизи глинистых сланцев или по берегам пересыхающих речек и оврагов, проходящих через отложения глинистых сланцев. Этого рода почвы, хотя и сухи, но охотно возделываются поселенцами в тех местах, где могут быть орошены. При достаточной влаге они вязки, при засухах трескаются, твердеют и распыляются под ногами животных. Агроном Турчанинов обращает внимание на то, что эти почвы имеют аналогичный подзолам беловатый слой на глубине 20—30 см.

Как пример такой глинистой оподзоленной пустынно-степной почвы может быть указана почва Туранской степи в центральной ее части, а также почва Межегейской степи около Элегеса и др. Причина образования подзолистых почв на совершенно открытых, ровных степных пространствах, где леса не встретишь на расстоянии нескольких десятков километров, остается невыясненной.

III. *Лессовые пустынно-степные почвы.* Лессовые отложения, по наблюдениям Турчанинова, встречаются вблизи горных массивов с подветренной стороны к господствующему ветру. Это можно наблюдать на отложениях лесса по Ха-хему, вдоль Улу-хема, за Таниульским хребтом и т. д. Характерно для Тувы, где господствуют северо-западные ветры, идущие с Сибирской низменности, что отложения лесса встречаются гнездами в тех местах, где горные массивы обращены своими склонами к северу и северо-западу. Там, где эти отложения соприкасаются с реками, они имеют крутые, отвесные стены; там, где они удалены от воздействия водных потоков, они имеют правильный склон от горы и постепенно сходят на-нет, как это хорошо видно в некоторых местах по южному склону Таниульского хребта. Обычно лессовые отложения производят впечатление суглинистых и илисто-пылевых почв, часто встречающихся по склонам гор¹.

Среди этих распространенных почв пятнами и островами встречаются местами солонцы. Происхождение солонцев объясняется тем, что подпочва этих мест содержит повидимому избыток солей, поэтому подпочвенная вода, насыщенная солями, поднимаясь благодаря пористому характеру почвы на ее верхний горизонт, испаряется, отлагая соль в виде корок и выцветов.

Вот почему огромное значение имеет проточная вода, которая выносит такую соль на поверхность и, выщелачивая почву, дает ей возможность проявлять виды растений, которые при иных условиях не могли бы на ней существовать. По этой же причине заброшенное поле в течение короткого промежутка возвращается в первобытное состояние, как только прекращается орошение².

Грум-Гржимайло, описывая в третьем томе своего труда приемы земледелия в Урянхайском крае (под этим названием у него фигурирует Тува), отмечает одну важную особенность почвы. При вполне достаточном количестве в почве фосфорной кислоты, извести и калийных солей почва Улу-хемской долины и долины Хемчика чрез-

¹ Турчанинов, указ. соч., стр. 7.

² Грум-Гржимайло, указ. соч., I, стр. 472.

вычайно бедна азотистыми соединениями. Воды, стекающие с гор Татну-Олы и Саянских, собираются преимущественно на снеговых полях и из ключей, образуемых таянием тех же снегов. Известно однако, что вода, образующаяся от таяния снегов на высоких горах, или вовсе не содержит азота (аммиака) или едва уловимое его количество (0,1—0,13 г на 1 куб. м снега). Далее, малое количество выпадающих в центральных частях Енисейской долины осадков и редкость гроз лишает землю и азота воздуха. Это обстоятельство объясняет нам, почему тувинцам приходится часто на несколько лет запускать свои пашни для восстановления естественным путем нарушенного в их почве минимума питательных элементов — факт очень редкий в сельскохозяйственных странах с искусственным орошением полей.

Не останавливаясь на почвах других типов, имеющих меньшее распространение (хрящеватые, каменистые, пустынно-степные и др.), переходим к почвам восточной половины.

Здесь бросается в глаза обилие черных перегнойных почв с плотной задернелостью и различной толщиной гумусового слоя. По словам агронома Турчанинова, по характеру своему эти почвы не имеют строения типичного чернозема, но их нельзя также отнести и к темносерым суглинкам, потому что они более интенсивно черного цвета и вероятно содержат больший процент органических остатков, чем последние. Происхождение этих почв может быть объяснено следующим образом. Несмотря на то, что климат восточной части в общем должен быть отнесен к сухому (меньше 400 мм годовых осадков), почвы отличаются большой сыростью, встречается много болот и сравнительно мало сухих степных мест. Наличие больших площадей болотистых мест и роскошных лугов должно быть отнесено за счет плотного слоя подпочвы, который делает ее плохо проницаемой для влаги.

Благодаря близости влаги к поверхности и сравнительно умеренной температуре лета микроорганизмы находят все необходимые условия для успешного своего развития, а потому перегнивание органических остатков идет довольно полно и быстро и почвы богаты гумусом¹.

Выяснив в общих чертах различия климатических условий в разных районах страны и особенности почвенного покрова, мы можем теперь подойти к оценке этих условий с точки зрения возможности развития земледелия и реконструкции животноводства.

Выше был приведен расчет агронома Турчанинова о тех площадях, которые могут быть использованы для земледелия. Размеры этих площадей оказываются совершенно достаточными для перевода кочевого населения на оседлость. Климатические условия разных районов создают в свою очередь полную возможность такого перевода, но они выдвигают перед земледелием особые задачи в соответствии с природными условиями этих районов.

Климатические различия не только подмечались исследователями, но они постоянно учитывались населением. Так например на ва-

¹ Турчанинов, указ. соч., стр. 23.

паде в долине Баянгола, притока р. Аксука, пашни встречаются даже на высоте 1 425 м, тогда как в центральной части (до Межигею) они доходят только до 1 233 м, а еще восточнее, на р. Ха-хеме около пос. Хлебниково, они достигают всего 1 020 м абсолютной высоты. Столь значительное естественное понижение высоты площадей, занятых земледелием, объясняется не чем иным, как сокращением периода вегетации по мере движения с запада на восток. Но зато наличие больших осадков летом вместе с теплой погодой в восточной части ведет к тому, что большинство травянистых растений, легко переносящих временные низкие температуры, развивается здесь до поразительной величины. На «сланях», или высокотравных лугах, травы достигают вышины, скрывающей человека с лошастью.

Вегетационный период в центральной части Тувы тянется в среднем 139 дней, тогда как в соседних областях Сибири и Северной Монголии этот период более продолжителен. Большинство же возделываемых хлебов, как например яровая пшеница, яровая рожь, овес, горох, просо, конопля, требует обычно до 140 дней, причем одни из них требуют ровно столько, сколько может дать максимум благоприятных условий в стране, другие — от 112 до 126 дней.

Данные о продолжительности вегетационного периода в Туве должны быть подвергнуты проверке путем постановки систематических метеорологических наблюдений в разных частях республики, так как есть основание думать, что максимальные и минимальные температуры, какие возможны в этой стране, еще неизвестны. Во всяком случае, если эти наблюдения раздвинут рамки вегетационного периода, это не снимает всей важности вопроса о подборе скороспелых сортов хлебных растений. Особенное значение приобретают сорта, культивируемые в высоко расположенных частях Монголии (округа Тарбагатай, Кобдо, Улясутай и др.), которые отличаются большой скороспелостью и легко переносят резкие колебания температуры. Особая задача связана с выбором соответствующих сортов для восточной части Тувы, потому что опыты земледелия, насаждавшиеся русскими колонистами самыми примитивными способами, говорят скорее в пользу его возможности, чем против него, несмотря на большие трудности, связанные с внедрением земледелия в этом районе. Хлеба вызревали не каждый год, но зато в урожайные годы достигали поразительных размеров. Так например в 1910 г. на Себи из 5 пудов ярицы уродилось 150 пудов. После нескольких неурожайных наступавший урожайный год с избытком покрывал урои предшествующих лет ¹.

Тува обладает большим запасом неосвоенных земель в своих центральных и западных частях, но это ни в какой мере не снимает вопроса о развитии земледелия на востоке, где наличие лесных и рудных богатств, развитие рыбных и звериных промыслов, использование водной энергии несомненно поставят перед республикой проблему продвижения земледельческих культур в восточные районы. Перспективы развития земледелия в таких районах, как Тожка, тесно

¹ Русский колонист Мозгалевский на Толбукте (Тожка) производил опыты посева какого-то сорта пшеницы, которую он называл «черной» пшеницей, причем она успевала вызревать, тогда когда все другие хлеба погибали от заморозков.

связаны с новейшими исследованиями о возможности продвижения земледелия в холодные зоны земного шара. Опыты нашего Института растениеводства, организованные по всему Союзу, показали, что в целом современной предельной границей вызревания самых ранних сортов хлебных злаков можно считать широту полярного круга. Большинство овощных культур, включая картофель, как показал наш и весь мировой опыт, практически не знает северных пределов. Культура овощей, корнеплодов, клубнеплодов и кормовых трав может идти до самых северных пределов Евразийского материка далеко вглубь тундры. Большую роль должен сыграть подбор соответствующих сортов. Необходимо подобрать сорта, могущие использовать короткий вегетационный период и малое количество тепла. Имеются многие растения, которые при продвижении на север ускоряют свой рост, вегетируют значительно скорее. Академик Вавилов сообщает, что существуют сорта ячменя и других культур, которые вызревают на севере в течение 60—70 дней от посева¹. Немаловажным фактором в удлинении периода вегетации может явиться осенняя пахота. Наблюдениями Иркутской метеорологической станции было выяснено, что процесс проникновения тепла внутрь земли идет на почве с растительным покровом от 2 до 3 раз медленнее, чем на оголенной вспаханной осенью почве. Сохранение растительности задерживает проникновение тепла больше чем на 1 месяц.

Ограничивающим фактором развития земледельческих культур в восточных районах может явиться не холод, а заболоченность, с которой надо будет бороться дренажем. Путем осушительных работ к огромным пространствам, пригодным уже в настоящее время для пастбищ и лугов, прибавится новый и обширный фонд земельных площадей.

Но если для земледелия обеих частей Тувы имеет огромное значение ускорение вегетации растений путем подбора соответствующего семенного материала и применения соответствующих методов обработки почвы, а для восточной части с ее заболоченными пространствами — дренаж, то климатические условия центральных западных степных районов выдвигают на первое место проблему орошения. Расширение обрабатываемого земельного пласта в этих районах связано с созданием оросительных сооружений, а это предполагает наличие больших водных ресурсов для орошения полей и лугов.

Обеспечивает ли Енисей своими водными ресурсами развивающееся в стране земледелие и происходящую реконструкцию животноводства? Согласно измерениям инж. Родевича, общее количество воды, подаваемое в секунду около Кызыл-Хорай (при слиянии Бий-хема и Ха-хема), составляет:

в Бий-хеме	719,9 куб. м
в Ха-хеме	452,3 „
Всего	1 172,2 куб. м

Этого количества воды может вполне хватить для орошения необходимой площади. Республика водой обеспечена, и вода не может

¹ Акад. Н. И. Вавилов, Проблема северного земледелия, «Труды ноябрьской сессии Академии наук СССР», стр. 254 — 255.

оказаться «узким местом» на пути к полной реконструкции кочевого хозяйства. Но конечно проведение воды для орошения будет сопряжено с большими трудностями и потребует значительных затрат.

Наиболее плодородные районы, находящиеся в долинах рр. Уюка и Турана и в нижней части долины Ха-хема, там, где эта река образует цепь приречных террас и займищ (по Элегесу, Шагонарыг, Чакулю, а также по правым притокам Улу-хема: Куйлу-хему, Илти-хему, Эрбекү), служили с давних пор приманкой для русских колонизаторов. Расселение переселенцев, особенно после того, как руководство их потоком попало в руки русской правительственной организации, происходило как раз на названных территориях, обладающих неисчислимыми запасами плодородной земли. Колонизация сопровождалась насильственным захватом этих земель и систематическим вытеснением коренного населения из этих районов, наиболее пригодных для земледелия.

Леса являются одним из основных природных богатств Тувинской республики. Большая часть лесов Тувы состоит из лиственницы, затем идет ель и кедр, немного сосны и березы.

Согласно наблюдениям Крылова и Шишкина, количество леса может быть примерно следующее:

лиственного	3 366 440 га
кедрового	2 907 360 »
гарей	1 568 455 »
Всего.....	7 842 275 га

Эта лесопокрытая площадь, согласно данным лесного кондуктора Полякевича в обследованной им части Тувы, распределяется следующим образом (в %):

Лиственница	61,8
Кедр.....	15,7
Сосна	5,1
Ель и пихта	4,8
Гарь	12,6
	<hr/> 100,0

Сообщая эти данные, Полякевич оговаривается, что в более таежных, им еще не обследованных, местах процент кедра должен быть значительно больше. Во всяком случае главной лесной породой является лиственница, за нею следует кедр, а на третьем месте стоит сосна.

Из перечисленных видов лесов наибольшую ценность для края имеет кедр. Кедровым орехом питается белка, составляющая массовый продукт пушного промысла Тувы, а с наличием белки в свою очередь связана жизнь и возможность размножения наиболее ценного пушного зверя тувинских лесов — соболя. Но для выяснения перспектив развития всех промыслов, которые связаны с лесом, следует особо выделить непосредственно лесной промысел. В отношении последнего кедр занимает также исключительное место, как

могущий эксплуатироваться не только в целях удовлетворения внутренних потребностей, но и для вывоза. Добыча его связана с известными трудностями, так как кедр растет на значительной высоте: не ниже 1 500 м, и только по некоторым долинам рек он спускается до 800 м высоты.

Жилищное строительство, которому предстоит быстро развиться в Туве в связи с частичным переходом кочевого населения на оседлость, промышленным строительством и т. д., создает довольно широкий внутренний спрос на продукты лесной промышленности.

Основой каждого типа местностей является прежде всего форма рельефа. Форма рельефа в свою очередь складывается под влиянием сочетания и взаимодействия твердой земной коры, воды и воздушной оболочки земли. «Три земные оболочки (т. е. газообразная, жидкая и твердая) и силы, заимствованные от солнца, взаимно соприкасаются во всевозможных сочетаниях и производят жизнь земли в обширном смысле этого слова, т. е. процессы химические, физические и органические»¹. Значение каждого из этих элементов порознь и в их сочетании для создания формы земной поверхности велико. Формы поверхности оказывают в свою очередь влияние на характер орошения, на распределение климата и вместе с тем на распределение растительных сообществ.

Растительный покров является вторым по значению элементом, обуславливающим наряду с формой рельефа тип данной местности. Грум-Гржимайло кстати приводит мнение Александра Гумбольдта, что физиономия ландшафта зависит не столько от неровностей земной поверхности и характера гор, формы которых повторяются во всех зонах, сколько от одевающей их растительности². Не принимая крайности этого взгляда, надо признать, что «лицо» каждого места создается при участии растительных элементов, которые как бы накладывают свой сложный рисунок на неравномерный и пестрый узор, образованный формами земной поверхности. Географический ландшафт является таким образом производным от пространственного сочетания форм рельефа с растительным покровом.

Ввиду этого описание растительных сообществ, распределенных по территории Тувы, дается в нашем изложении в нераздельной связи с описанием основных типов местностей.

Но прежде чем перейти к этому описанию, необходимо условиться о том, какие признаки должны быть положены в основу деления Тувы на местности, принадлежащие к одному и тому же типу.

Основой деления принимаются форма земной поверхности. С точки зрения рельефа тувинскую котловину можно подразделить на три части: *восточная горная страна* по Бий-хему и Ха-хему, за исключением их нижних частей, *центральная долино-распашная область* по Улу-хему и Хемчику, между долинами этих рек и хребтом Танну-Ола и *горная страна* на западе и юго-западе котловины в области истоков Хемчика и его левых притоков. Особую область

¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Район и страна, стр. 111.

² Грум-Гржимайло, указ. соч., стр. 426.

составляет пространство, расстилающееся по южному склону хребта Танну-Ола по направлению к хребту Хан-Ху-Хей, пересекаемое средней частью долины реки Тес-хем.

В отношении растительного покрова бассейна Верхнего Енисея представляет переходную зону от заболоченных лесов Сибири к безводным степным пространствам Монголии. «Влажные лесные пространства исподволь начинают уступать свое место более сухой и отличающейся яснее выраженным центрально-азиатским характером стране. Растительность становится менее обильной, леса преимущественно приурочиваются к северным склонам холмов, и настоящий степной вид принимают долины, постепенно взползающие даже на склоны гор, которые тоже принимают вполне южный оттенок»¹.

Отсюда следует, что деление страны по формам рельефа в основном совпадает с границами деления по признаку растительного покрова. Восточной горной части соответствует лесная зона, прерывающаяся на открытых и низких пространствах луговой растительностью или переходящая на высоких плоскогорьях в альпийские тундры.

Средняя или центральная равнина представляет в основном обширное пространство, покрытое сухими степями.

Западная и юго-западная горная страна представляет снова лесистую страну, но отличающуюся некоторыми своими чертами от восточной половины. Перевалив хребет Танну-Ола и двигаясь к р. Тес и далее на юг, мы легко замечаем, как резко изменяется растительный покров, который все более и более принимает вид, свойственный степям и полупустыням Монголии.

1. Восточная часть бассейна Верхнего Енисея охватывает, как было упомянуто, все пространство, занятое рр. Бийхемом и Ха-хемом и их притоками за исключением областей, лежащих вдоль нижних частей этих рек. К этой области по форме рельефа и по характеру растительности можно причислить все Саянское нагорье, лежащее к востоку от Хемчик-бома.

Господствующей растительностью всей этой области является хвойный лес, верхний предел которого в Саянах понижается в направлении от запада к востоку в связи с более суровыми климатическими условиями. Саянская тайга имеет много общих черт с «черной» северо-восточного Алтая. Хвойная тайга состоит преимущественно из кедра, пихты и ели. Ниже появляется береза, в долинах рек господствует лиственница, которая живописными парками тянется на значительном протяжении. Особенность лиственного леса та, что между редкими, но мощными деревьями земля покрыта густой травой, так что все площади лиственницы являются и лугами². В бассейне Бий-хема (к востоку 94°) хвойный лес получает характер трудно доступной хвойной чащи с болотами, буреломом и затянutoй мхом почвой. Поэтому в истоках Бий-хема и Ха-хема страна носит дикий горно-таежный характер. В верховьях Ха-хема горы изрезаны узкими ущельями рек, иногда совершенно недоступными для прохода караванов. Поросшие смешанным лесом, они своими каменными осыпями, валежником, болотами и бегу-

¹ Карпутерс, указ. соч., стр. 110 — 111.

² Родевич, Урянхайский край и его обитатели, «Изв. Р. Г. О.»

щими отовсюду ручьями делают чрезвычайно трудным передвижение по этой части Тувы.

В лесной зоне наблюдателю с высокого места открывается во все стороны бесконечное море сплошных лесов и просвечивающие изредка среди этой чащи реки и озера. Местами сплошной лес расступается, давая место зеленым пастбищам, среди которых пасется дикий олень. Только глубокий снег в чащах зимой заставляет его подниматься на голые горные вершины, свободные от снега.

Многочисленные озерца с прозрачной, не имеющей стока водой являются свидетелями бывшего здесь оледенения и обозначают пути отступления этих древних ледников. Лабиринт озер и болот — малых и больших, — местами вытянутых длинной цепью, через которые протекают реки и их притоки (Ий-Суг, верховья Хамсыры и др.), превращает эту часть Тувы в настоящую «страну озер». Некоторые озера, значительные по своей площади, как например Нойон-куль, Тожа-куль, Тери-нур, занимают дно глубокой котловины, окруженной горами; они являются притягательным центром для скотоводов, которые спускаются сюда с высоких хребтов на зиму со своими стадами и располагаются лагерем по берегам озер.

По мере подъема ландшафт изменяется. Обычная картина высоких плоскогорий Саянского нагорья — это равнина с кочковатой поверхностью, сплошь заросшей лишайником, мхами, кустарниковой ивой и загромажденной валунами, среди которых виднеются многочисленные ямы со стоячей водой и торчат погибшие в борьбе с суровой природой жалкие остатки деревьев¹.

Такова область альпийской тундры, которая избирает плоскогорья как места, благоприятствующие застыванию воды. Водоразделы между речными системами местами представляют настоящие топи, где размягченный грунт перемешан с камнями и корнями деревьев. Непременная принадлежность описываемых лесных чащ в летнее время — несметные полчища мошкеры и мух, которые тучами вьются над человеком и животными, обливая их так, что линию следования каравана можно легко различить по облаку насекомых, которые вьются позади в воздухе².

Ниже таскной зоны лесная чаща отступает, начинается господство луга с густой травой. В районе р. Бий-хем характерной чертой ландшафта является сочетание луга с лесом, холма с равниной: залитые солнцем роскошные зеленые луга перемешаны с тенистыми рощами лиственниц; тысячи спокойных озер и озерков, богатых рыбой, рек и ручейков; покрытые лесами горы, которые заканчиваются голыми суровыми вершинами, образующими как бы скалистую ограду вокруг бассейна³.

Еще ниже появляются степные травы, причем с особенной резкостью степной характер обнаруживается в растительности открытых южных склонов холмов⁴. Скудная растительность этих холмов не образует сплошного дерна.

¹ Михеев, Отчет о поездке в Северо-западную Монголию и Урянхайскую землю, стр. 160.

² Каррутерс, указ. соч., стр. 152.

³ Там же.

⁴ Крылов, Путевые заметки об Урянхайской земле, стр. 66.

В среднем течении Бий-хема взаимное распределение леса и степи таково: южный берег, обращенный к северу, густо покрыт сплошным лесом, северный берег тоже покрыт лесом, но при каждом впадении какого-либо притока в Бий-хем образуется перерыв в лесной зоне и на смену лесу появляется луговое пространство в виде длинных узких клинообразных площадей. Прогалины эти очень удобны для колонизации. Самые степи отличаются уже настоящим южным характером. Даже в верхних частях Бий-хема встречаются места, находящиеся в процессе обезлесения и засыхания. Одно из таких степных пространств, лежащих в нижнем течении р. Азаса, известно под названием Тора-хемских степей¹. Сухие, травянистые холмы,

Тожа. Полянка у подножия г. Чаламалых. Луга, покрытые густой травой, перемежены с тенистыми рощами лиственниц.

лиственничные рощи растягиваются здесь, как бы в противовес мокрым безлесным холмам, которые окружают их со всех сторон.

Сочетание природных условий в пределах описываемого ландшафта объясняет нам, почему именно на этих открытых степных пространствах тувинское население живет в большом сравнительно количестве. Снег выпадает здесь в небольшом количестве, и скот без труда находит себе пропитание. В течение короткого лета рогатый скот откармливается на тучных пастбищах по берегам ручьев, а стада овец, коз и лошадей пасутся по соседним холмам. Зимой население еще более увеличивается, так как сюда спускаются кочующие в горах тувинцы со своими стадами.

Описываемый горный район, одетый лесом, принадлежит к богатейшим по количеству животных, которые эксплуатируются человеком. Континентальность климата, гористость и лесистость мест-

¹ Р. Азас по выходе из озера Тожа-куля носит название р. Тора-хема.

пости, обширные лесные площади, степные луга, болота, поросшие ягодными кустами, степные плоскогорья, текущие воды и высокие скалы — все это крайнее разнообразие жизненных условий благоприятным образом влияет не только на количество всякого рода зверья, но и на качество добываемой здесь пушныны, в частности на окраску и на густоту меха.

Здесь водятся ценные виды соболя, лисы, рыси, выдры, горностая, росомахи. В глухой тайге держится медведь, лось — сохатый. Огромное промысловое значение имеет белка. «Урожай» белки находится в зависимости от урожая кедрового ореха. Неурожай кормов вызывает переселение белки в другие районы. Тувинская котловина изобилует кедром, растущим на равных высотах. Вследствие этого неурожай кедрового ореха составляет редкое явление.

Водящийся здесь в большом количестве изюбрь, или марал, ценен своими рогами (пантами).

Один из способов ловли изюбря тесно связан с характером снегового покрова ранней весной. В это время на снегу появляется ледяная глазурь, или наст, от попеременного действия солнечного тепла и утренних морозов, в то время как под твердой корой снег долго еще сохраняет рыхлость и пушистость. Снег легко держит человека на лыжах, а наст облегчает бег охотника, но наст все-таки еще настолько слаб, что не может удерживать зверей на бегу. Пробивая кору ногами, изюбрь до крови сдирает с них шкуру и быстро изнемогает от острой боли. Он проваливается в рыхлый снег и тогда его ловят¹.

Дикий белый олень в изобилии водится в Саянах, но охота за ним связана с большими трудностями. Прирученные олени представляют основное богатство в хозяйстве кочевников Тоюннского хошуна. От оленей зависят и их перекочевки. На летнее время в поисках наиболее подходящих пастбищ для своих оленей население отправляется в более высокие местности, перегоняя табуны оленей в самые холодные места, к высоким горным хребтам, в «Таскылы». Саянские олени значительно больше и тяжелее северных оленей. Так как в верхней части бассейна Бий-хема невозможно пользоваться лошадьми, вследствие мягкого местами грунта и скудости травяного покрова, то олень является наиболее подходящим средством передвижения в этих местах. Верхом на оленях тоюнец отправляется осенью на охоту, с помощью оленей он перевозит свою домашнюю утварь с зимовки на летовку. Олени дают своим владельцам молоко, которое в летние месяцы служит им главной пищей².

Скопища сточных озер в верховьях Бий-хема и его притоков представляют удобную для метания икры площадь. Породы рыб, населяющих реки и озера верхнего бассейна, насчитывают до 9—10 разновидностей: таймень, хариус, ленок, сиг, налим, щука и др.

Из таежных птиц предметами охоты служат: глухари, косачи, рябчики.

2. *Центральная часть бассейна Верхнего Енисея* занимает долину рр. Улу-хема и Хемчика и область между Улу-хемом и

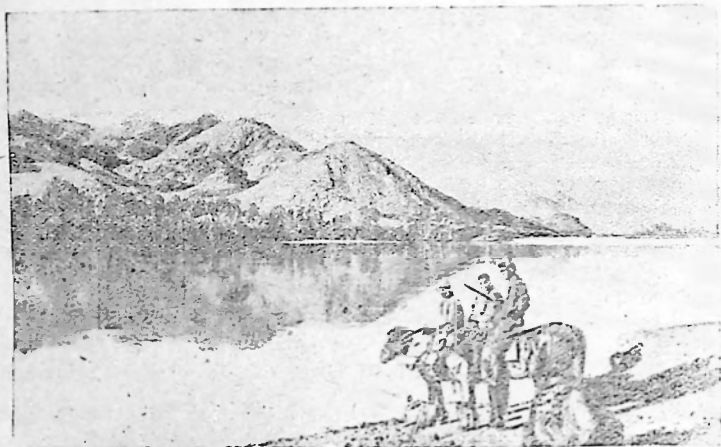
¹ М. И. Скабеев, Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. «Сев. Азия», 1925, кн. 5 — 6, стр. 118. Ср. Серошевский — Якуты, стр. 30.

² Островский, Оленные тувинцы, «Сев. Азия», 1927, кн. 5 — 6, стр. 83 — 84.

хребтом Танну-Ола. Это наибольшая и вместе с тем и наиболее ценная котловина. Степные пространства этой котловины простираются от Утинского края и до Хемчикских гор на 200 км и от Танну-Олы до Саян на 100—150 км¹. Очертания рельефа и растительный покров дают чувствовать близость пустыни Монголии.

Пойма² р. Улу-хема с севера ограничена высокими горами, совершенно безлесными, местами подходящими вплотную к самому берегу.

На южной стороне более низкие горки и холмы, такие же каменистые и голые, чередуются с ровными или слабо покатыми степями. От устья р. Ха-хем на протяжении 100 км над долиной возвышаются две террасы. На верхней террасе степь имеет пустынный ха-

Р. Улу-хем. В ожидании перехода. С севера совершенно безлесные горы подходят вплотную к самому берегу.

актер: «она местами щебениста, местами солонцевата, местами лесовидна, встречаются травяные залежки — ковыльные, полынные, соляниковые; есть и выжженные от солнца места. Наряду с богатыми землями попадаются и имеющие характер полупустыни»³.

Собственно к описываемому району следует отнести нижние части рек Бий-хем (от Утинского порога) и Ха-хем, которые представляют переход к центральной части бассейна. Растительность по горам все более и более редет. Сосны попадают реже. Холмы покрыты почти исключительно лиственничным лесом, притом только северные склоны. Южные склоны голые, вдоль гребней холмов бро-

¹ Родевич, Урянхайский край и его обитатели, «Изв. Р. Г. О.», стр. 133.

² Поймой реки называется та часть долины, которая заливается во время пессенного разлива.

³ Родевич, указ. соч., стр. 134.

саются в глаза фаланги лиственниц, стоящих рядами, а затем спускающихся вниз по северным склонам.

К югу, там, где долина поднимается выше уровня разлива реки, пологая степь раскидывается на обе ее стороны и продолжает тянуться непрерывной волнистой пеленой.

Путешественник Каррутерс, спустившись по Бий-хему в этот район, передает свое впечатление такими словами: «Мы наслаждались острой и сухой атмосферой открытой местности после изнуряющей сырости лесной чащи»¹.

Господствующий цвет — сероватый от преобладания полыни. Кое-где, преимущественно по склонам холмов, встречаются тощие кусты караганика. На нижних террасах более густая и яркая зелень,

Место слияния рр. Бий-хем и Ха-хем у подножия горы Чанчик. Вблизи этого места перед революцией был построен г. Белоцарск — центр колониального угнетения Тувы русским царизмом. Теперь на том месте, где был zaloжен Белоцарск, выросла столица республики, Кызыл-Хорай.

особенно на низких и болотистых местах. По окраинам прибрежной уремы² растительность напоминает северные заливные луга. Вдоль самого берега узкой полоской тянутся густые заросли ив, но главным образом бальзамического тополя, опушки и рожи которого придают реке нарядный вид.

Пойма р. Улу-хем то раскидывается на десятки километров, то сводится к узкой аллее высоких тополей. Ниже устья реки Элегес на долину Улу-хема надвигаются горы, которые местами сходятся с обеих сторон, местами же река упирается в высокие утесы, поднимающиеся отвесно над рекой (Оттуг-таш, Хайракан). На верхней пустынной террасе, там, где возможно отвести воду из впадающих в Улу-хем речек, встречаются тувинские нальзи, заселенные просом, ячменем, пшеницей. Своей яркой зеленью они представляют резкий

¹ Каррутерс, указ. соч., стр. 189.

² Уремой называются узкие участки лиственного леса по речным долинам в поясе лесостепи и степи (туган в Ср. Азии).

контраст с окружающей их голой степью. «Но случается, что воды нехватает, например вследствие пересыхания речки, тогда эти поля имеют жалкий вид: едва взрыхленная, сильно щебнистая почва голыми пятнами проглядывает между редкими посевами: просо низкое и тощее. Заброшенные прошлогодние поля очень мало отличаются от окружающей их степи; об их присутствии здесь свидетельствуют лишь сухие канавки бывших арыков да несколько гуще растущая полынь и медунка»¹. К югу от долины Улу-хема тянутся каменистые сопки, как бы вросшие в поверхность степи, а между ними равнины или пологонаклоненные в сторону Улу-хема бесплодные степные площади. Ложбины между горами местами прорезаны оврагами текущих речек, образующих в котловинках стоячие прудки, а ватем текущих в степи (например р. Шола).

Далее сопки связываются в невысокие гряды, еще далее появляются горы, пока еще не высокие, которые, сплываясь, делаются крутыми, степные долины между ними — узкими. Южные покатости этих гор совершенно голые, северные — заросшие обыкновенно лиственницей, которая сперва встречается отдельными деревцами, а затем целыми группами, впрочем не сливающимися в сплошной лес.

Между хребтами гор текут речки, впадающие ниже в Улу-хем (Элегес, Таргалык, Ча-куль), обросшие по окраинам густой уремой из лиственниц и ив. На террасах, ограничивающих их долины, на влажных низинах встречаются лужайки из густого зеленого злакового дерна с некоторыми лесными травами.

На высоте около 1300 м изредка попадаются участки с черной почвой, обильно заросшие ковылями и разными степными травами. Местами встречаются соленые и пресные озера.

Местность к западу на водоразделе между долинами рр. Ча-куль и Чадака имеет вид голой, почти безводной степи, пересеченной невысокими горными отрогами Таишу-Ола, поросшей лиственничными перелесками. По этой степи в давно прошедшие времена было проложено хорошее каменное шоссе, от которого сохранилась щебеночная насыпь и плитная настилка. По преданию, эта дорога приписывается Чингис-хану и является вероятно памятником проходившего здесь в незапамятные времена оживленного торгового пути.

Степная площадь долины Хемчика, хотя и изрезана выходами гор, но в общем имеет километров 75 длины по течению реки и километров до 60 ширины. Хемчикская долина, укрытая горами, наиболее жаркое место во всей Туве.

Долина реки Хемчика представляет возвышение между более сухим, чем она, Монгольским плоскогорьем на юге и Абаканской степью на севере, отличающаяся разбросанными вперемежку холмами и долинами, более ровной температурой и более умеренным количеством выпадающих здесь атмосферных осадков².

Весь этот район представляет равнину, ширина которой доходит до 14—16 км, например у р. Барлыга или против устья р. Алаша, местами же она суживается до берегового займища³ с площадью

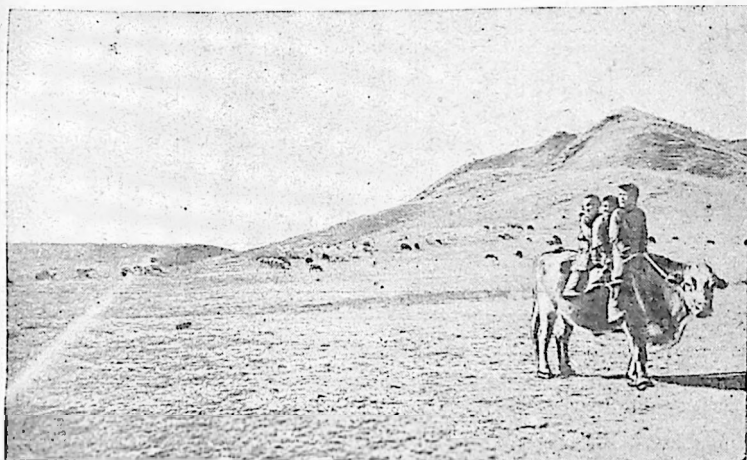
¹ Крылов, указ. соч., стр. 23.

² Каррутерс, указ. соч., стр. 199.

³ Займищами называются узкие, низкие, заливаемые водой приречные части равнин.

в 1—3 кв. км. Горы, окружающие равнину правого берега, более или менее доступны и дают выгон для скота, но горы, ограничивающие равнину на левом берегу Хемчика, кончаются каменистыми, почти отвесными утесами и доступ в них возможен только по узким долинам рек¹. «Хемчик всюду красив, но особенно поэтичны места, где его воды омывают утесы, которыми обрываются надвигающиеся на него горы»².

Там, где степь расширяется, на террасе, возвышающейся над руслом реки сажень на шесть, почва песчано-глинистая с примесью гальки; местами встречается чернозем. При искусственном орошении хорошие урожаи, вне же его растительность скудная³.

Пастбище на плоскогорье близ р. Хемчик. Впереди группа тувинских детей.

В котловине Хемчика наиболее пригодной для человека является центральная часть Чаданской долины. Эта широкая долина, изрезанная в различных направлениях оросительными канавами, представляет сплошное пастбищное пространство, где под тенью гигантских лиственниц раскинуты тувинские юрты, а табуны лошадей и стада овец пасутся среди зеленых лугов.

Горы над нижним Хемчиком, покрытые выжженной солнцем растительностью и изобилующие отвесными скалами, служат излюбленным приютом джигма (горного барана), кабарги и обыкновенной дикой козы, в тайге встречается медведь. В степи водятся в большом сравнительно количестве тарбаган, тушканчики, волки и

¹ Поликсевич, Леса Урлхал по данным обследования 1915 г. (Изв. Сиб. отд. Г. Р. О., том III, в. 3-й).

² Грум-Грессимайло, указ. соч., стр. 234.

³ Грум-Грессимайло, указ. соч., стр. 235.

в небольшом количестве около озер — кабаны. В степях же пасутся в несметном количестве куропатки и дрофы.

3. *Западная часть бассейна Верхнего Енисея*, или верховья Хемчика, представляет горную страну, по характеру весьма сходную с восточной частью бассейна ¹.

Хвойные леса, которыми одеты горы в области бассейна Хемчика, состоят преимущественно из лиственниц, которые группируются всего чаще в светлые рощи попеременно с полями, поросшими разнообразными кустарниками и сочными травами. Иногда к лиственнице присоединяется пихта, кедр, ель. Лиственные породы деревьев обыкновенно являются лишь в виде ничтожной примеси к хвойным

Долина р. Хемчик. На нижних террасах полосой тянется густые заросли ив и рощи бальзамического тополя.

породам, но в долинах рек они преобладают (тополь и др.). Выше лесной зоны в виде переходной ступени тянутся заросли низкорослых кустарников, полирный березняк, ивы. Еще выше поднимается зона альпийских степей и лугов, часто переходящих друг в друга. Растительность альпийской степи состоит из тиров, переходящих ниже в обширные насаждения полыни. На высоте 2300—2500 м сплошной дерн из этих трав исчезает, его сменяет мохово-лишайниковый ковер, пятнами устилающий оголенную песчаную или щебневую почву. Выше наступает царство бесплодного камня ².

4. Южная часть, лежащая за хребтом Танну-Ола, занимает южные склоны этого хребта и среднюю часть бассейна р. Тес-хем, образуя террасу обширной котловины оз. Упса-нор.

Хребет Танну-Ола поднимается высокой стеной и образует важную раздельную линию между бассейном Верхнего Енисея и бас-

¹ Каррутерс, указ. соч., стр. 109.

² Грум-Гржимайло, указ. соч., стр. 447, 449.

сейном реки Тес-хем. Южные склоны хребта почти совершенно голые, северные — покрыты лесом. «Однако покрывающие Ташу-Ола леса отличаются по типу от лесов, одевающих Саянские горы. Даже самые низкие части покрыты здесь зарослями лиственницы и небольшого количества ели, по мере поднятия вверх ель исчезает и уступает свое место кедру, пока наконец уже в пределах самой верхней границы древесной растительности последний не становится окончательно преобладающим даже над лиственницей. Самый лес здесь отличается более открытым характером, в нем не имелось вовсе болот, и только весьма незначительное количество поваленных деревьев служило иногда нам препятствием в нашем движении вперед»¹.

Тот же путешественник (Каррутерс), описывая свое впечатление при виде открывшейся перед ним картины с перевала, пишет: «Перед нами в виде контраста (с видами Сибири) лежали слабо окрашенные степи и плоскогорья Монголии, производившие сильное впечатление обилием света, сухостью и своей загадочностью».

Тувинской республике принадлежит не вся котловина, по дну которой течет река Тес, а только часть ее.

Южный склон хребта пологий, контуры его под влиянием южных ветров и деятельности атмосферы сгладились. Южный спуск с Ташу-Ола в противоположность северному широкий и пологий, изрезанный узкими ущельями притоков р. Тес, выделяющихся на фоне серой растительности степи зеленой лентой древесных насаждений (тополи, ивы, березы, лиственницы).

Из массы текущих со склонов хребта речек только немногие доносят свои воды по поверхности до р. Тес. Ближе к Тесу оканчивается полоса лесов и начинается зона болот с рядом озерков, заросших камышами, с невероятным количеством оводов и комаров. Население кочует по этим местам осенью, в летнее время они совершенно пусты. Здесь имеются площади с хорошими кормовыми травами, которые идут на зимний прокорм скоту. Болотистая полоса, тянущаяся вдоль р. Теса, не всюду одинаковой ширины и выклинивается по мере удаления от озера Упса к востоку².

«Почва этой части больше илистая, плотная, и при проведении дренажных канав, дабы сток разливающейся воды был обеспечен, можно всю эту площадь обратить в луга первого класса, ибо тепла достаточно, влага будет, а следовательно возможен и хороший рост трав»³.

Степь пересечена идущими в разных направлениях рядами глубоких параллельных и неглубоких впадин, выбитых в почве ногами лошадей или верблюдов, следующих обычно друг за другом гуськом. Тес-хем течет в широкой долине. Темнозеленой полосой вьется по этой долине густая урема, состоящая из чернолесья и лиственницы. К югу от Тес-хема простирается широкая песчаная степь, беспесенная буграми, до подножия приграничного хребта Хан-ху-хей. Местами встречаются пресные и горько-соленые озера. Есть среди них крупные. Там, где нет воды, поверхность совершенно бесплодна и только там, где поверхность образует впадины, по дну впадин встречается

¹ Каррутерс, указ. соч., стр. 201.

² Турчанинов, Отчет по Урянхайскому краю за 1916 г., стр. 17.

³ Турчанинов, указ. соч., стр. 18.

редкая травяная и кустарниковая растительность. Хребет Хан-ху-хей представляет узкую, но высокую гряду гор. Благодаря короткости склонов хребта и значительной их крутизне собирающиеся на нем воды стекают порознь ручьями и ручейками и, доходя до расстилающейся у подошвы пустыни, поглощаются сухой почвой¹.

К югу от р. Тес население в летнее время собирается со своими стадами к пресным озерам (Дуру-нор), но и там изнурляющая жара действует на людей и на скот. Почти целый день скот проводит стоя без еды в озере, пастись он начинает только после заката солнца.

---

¹ Поликевич, укав. соч., стр. 65.

2. Основные черты тувинского феодализма

Классики марксизма-ленинизма о феодализме. Некоторые особенности феодализма на скотоводческой основе. Колонизационные процессы в котловине Верхнего Енисея. Феодализм Халхи. Политическая раздробленность Тувы. Население Тувы и его занятия. Разложение родовой патриархальной общины. Представители феодального класса в Туве. Формы феодальной эксплуатации. Экономическое расслоение класса непосредственных производителей. «Бай-кижи» и формы его эксплуатации.

Вопрос о том, каков был общественный строй пропаводства тувинского народа, на какие основные классы распадался последний, в каких формах выражался гнет, под которым в течение веков жило трудящееся население, поставлен совсем недавно. Вопрос этот выдвинут всей практикой революционной борьбы. Он вытекает из стремления понять ее исторические корни для того, чтобы получить правильную ориентировку в условиях современной действительности.

Но степень разработки этого вопроса ни в какой мере не соответствует его важности. Исследователь прошлого такой страны как Тува находится в незавидном положении ввиду прежде всего исключительной трудности добыть необходимый материал, освещающий это прошлое. Дореволюционная Тува не имела собственной письменности. Письменность была монгольская, но и она являлась достоянием отдельных представителей крайне тонкой общественной верхушки. Скудные архивные материалы, какие могли сохраниться в условиях кочевой жизни, после бурных лет гражданской войны были почти полностью расхищены. Живая память свидетелей прошлого является мало надежным источником, вследствие их низкого культурного уровня и чрезмерной субъективности самих показаний. Бывшие же чиновники, ламы и пр., т. е. все бывшие участники угнетения и эксплуатации аратства¹, менее всего пригодны для этой цели благодаря той роли, какую они играли в прошлом. Правда, приглядываясь к современной действительности, изучая ее, нередко находишь в строе общественных отношений отдельные пережитки этого прошлого, но они подверглись уже сильнейшей деформации под влиянием развившихся в стране новых отношений. Марксистских работ, посвященных странам Центральной Азии, как известно, почти не существует. Буржуазная литература, которой приходится пользоваться, мало сказав, неудовлетворительна, она насквозь проникнута великодержавным шовинизмом, переходящим в звериную ненависть к «иностранцам», национальной и классовой пред-

---

¹ Аратами называются трудящиеся скотоводы.

взятостью. Это главным образом книги и журнальные статьи, написанные путешественниками и различного рода исследователями, одни из которых имели прямой целью обследование Тувы, другие занимались Тувой лишь попутно, когда они просажали через эту страну, направляясь из России в Монголию или из Монголии в Россию. Эта основная группа источников отличается также той особенностью, что авторы этих сочинений — географы, геологи, этнографы, археологи — останавливались на экономических и социальных отношениях лишь попутно, вскользь и отрывочно. Имеющийся в их работах социально-экономический материал дает возможность осветить лишь отдельные отрезки времени и притом в самых общих чертах. Самое же главное это то, что за исключением двух-трех авторов (Кона, Яковлева), остальные работы принадлежат перу прямых или косвенных агентов русского правительства и русского торгового капитала, не говоря уже о военных и штатских контрразведчиках, как полковник генерального штаба В. Попов и «ученый» археолог Минцлов, выполнявшие в стране каждый по своей линии «секретные» поручения.

Одним из наиболее интересных для моей темы авторов мог бы явиться без всякого сомнения известный географ и историк Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло. Его 4 обширных тома, посвященные Туве («Урянхайскому краю») и Западной Монголии, вышли в советский период, последний том даже в 1930 г. Но на примере этого автора можно легко проверить правильность утверждения о реакционности и классово-враждебном характере преобладающей части представителей академического востоковедения в прошлое время.

Для Грум-Гржимайло как исследователя характерно прежде всего то, что он последовательно защищает идею о «культурной миссии» царской России и Азии, в частности в Туве. Он проводит далее тот взгляд, что тувинский народ «находится несомненно на верном пути постепенного угасания». Он очень красноречиво выступает на защиту делний русского торгового капитала в Монголии и в Туве от обвинений в хищничестве и грабеже. Характерно, что он горячо спорит даже против дружественных упреков таких несомненных агентов русского капитала, как профессора Боголепов и Соболев, совершившие свое путешествие по Монголии и Туве в 1910 г. Одновременно он выступает на защиту и ламского духовенства, считая, что взгляд, будто ламское духовенство — язва на теле страны, является полнейшим недоразумением.

Таковы в общем источники, которыми приходится пользоваться советскому читателю, изучающему прошлое Монголии и Тувы, переживающих процесс буржуазно-демократической революции и складывающихся ныне основы некапиталистического пути развития. Отсюда становятся понятными те трудности, какие стоят на пути к научному (т. е. марксистскому) овладению этим материалом.

Чтобы составить себе правильное и ясное представление о прошлом Тувы, необходимо опереться в первую очередь на те высказывания, которые по вопросу о социально-экономических формациях мы находим у Маркса, Энгельса, Ленина. Поэтому свою работу автор считает нужным начать с установления основных характерных

черт предшествующего капитализму феодально-крепостнического способа производства и тех своеобразных особенностей, которыми отличается феодализм на скотоводческой основе. Но поскольку эта тема не имеет в данной работе самостоятельного значения, автор считает возможным ограничиться лишь схематическим изложением этого вопроса для того лишь, чтобы получить правильную ориентировку при анализе общественного строя дореволюционной Тувы.

Не подлежит сомнению, что основную характеристику феодального способа производства, как и всякой общественной формации, нужно искать не в сфере надстроечных явлений, а в способе соединения рабочей силы и средств производства, в отношении собственности средств производства к непосредственным производителям. С этой точки зрения предпосылкой раннего феодализма является господство натурального или полунатурального хозяйства, единство промышленно-земледельческого производства, т. е. соединение домашней промышленности и сельского хозяйства. Важнейший определяющий признак здесь тот, что непосредственные производители наделены средствами производства, необходимыми для производства средств существования. Непосредственный производитель «владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования, он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность»¹. Отсюда ясно, что, если мы имеем строй непосредственных производителей, т. е. производителей, самостоятельно ведущих как сельскохозяйственное, так и промышленное производство, то изъятие у них прибавочного продукта возможно только при наличии внеэкономического принуждения. Только на основе принуждения можно из самостоятельных производителей выколотить прибавочный продукт в пользу феодала.

Внеэкономическое принуждение выступает как основной метод получения прибавочного продукта, причем благодаря натуральной форме хозяйства отдельные работы и продукты, выполняемые или поступающие в пользу феодала, входят в кругооборот общественной жизни в форме натуральных служб и натуральных повинностей. Но применение внеэкономического принуждения к непосредственным производителям предполагает их личную зависимость от феодалов, причем степень личной зависимости и формы внеэкономического принуждения не имеют решающего значения для определения сущности феодального способа производства, хотя в то же время выражают различные фазы его развития. «Формы и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неправомерностью крестьянина»². «При таких условиях (т. е. когда крестьянин экономически самостоятелен) прибавочный труд для номинального земель-

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 319. Здесь и далее цитируется по изд. 1907 г.

² Ленин, т. III, изд. 2-я, стр. 140.

ного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»¹.

Основой присвоения прибавочного продукта является номинальная собственность феодального класса на важнейшее условие труда, землю, которая некогда составляла собственность родовой общины, позже захваченной феодалами. Но земельная собственность является не причиной, но лишь следствием права этих лиц на труд непосредственных производителей и на принуждение их к отбыванию известных повинностей.

Для характеристики феодального способа производства не имеет определяющего значения форма земельной собственности, в частности не имеет значения, принадлежит ли земля непосредственно феодалу или она составляет собственность общинной или государственной централизованной власти, по отношению к которой каждый отдельный феодал является только землепользователем. У Маркса мы находим на этот счет совершенно ясные указания: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода, в какой бы то ни было степени, и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника, и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношения зависимости имеют политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»².

В этом отрывке ясно подчеркнута мысль, что государственная форма поземельной собственности, хотя и вызывает ряд экономических и политических изменений, как например совпадение налога с земельной рентой, смягчение формы зависимости и т. п., но она не превращает существующего феодального способа производства в какую-либо новую общественно-экономическую формацию, поскольку она оставляет без изменения основной экономический базис.

Не имеют решающего значения и размеры земельного владения. В отношении последнего признака можно указать, что в Китае, где существует трудоемкое земледелие, земельная площадь, которой владеет феодал и при помощи которой он закрепощает крестьян, может быть гораздо меньшей по своим размерам, чем например в скотоводческой Монголии. Не имеет также основного определяющего значения форма докапиталистической ренты. Является ли продукт в форме отработочной ренты или продуктовой или денежной ренты, — все эти формы в одинаковой мере характеризуют один и тот же основной способ производства. Положение т. Дубровского о том, что продуктовая рента и отработочная рента характеризуют разные обще-

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 319.

² Там же.

ственно-экономические формации: одна — феодальную, а другая — крепостническую, не выдерживает никакой критики¹.

На указанной экономической основе, характеризующейся определенным феодальным способом соединения средств производства и рабочей силы, вырастает организация господства феодалов над непосредственными производителями в целях порабощения последних и выжимания из них прибавочного труда.

Нет никакого сомнения, что в Азии сохранилась в гораздо большей степени, чем где бы то ни было, от предшествующих эпох описанная Марксом в I томе «Капитала» первобытная общественная формация — замкнутая мелкая патриархальная община, покоящаяся на общинном землевладении, предшествующая феодальному обществу и в процессе разложения превращающаяся в феодальное общество. С другой стороны, выросший на этой основе феодализм в сельскохозяйственных странах Азии благодаря организации водоснабжения и благодаря государственной или общинной поземельной собственности отличался централизованным характером.

Отношения замкнутой общины и централизация государственной власти, носящей характер восточной деспотии, поскольку они сохранились при переходе к феодализму и там, где они сохранились, создают не особый способ производства, отличный от феодального, но лишь своеобразный тип феодализма. Очевидно, что с точки зрения основных признаков этот способ производства характеризуется чертами, общими для феодального способа производства. Это эксплуатация путем внеэкономического принуждения непосредственных производителей, наделенных основными средствами производства, соединяющих в своем хозяйстве домашнюю промышленность и сельское хозяйство. Но форма проявления этих основных условий феодализма в этом случае отличается историческим своеобразием, поскольку она складывается под влиянием сохранившихся остатков первобытной общины, с одной стороны, и, с другой стороны, под влиянием централизованной восточной деспотии.

Всего сказанного однако недостаточно, когда мы анализируем общественный строй таких стран, как Тува или Монголия. Дело в том, что феодализм, который многократно подвергался анализу марксистскими историками, — это феодализм на сельскохозяйственной основе. Феодализм на скотоводческой основе отличается некоторыми особенностями.

В чем заключается своеобразие феодального способа производства на скотоводческой основе?

Как при скотоводческом, так и при сельскохозяйственном типе феодальных отношений мы имеем соединение домашней промышленности в одном случае со скотоводством, в другом — с земледелием. При феодализме на скотоводческой основе единство сельскохозяйственно-промышленного производства выражается главным образом в примитивной обработке шерсти, кожи и т. п. Появление дешевой хлопчатобумажной ткани, как и других продуктов машинной индустрии, разрушает хозяйственную структуру непосредственных

---

¹ Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, М., 1929, стр. 93.

производителей, разрывает единство домашней промышленности и сельского хозяйства, так как домашняя обработка своего сырья выпадает из этого единства.

В Монголии и в Туве можно было в свое время наблюдать, как появление дешевых продуктов иноземной крупной промышленности вызвало разрушение первоначальной структуры хозяйства и как продукты натурального хозяйства, которые служили основным сырьем для домашней промышленности, под нажимом феодально-государственного аппарата становились в значительной мере товарной продукцией. Внешним выражением того например факта, что шерсть перестает перерабатываться для надобностей своего хозяйства, является между прочим внешний вид юрт, ва очень редким исключением покрытых грязными, рванными кошмами. Неприглядный их вид объясняется тем, что шерсть за покрытием самых неотложных домашних потребностей отдается скупщину.

Изготовление кошм в Туве. Прежде чем катать из шерсти кошму, ее моют и затем разбивают палками.

Основой того и другого типа феодализма, т. е. сельскохозяйственного и скотоводческого, служит противопоставление земельной собственности непосредственному производителю. Существует неверный взгляд, будто в скотоводческих районах, в скотоводческих странах пастбищ так много, что куда хочешь, туда и иди со своим стадом, будто там нет основы для появления земельной собственности. В действительности в Монголии, как и в Туве, происходила непрерывная борьба за лучшие пастбища.

Регулированию водоснабжения в азиатских странах с поливным земледелием соответствует в скотоводческом регулирование пастбищных угодий. Но первое нуждается при определенных географических условиях в очень сложных и дорогих сооружениях для того, чтобы предотвратить разлив рек или оросить земельные площади, нуждающиеся в воде. В скотоводческом обществе этот момент отсутствует, а это влечет за собой третье очень важное отличие.

В земледельческом обществе организация водоснабжения в виде крупных сооружений является материальной основой для государственной власти. Поскольку в скотоводческих странах подобных сооружений почти совершенно не требуется, в них государственная власть феодалов не имеет и не может иметь такой материальной базы, которой обладает власть в странах земледельческого феодализма с развитой ирригационной сетью. По этой причине феодальные землевладельцы в скотоводческих странах даже при наличии государственной или общинной собственности на землю имеют более благоприятные условия обратиться в фактических землеладельцев, чем в странах земледельческих.

Изготовление ковриков в Туре. Влаговоспущенную ровным слоем мытую и отбитую палками шерсть скатывают в трубу вокруг деревянного вала и вал катают по ровному месту до тех пор, пока влажная шерсть не успеет свалиться.

Наконец, хотя в том и другом случае мы имеем прикрепление производителя к определенному месту, но само собой разумеется, что кочевые народы гораздо подвижнее земледельческих.

Подвижность кочевника связана с тем, что все его имущество находится в подвижной форме, в особенности главная часть его имущества — стадо. Пастушеские народы, как указывает Энгельс, приобрели в своих стадах такое имущество, которое при известной величине давало некоторый излишек против народной потребности. И так как этот излишек находился в подвижной, а следовательно непосредственно отчуждаемой форме, то это обстоятельство создавало предпосылку, благоприятствующую возникновению обмена. Развитие обмена способствовало также и то, что образ жизни пастушеских народов постоянно приводил их в со-

прикосновение с остальными племенами, не имевшими стад. Такое соприкосновение двух одновременных, различных форм производства создавало в свою очередь необходимые условия для правильного обмена ¹.

Наконец поскольку скотоводческое хозяйство представляет собой своего рода моноотрасль, меновые отношения и торговый капитал, раз проникнув в толщу натурального скотоводческого хозяйства, сравнительно быстро овладевают производственным процессом и столь же быстро разрушают натуральную основу этого хозяйства. Вследствие этого процесс разложения феодальных отношений и приспособление его элементов к потребностям торгово-ростовщического капитала должны были протекать в скотоводческих странах быстрее, нежели в земледельческих, в которых производственный процесс благодаря сочетанию нескольких отраслей отличается большей устойчивостью и большей силой сопротивления внедрению торгового капитала ².

В таких скотоводческих странах, как Тува и Монголия, не нуждавшихся в обширных сооружениях по ирригации земельных площадей и по регулированию рек и прочее, отсутствовала почва для самостоятельного возникновения централизованной государственной власти и др. Но так как и Монголия и Тува развивались в обстановке, созданной завоеванием этих стран Китаем, то естественно, что на ходе их исторического развития неизбежно должны были отразиться общественные отношения, возникшие в Китае на иной хозяйственной основе. Известно, что Ленин характеризовал общественный строй Китая как феодальный, объективные условия которого «ставят на очередь дня в жизни чуть ли не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм... Политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главной системы» ³. Совершенно несомненно, что поскольку китайский феодализм отличался рядом таких особенностей, как централизованная форма феодальной власти, наличие обширных сооружений для регулирования водоснабжения, хлебные склады и т. д., эти его особенности должны были неизбежно сказаться на ходе исторического развития Монголии и Тувы.

Задача этой работы — исследовать общественный строй Тувы в период ее колониального существования и в особенности в период последних десятилетий до революции. Для того, чтобы лучше понять особенности общественного развития Тувы в пределах изучаемых десятилетий, необходимо бросить самый общий взгляд на карту

¹ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1920 г., стр. 58; Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. Пролетарий, 1927 г., стр. 105.

² «... в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» («Капитал», т. III, ч. I-я, стр. 309).

³ Ленин, Собр. соч., т. XX, изд. 1-е, стр. 347.

Азия и на то место, которое Тува на ней занимает. Благодаря своему географическому положению Тува исторически оказалась в стороне от тех главных путей, по которым шла бурная историческая жизнь Азии. Она протекала, во-первых, далеко на севере, в форме русского завоевательного движения с запада на восток, побочные течения которого отражались на судьбах маленького тувинского народа, заброшенного в котловину Верхнего Енисея. С другой стороны, к югу от Тувы пролегало другое русло исторических движений мирового значения: из Китая через обширный пояс степей и пустынь Южной Монголии, Синь-Цзяня и дальше в страны Средней Азии.

Какие сведения о прошлом тувинского народа дает нам историческая литература? Какие человеческие волны переливались через пограничные горные хребты этой страны, какие силы руководили их движением? Чем занимались племена, оседавшие на продолжительное время в долине Верхнего Енисея, какими чертами характеризуется общественно-экономический строй этих племен?

На все эти вопросы литература почти не дает или дает чрезвычайно неудовлетворительные ответы. Свет исторического прожектора освещает только отдельные моменты движения, отделенные один от другого темными промежутками в несколько веков.

Научное воспроизведение той исторической цепи, которая соединяет отдаленное прошлое этой страны с живой современностью, должно составить особую задачу марксистского востоковедения, задачу, разрешение которой явится крупным вкладом в историческую науку.

Однако уже сейчас представляется необходимым хотя бы в основных чертах набросать картину исторических процессов, протекавших на территории Тувы, на основании тех скудных знаний, которые дает историческая литература, и лишь в тех пределах, в каких это позволяет делать степень научной разработанности вопроса.

От Волги к Амуру по территории Центральной Азии простирается обширный пояс сухих степей и пустынь, ограниченный с обеих сторон плодородными возвышенностями и низменными равнинами.

Благодаря доступности с юга через хребет Тангу-Ола котловина Верхнего Енисея была как бы окраинной частью этого пояса, отражавшей все движения человеческих волн, происходивших в степи. В долину Верхнего Енисея задолго до наступления христианской эры постоянно вторгались из степи и проникали вглубь кочевые народы со своими стадами. Найдя благоприятные для себя жизненные условия, эти народы осаживались на месте на долгий срок, пока новые волны не приходили им на смену. Толчок где-нибудь на западе или востоке приводил в сотрясение всю цепь племен на всем пространстве между Волгой и Амуром. Определенных границ между соседними племенами не было, а там, где существовали естественные рубежи в виде рек и гор, они сравнительно легко нарушались. Передвижение через другие народы вызывало тем самым пестрое смешение племен, делало неопределенными и расплывчатыми не только территориальные, но и этнические границы.

Основным видом производственной деятельности этих кочевых

народов было скотоводство. При посредстве скота пользовались необъятные степные пространства. По мере того как стадо поедало травяную растительность, кочевник переходил на новую территорию. В случае, если она была ранее захвачена другой кочевой группой, приходилось или силой отстаивать свое право или уступать более сильному соседу, а самому откочевывать на новые места. Постоянное искание пастбищ для скота, этого основного условия производства и существования кочевой группы, вызывало в степи непрерывные передвижения и непрекращающиеся столкновения.

Другим важным моментом, бросающим некоторый свет на общественные отношения степных кочевников, было существование по окраине степного пространства ряда областей с относительно высокой материальной культурой. Это были Китай на востоке, Индия и Аравия на юге и юго-западе, Туркестан на западе и Минусино-Енисейская долина на севере. Земледельческая и промышленная культура этих стран делала их центрами могучего притяжения для степных кочевников, нуждающихся в продуктах земледелия и обрабатывающей промышленности. Между Китаем, с одной стороны, и Туркестаном, с другой, с незапамятных времен пролегал торговый путь, который вел от одного оазиса к другому. В области Аральского и Каспийского морей путь раздваивался: один из них вел в Персию и дальше в Византию, другой обгибал Каспийское море, доходил до Волги, оттуда поднимался к ее истоку и дальше к бассейну Балтийского моря.

От этого магистрального пути ответвлялся ряд второстепенных. К одному из них несомненно принадлежал тот, который вел в область Верхнего Енисея. Страны Присаянья и Алтая доставляли золото, медь, соль, скот, но главным образом пушнину, шкуры диких и домашних животных и конский волос.

Так как главные торговые пути прорезывали пустыни и степи, находившиеся целиком в обладании кочевых племен, то помимо прямого участия в торговом обмене своими продуктами отдельные кочевые группы, особенно наиболее сильные из них, принимали на себя охрану этих путей, может быть даже обслуживание их в качестве караванщиков, извлекая из этого дополнительную выгоду. Возникшие политические объединения огромных масс кочевников, являясь орудием наступающего феодализма против разлагающихся кочевых общин, в то же время отвечали интересам торгового капитала в охране торговых караванов в степи. Наиболее известный пример политического объединения кочевых племен составляла Чингисханская империя. Следует отметить, что и после раздробления Чингисханской империи, когда система торговых путей очень сильно разрушилась, Китай продолжал получать из области Верхнего Енисея соборей, лисиц, барсов, рысей, бобров и шкуру «мягкую рухлядь», лошадей, хвосты и гривы конские¹.

На протяжении тысячелетий в долине Верхнего Енисея одно кочевое племя сменяло другое. Котловина лежала как раз по пути

---

¹ Сообщение Василия Тюменца, посла московского царя Михаила Феодоровича к монгольскому Алтын-хану в первой четверти XVII в. (1616 г.)

тех кочевых групп, которые под ударами своих сильных противников были вынуждены отступать на север материка. Волны кочевых племен переливаются через Саяны так же, как и через хребет Танну-Олы.

В долине Енисея путем смещения многих племенных групп образовался конгломерат племен, образовавших уже к VI в. нашей эры вполне сформировавшееся классовое общество на феодальной основе¹.

По свидетельству китайских летописей, на северной стороне Танну-Ола с давних пор обитали племена, которых летописи называют ха-кацзы (хакасы). В сохранившихся надписях на скалах они называют себя «киргызы». Этот народ оставил после себя многочисленные памятники, которые наряду с известными летописей позволяют восстановить в общих чертах историю древних поселенцев долины Верхнего Енисея. Влияние климатических и почвенных условий в ту отдаленную эпоху, как и в наше время, делает возможным земледелие только при условии искусственного орошения, следы которого сохранились в виде оросительных каналов и канав, причем вода в эти каналы бралась иногда высоко в горах. Следы сложных гидротехнических сооружений по рр. Или-хему и Темир-суку указывают на довольно высокое инженерное искусство этого народа. По рр. Уюк и Туран находят остатки заградительных плотин, служивших для накопления воды. Орошаемые поля засеивались пшеницей, просом и ячменем. Хлеб сеяли в апреле, убирали в октябре. Для размола зерна пользовались жерновами. Жернова больших размеров приводились в движение лошадиной силой. Многочисленные остатки земледельческого быта указывают на распространенность земледелия в очень отдаленную от нас эпоху.

Стада состояли из быков, верблюдов и овец. Главное богатство однако заключалось в лошадиных табунах. Богатые имели по нескольку тысяч голов скота. Этому народу был известен способ выработки железа, из которого они ковали свое оружие и плуги. Этим железом они платили дань. Вообще кузнечное искусство было повидимому сильно развито в стране хакасов. Но хакасское ремесло не ограничивалось одним только кузнечеством. Нам достоверно известно о существовании горшечного ремесла; оружейного и ювелирного дела и т. д.

Государство хакасов состояло в вассальных отношениях к Китаю, куда нередко посылались посольства. В то же время они находились в оживленных торговых отношениях с народами, жившими к западу и юго-западу от них. На первое место среди этих народов повидимому следует поставить арабов, которые проникали к ним на север, как они в свою очередь проникли далеко на юг. Хакасы сопровождали в качестве военной охраны караваны арабских купцов с целью охраны их главным образом от кочевавших в южных степях уйгуров. Арабы доставляли парчу, золотые и серебряные украшения, употреблявшиеся представителями общественной верхушки.

---

¹ Экономический быт хакасов-киргызов освещается у о. *Иакинфа*, Собрание сведений о народах Средней Азии, ч. 1-я. См. также у *Риттера К.*, Землеведение Азии, т. III; *Киселев*, Разложение рода и феодализм на Енисее.

Эти предметы часто находили затем при раскопках древних могил, раскинутых по Енисейской степи.

После периода, длившегося свыше трех веков (618—970 гг. нашей эры), в течение которого хакасы широко раздвинули свои владения путем подчинения ряда племен, кочевавших в степи (уйгуры и др.), наступает период их политического ослабления, в течение которого они сами становятся жертвами степных кочевников. С этим периодом связан сильнейший экономический упадок. Скотоводство вновь выдвигается на первое место. Торговые и политические сношения с Китаем и с Западом прекращаются. История умалчивает о них до времен Чингис-хана. Приблизительно с 1200 г. они снова появляются на историческую сцену в качестве передовых отрядов монголов под именем кили-ки-цзы (киргизов) ¹.

Сведения монгольских писателей указывают долину Верхнего Енисея как место их основного обитания. Монгольские летописцы оставили нам хорошее описание этой страны, это доказывает, что монголы были хорошо знакомы с ней. Упоминаются города Кян-чжоу и Илан-чжоу. Город Кян-чжоу получил свое имя от реки Кян (этим именем в древнейшие времена назывался Енисей) и лежал к юго-западу от Кяня и к северу от Тан-лу (т. е. Тэн-пу). Здесь была резиденция царя киргизов, носившая название «ажо». Самая страна называлась *Хан-хо-хана*, что значит большой мешок с маленьким отверстием, оттого что котловина, занятая киргизами, действительно имеет такую форму.

Мы видели уже, что страны Присаянья с незапамятных времен доставляли в Китай и вероятно в Среднюю Азию пушнину (соболь, белки) в обмен на шелковые и хлопчатобумажные изделия. Пушнина поставлялась главным образом охотничьими племенами, жившими на лесистых склонах Саян. Трудность сообщения в районах обитания этих племен, а также резкие колебания «урожая» пушного зверя делали меновые сношения с ними неустойчивыми и рискованными. «Поэтому товар, поставлявшийся охотниками, имел тенденцию делаться не предметом мены, а предметом обложения. Он шел главным образом как дань, албан, ясак. На охотничьи племена искони велась такая же почти охота, какую они сами вели на зверя. Их «объясачивали» ². Они делались данниками более сильного и организованного племени. На существование охотничьих племен в долине Енисея указывает ряд источников. Монах Иакинф (Бичурин) сообщает ³, что в одной китайской летописи под 650 г. нашей эры есть сведения о народе *дубо*, живущем к западу от оз. Косогол. Дубо жили в шалашах из травы, не знали ни скотоводства, ни земледелия. Главным занятием этого племени была охота на зверей и птиц и собирание корней сараны. Персидский историк Рашид-Эддин (1247—1318) пишет о существовании в этой области лесных урянхов, занимавшихся звероловством. Правда, тут же он приводит сообщение о каких-то других, не лесных урянах. Миссионер В. де Рубрук сообщает в отчете о путешествии в Монголию (в 1253 г.): «К северу... живет народ, разводящий скот, по имени керкисы.

¹ См. Риттер, назв. соч., стр. 546.

² Козьмин, Хакасы, стр. 6.

³ Иакинф, назв. соч., стр. 439.

Живут там также Ореган¹, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такою сильной быстротой, что ловят птиц и зверей»².

Эти мелкие охотничьи племена в ту отдаленную эпоху находились в подчинении у киргизов, которые собирали с них дань и оказывали им как своим данникам необходимую защиту.

Со времени монголов киргизы постепенно вытеснялись из котловины Верхнего Енисея. Теснимые с юга, они должны были податься на север в долину Абакана, левого притока Енисея. Но здесь они встретили преграду прежде всего со стороны племен, обитавших в Минусинской степи, а затем, начиная с начала XVII в., со стороны надвигавшегося с севера и с запада Московского государства, передовые отряды которого достигли к этому времени берегов Енисея.

Приенисейский край в географическом отношении — переходная область от обширных равнин Западной Сибири к горным огромным пространствам Восточной Сибири. Река Енисей — естественная граница, разделяющая Сибирь на две половины. Неуклонное продвижение русских по Западной Сибири, начавшись военной экспедицией Ермака во второй половине XVI в., закончилось покорением обширных пространств и закреплением этих «землиц» за московским «державством» еще в первой половине XVII в.

В пределах Минусинского округа распространение русской власти шло обычным путем. Опорными пунктами военных отрядов, покорявших туземное население вновь занятой территории, были остроги³. В наиболее удобных и выгодных пунктах учреждались казачьи посты (форпосты). «Это были первоначальные зимовья, основанные для временного жилья небольших партий казаков, рассылавшихся из центральных пунктов, острогов в военные экспедиции. С течением времени эти зимовья превращались в постоянные пункты оседлости военного сословия»⁴.

Укрепившись в каком-нибудь районе, завоеватели спешили обложить население «ясак» в пользу московских царей и их феодальных слуг. «Ясак» собирался главным образом «мягкой рухлядью», т. е. соболями, лисьими и белчьиими мехами. Но добиться исправного выполнения дани можно было только путем жестокой и опустошительной борьбы с туземцами, которые оказывали упорное сопротивление завоевателям.

Драгоценные меха сибирских «ясачных» людей были той валютой, за которую московская аристократия во главе с царем покупала «заморские вина» и сласти и равноцветные кафтаны, которыми щеголяли при дворе, на них приобретались «груды золота и серебра, которые наполняли царскую казну и приводили в изумление иностранцев»⁵.

Сбор ясака был также доходной статьей для сибирских служилых

¹ Т. е. Урянхай.

² В. де Рубрук, Путешествие в восточные страны, СПб, 1911, стр. 134.

³ Красный Яр был заложен на р. Енисей при устье р. Кача в 1628 г. См. интересную книжку Ватина В. А. Минусинский уезд в XVIII в.

⁴ А. В. Адрианов, Очерки Минусинского края, Томск, 1904 г.

⁵ Н. Фирсов, Положение иностранцев в Московском государстве, стр. 159.

людей того времени. Из-за ясака один острог вел неустанную борьбу со своими соседями¹.

Другим последствием завоевания Сибири было превращение туземцев в рабов («ясирь»). Хозяйство завоевателей основывалось в значительной мере на рабском труде побежденного населения. Рабы и особенно рабыни были одним из самых ходких товаров сибирских рынков. Сибирские воеводы и сибирское православное духовенство фигурировали в качестве крупнейших рабовладельцев.

Все эти факты объясняют нам, почему успешное завоевание Сибири и русская колонизация сопровождались опустошением и разграблением целых областей, вырождением или даже истреблением коренного населения.

К моменту появления русских население Минусинского края представляло пестрый конгломерат самоедских, финских и тюркских племен, стоявших на сравнительно низкой ступени развития. К этому времени высокая культура древних хакасов совершенно исчезла. Племена, обитавшие в степи, вели жизнь кочевников-скотоводов; племена, жившие по склонам Саян, занимались звероловством. Наиболее многочисленным и сильным племенем были киргизы, прямые потомки древних хакасов. Князья киргизов — богатые скотоводы, держали в подчинении охотничьи племена, которые платили князю дань в виде пушны и находились как подданные под его защитой. Когда в конце 20-х годов XVII в. русские потребовали у киргизов большого ясака, князь Ишей ответил русским посланцам, что они не могут платить больше, «понеже они не ловят соболей», но принуждены брать их за долг у своих киштымов². Киштымами назывались зависимые племена, данники, занимавшиеся преимущественно охотой. Одни из них были обложены данью («ясаком») в пользу князя, другие были лично зависимыми людьми, связанными с князем долговыми обязательствами. Следовательно о самостоятельности этих племен нельзя говорить, поскольку они были соединены друг с другом отношениями господства и подчинения, покоившимися на всеэкономическом принуждении.

Продолжительное экономическое и политическое сожителство различных племен должно было создать у них представление о некотором своем единстве. Это между прочим нашло свое выражение в том, что подчиненные охотничьи племена независимо от своего происхождения назывались по имени того племени, которому они платили дань. Так например одним из значительных скотоводческих племен, входивших в политические соединения киргизов, было племя туба, жившее по р. Упса (теперь р. Туба, правый приток Енисея). Это племя подчинило себе и те охотничьи племена, которые жили в предгорьях Саян и Алтая. «Более сильная культурой туба накладывала известный отпечаток на мелкие племенные группы. И они начинали себя созывать как люди тубы — тубалар»³.

Вполне поэтому естественно, что душой вооруженного сопротивления, которое встретили русские в бассейне Верхнего Енисея, были киргизы, которые не только сами восставали против рус-

¹ См. об этом у Ватина, назв. соч., стр. 10.

² Фишер И., Сибирская история СПб, 1774, стр. 296 — 297.

³ Н. Козьмин, Хакасы, стр. 33.

ского господства, но призывали к неповиновению и другие племена. В течение всего XVII в. длилась упорная борьба, в которой все туземное население храбро сражалось за свою независимость. Бывали моменты, когда они временно сдавались на милость своих победителей, но за кратковременной передышкой следовало новое восстание против русских соединенными силами всех племен, и борьба продолжалась с новым и крайним напряжением сил.

Но так как противник был лучше вооружен и его силы продолжали непрерывно возрастать, то у населения, ведшего изнурительную и неравную борьбу, оставалась одна возможность спастись от разграбления и рабства путем переселения, откочевав на юг по ту сторону Саянского хребта, на места, когда-то ими обитаемые. Один из первых авторов, давших описание Енисейского края, Степанов, пишет:

«Многие из пшверцев употребляемы были в частные работы начальниками различных званий; никто из татар не знал прав своих, ни обязанностей относительно победителей. Они бросали свои стада и табуны; они готовы уже были откочевать за горы Саянские в степи Монгольские»¹. Такой массовый уход действительно имел место в начале XVIII в.

В 1703 г. в Верхнекараульный острог поступило известие, что «приехали-де 2500 калмыков в Киргизскую землицу и Киргис-де к себе загнали всех и ныне-де в Киргизской землице киргис никого нет»².

Но киргизы ушли не одни. Сын боярский Злобин, посланный в 1704 г. в Киргизскую землю для сбора ясака, сообщает: «мы... из Красноярска в Киргизскую землю ездил и киргизских князев никого не изъехали, а въехали прежде остальных тубинцев семи человек»³. Отсюда видно, что и тубинцы удалились с берегов Енисея вслед за киргизами⁴. В 1701 г. против киргизов были одновременно снаряжены две военные экспедиции, вскоре после этого была послана новая⁵. Эти нападения нанесли киргизам большие потери и по всей вероятности были последней каплей, переполнившей чашу и заставившей их бросить родные места.

Уход киргизов, наиболее непримиримых и стойких противников русских, должен был сильно облегчить последнее завоевание края. Распространение власти русского государства пошло после этого быстрым шагом вперед и достигло вскоре Саянского хребта.

Какие колонизационные процессы продолжали происходить в области Верхнего Енисея после того, как оттуда были вытеснены киргизы? Какие имеются исторические данные о населении этой области в монгольский период и какие людские потоки вливались извне в эту область?

Исторические данные содержат совершенно определенные указания на то, что «урлихайские» племена, под какимым именем в лите-

¹ Степанов, Енисейская губ., ч. 2-я, СПб, 1835 г., стр. 136. Степанов был первым енисейским губернатором.

² «Памятники Сибирской истории», т. I, № 58.

³ Там же, № 59.

⁴ Ватин, указ. соч., стр. 22.

⁵ Там же, стр. 24.

ратуре фигурируют предки современных тувинцев, занимали в XVII в. обширную территорию, которая простиралась от верховьев р. Иркут до р. Иртыша к северу и к югу от Саянского хребта. И. Фишер в своей «Сибирской истории» пишет, что алтайские и енисейские саяны «были прежде всего один народ. Имя их по-татарски произносится сеен, и славные Саянские горы получили название свое от сего народа»¹.

На общность этих народов указывает и китайское описание Улясунтайской провинции, в котором встречается указание на народ улян-хай (умонголов урянхай). Они разделены на два отдела, различаемые по названию тех горных хребтов, на которых они живут: Ташну-улянхай и Алтай-улянхай².

Ту же точку зрения на родство алтайских и енисейских урянхов поддерживает и Грум-Гржимайло. Он пишет: «Что однако алтайские и енисейские урянхайцы составляют часть одного и того же народа, это доказывает как их общее племенное имя саин, так и сохранившийся еще кое-где у алтайцев их коренной теленгитский или саинский язык»³.

Только проведение пограничной линии разделило один народ на части и направило их историческое развитие по разным руслам.

В «отписке» царю Томского воеводы о предполагавшихся, но не состоявшихся сношениях с монгольским ханом Алтыном в 1609 г. сообщается: «Алтын царь Мугальский, ходу до него от киргиз месяц; а его ясашные люди живут *матцы* от киргиз два дня, а от мат живут до него его люди»⁴. Маты — это мады, — племя, отдельные части которого в начале XIX в. жили по Уюку, Тапсе и Баниголу⁵.

Вскоре после этого в 1616 г. было отправлено посольство к Алтыну-хану. Глава посольства казачий атаман Василий Тюменец передавал, что из Киргизской земли посольство перешло в землю тубинцев, обитавших по склонам гор. Они, по словам Тюменца, переходят, где кому полюбится, с оленями и козами; едят они козье мясо; платье себе делают из кожи; хлеба у них не родится; коров и овец нет; имеются только лошади и олени⁶.

Полагают, что тубинцы, о которых сообщает Тюменец, одно или несколько охотничьих племен, обитавших по склонам хребта и находившихся в экономической и политической зависимости от тубинского племени, живущего на р. Упса (Туба). Они населяли горнотаежную область по вершинам Казыра и Амыла и назывались «каменные маторы» (т. е. жившие в «камях», в горах).

По соседству с тубинцами жили маторы, занимавшиеся скотоводством. Они ушли с киргизами за Саяны, и потомки их оказались в составе населения западной части Тувы, тогда как «каменные маторы» вероятно передвинулись гораздо позже в область Сис-

¹ И. Фишер, указ., соч., стр. 458 (курсив авт.)

² Риттер К., указ., соч., стр. 567.

³ Грум-Гржимайло, указ. соч., т. II, стр. 697.

⁴ «Русская историческая библиотека», т. II, СПб, 1875, стр. 188.

⁵ Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 20.

⁶ «Путешествие Спафария через Сибирь, Введение, стр. 9 — 10. Цитирую по книге Козьмина, назв. соч., стр. 30.

ти-хема и Хамсыры. Это было бедное племя, существовавшее охотой. Поднимаясь на своих берестяных лодках вверх по Амылу, они находили в горной тайге и на островах разбросанных озер богатейшие охотничьи угодья, где водились лучшие соболи и было много бобров и выдр. Если вспомнить при этом, как близко подходят друг к другу верховья Амыла и Систи-хема, то нетрудно предположить, что в этом месте происходило через Саяны постоянное просачивание охотничьих племен в область Верхнего Енисея, где они подвергались процессу смещения и ассимиляции. Впрочем о переселении маторов мы имеем прямое указание Кастрена, который путешествовал в первой половине XIX в. в этом районе. По словам Кастрена, «до 300 чел. маторов переселилось в китайские пределы при размежевании русско-китайской границы, по всей вероятности, они сливались с сойотами. По преданию, которое Кастрен слышал на р. Амыле, там с давних пор имели пребывание многочисленные семейства маторов, которые занимались звероловством и рыболовством»¹.

Пестерев, объезжавший в 70-х годах XVIII в. приграничную полосу, сообщает, что он встретил в 1773 г. маторов не только по Верхнему Амылу, но и по ту сторону государственной границы, в верховьях р. Ут. Из позднейших сведений известно, что маторы слились уже с тувинцами, образовав среди них отдельный род². Эти племена платили дань России и Китаю. Нередко они переходили границу и охотились на чужой территории. «Имеющиеся наличные исторические данные и другие данные показывают, что число сойот по эту сторону Саянского хребта еще в начале XIX в. было довольно значительно; о них тогда трактовалось как об отдельном народе; но со временем вследствие очень невыгодного положения двоюродцев двух великих империй сойоты постепенно отступали к самой границе и большинство их перешло ее совсем и осело на территории, гораздо раньше занятой главной массой этого же самого народа. Эта постепенность, с какою переходили сойоты с русской земли на китайскую, легкость, с какою они там находили себе место, могут служить хорошим доказательством того, что между сойотами, заселявшими некоторые места на русской стороне Саянской горной системы, и их соседями на китайской территории существовала прочная связь»³.

Тот же Пестерев в области водораздела между Амылом и Систи-хемом встретил партию охотившихся алтайских сойотов из племени *тозисин*⁴.

Кроме этих племен нам известно на основании исторических данных о существовании племени *мингат*. Иакинф сообщает, что они кочевали в составе 3 000 кибиток по р. Хемчик⁵.

Это те мингаты, князя которых посетил русский посол Василий.

---

¹ Ватин, указ. соч., стр. 114.

² Грум-Гржимайло, указ. соч., стр. 700.

³ Горощенко К., Сойоты в «Русском антропологическом журнале» № 2, 1901 г.

⁴ Риттер, указ. соч., стр. 443.

⁵ Иакинф, Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV в. до настоящего времени, СПб, 1834 г., стр. 137.

Старков в 1638 г. «Приехали они к Мингатскому князю Кушаку, у реки Кемчука»¹. Позже, в 1659 г., посольство под начальством Степана Гречанина встретило там же на Кемчике несколько саянских и мингатских юрт².

Событием, оставившим заметные следы в этническом составе населения Тувы, был отмеченный уже выше массовый уход киргизов из Минусинских степей под напором русских. Эта волна переселения увлекала с собой за Саяны и ряд мелких племен.

Козьмин высказывает предположение, что эти племена были в целях ассимиляции распределены по Джунгарским владениям³.

Подавляющая масса переваливших через Саяны нашла убежище в степях, лежащих к юго-востоку от Иртыша. Другая, значительно меньшая, задержалась, а затем расселилась в долине между Саянами и Танну-Ола, смешавшись с коренным населением. Род киргиз, который встречается в Туве, пользовавшийся до последнего времени вштыльным положением, принесен сюда вероятно волной переселения.

Хотя массовое перемещение племен, подобное переселению киргизов, более не повторялось, но ряд дошедших до нас известий указывает, что туземные племена продолжали перебегать пределы России «в Мунгалы». Это доказывается частыми посылками военных отрядов «за Саянский камень» и для «сыску беглых ясажных иноземцев, бежавших в Мунгальскую землю»⁴.

Таковы те сведения, которые дают нам некоторое представление об этнических потоках, которые на протяжении веков вливались в область Верхнего Енисея и оказывали влияние на состав жившего там населения. Влияние это не могло произвести коренного изменения как в составе населения, так и в хозяйственном быту его, так как между новыми поселенцами и старожильческим населением существовала, как говорит Горощенко, «прочная связь», благодаря чему процесс окончательного смешения проходил незаметно для обеих сторон.

Обращаясь теперь к южной границе Тувинской котловины, мы не находим никаких указаний на существование какого-либо колонизационного потока на протяжении двух веков, прошедших после размежевания границ между Китаем и Россией (1726 г.).

Маньчжуры отвели населению Верхнего Енисея определенные районы для кочевков, строго воспретив выход за их пределы⁵. С другой стороны, придавая особое значение Туве, вносившей ежегодную подать мехами, от чего освобождены были остальные кочевники Монголии, маньчжурское правительство дорожило этим видом дохода, охраняло свои прерогативы в Туве более тщательно, чем в остальной Монголии⁶.

Подводя итоги имеющимся в исторической литературе скудным известиям о колонизационных процессах между долиной Верхнего

¹ Фишер, указ. соч., стр. 496 — 519.

² Там же, стр. 495.

³ Козьмин, указ. соч., стр. 88.

⁴ Ватин, указ. соч., стр. 32 — 34.

⁵ Грум-Грессинский, указ. соч., т. III, стр. 699.

⁶ Там же, стр. 812 — 813.

Енисей и смежными областями, мы приходим к заключению, что ни окружающие Туву горные хребты, ни другие преграды, воздвигнутые природой, не помешали ей находиться в непрерывном и деятельном общении с лежащими от нее на север и юг областями. Вплоть до момента ее окончательного завоевания Китаем, до середины XVIII в., население Тувы находилось в подвижном движении состоянии. Постоянные приливы и отливы людских волн, смена равнообразных этнических групп, их смешение дают право рассматривать весь этот период как период, в течение которого прошел в основном процесс превращения финских, тюркских и монгольских элементов в новую этническую группу. Но то обстоятельство, что эти различные в антропологическом и этнографическом отношении элементы подвергались взаимной ассимиляции, доказывает, что общественная организация этих племен имела много между собой общего.

Поскольку судьбы Тувы тесно сплетались с судьбами тех народов, которые жили к югу и к северу от нее, и поскольку, с другой стороны, история этих народов (монголы, калмыки, хакасы) нашла себе более или менее обстоятельное освещение, будет правильно, если в интересах выяснения общественно-экономических отношений Тувы мы сначала обратимся к ознакомлению с общественной структурой этих племен, с которыми соприкасались отдельные части Тувы в ту отдаленную от нас эпоху. Начиная со второй половины XVIII в. после проведения караульной линии по р. Танну-Ола со стороны Монголии и строгой охраны северной границы со стороны России, Тува попадает в условия замкнутого изолированного существования, созданные не естественными преградами, а ходом общественно-экономического и политического развития.

В этот новый для ее существования период Тува переходит со строем общественных отношений, в основном сложившимся в предшествующую эпоху.

В XVII в. территория нынешней Тувы своими отдельными областями входила в состав различных объединений: восточная и юго-восточная половина — в состав Халхи, западная половина в эпоху известных из истории завоевания Сибири Алтынханов, т. е. в XVII в., — в состав Халхи, а в последней четверти XVII в. во времена Галдана — в состав Джунгарии, северная часть тесно примыкала к государству, которое находилось в Приенисейско-Мишусинском крае, к государству киргизов (хакасов).

Что же представляла собой общественная структура перечисленных политических объединений?

У Иакинфа (Бичурина) в его «Истории обозрения ойротов или калмыков с XV в. до настоящего времени» мы находим такую характеристику общественного строя Джунгарии:

«У кочевых народов под *поколением* разумеется владетельный княжеский дом и княжеский удел, которым дом сей владеет под зависимостью от хана как верховной главы народа. *Родом* называлась боковая линия родственников владетельного князя и часть удела, отведенная для содержания оной. Сим образом монгольский народ делится на поколения, поколения — на роды. Хан, имея соб-

ственный удел, не касается доходов поколенных уделов; владетельный князь, имея собственный участок в своем удельном владении, не касается доходов и поместий родичей. В военное время хан, князья и родичи обязаны содержать свои участки воинов на собственном издании». Там же сообщается, что Чоросский хан собирал подать с ханства Урянхайского, причем урянхайские племена управлялись цэцисанами, которые разъясняет о. Иакинф, были правителями родов, приходившими дальними родственниками 4 ойротских владетелей, и должность их наследственно переходила от отца к сыну.

В этой сжатой характеристике общественно-политический строй Джунгарии в период ее расцвета вырисовывается как типично феодальная организация общества с ее «иерархическим расчленением земельной собственности и связанной с этим системой вооруженных дружин» (Энгельс). Эта военная организация была не чем иным, как государственной организацией феодального класса, живущего трудом непосредственных производителей, с которых собирается «подать».

Если обратиться к государству киргизов, то из истории этого народа нам известно, что некоторые из племен под напором русских колонизаторов в начале XVIII в. переселились в Саяны и частью осели в Тувинской котловине, заняв там довольно влиятельное положение (например тубинцы, киргизы), другая часть удалилась на верховья Иртыша. С другой стороны, владения этого государства незаметными переходами сливались с владениями Алтынханов уже в пределах за Саянской областью. На основании донесения русских служилых людей сибирским воеводам их общественный строй вырисовывается в следующих чертах: Киргизская земля распадалась на отдельные «земли» и улусы, во главе которых стояли независимые и полунезависимые от более сильных князья. Киргизский князь был родовым главой, родоначальником, но уже на той стадии разложения родовых отношений, когда родовая власть из исполнителей народной воли превратилась в органы притеснения и господства над своим же народом. Это были военные люди, окруженные дружинниками. Под его властью были не одни «родовичи». Около каждого князя стояла значительная группа «многих знатных улусных людей» или «лучших людей», как выражались русские служилые люди, ниже стояли просто «улусные люди» или «киргизские мужики». Кроме того для этой организации характерно (и это тоже бросает некоторый свет на особенность положения Тувы), что каждое княжество имело в своем подчинении мелкие охотничьи племена, жившие в предгорьях и горах Саяна, часть которых затем вошла в состав тувинского населения. Жившие в горах и лесах «далние люди» были своего рода экономическим хинтерландом более сильных скотоводческих племен, их данниками, «киштымами», производившими прибавочный продукт, который присваивался феодальной верхушкой киргизского общества.

Эти факты, как нам кажется, не оставляют никакого сомнения относительно развития феодальных отношений среди племенных групп, которые затем органическим путем вошли в состав того конгломерата, который существует ныне под именем тувинского народа.

Вынужденные под нажимом русских завоевателей продвигаться к югу, в долину Верхнего Енисея, эти племена пришли сюда с со-

вершено определенной феодальной структурой и лишь с остатками старинной родовой организации.

Монголо-маньчжурское завоевание Тувы произошло в результате длительной борьбы маньчжуров с Джунгарией и ее воинов князем Галдан-Бошокту-ханом. В этой борьбе западные тувинские племена сражались на стороне Галдана и еще долго после подавления Джунгарии не раз поднимали оружие против своих новых властителей. И только в середине XVIII столетия Тува была окончательно завоевана, причем отдельные ее части были пожалованы монгольским ханам, принимавшим участие в борьбе с Галданом и в умирении Тувы (Бубай, Церен и др.).

Что представляла собой в социально-экономическом отношении Северная Монголия (Халха), которая оказала значительное влияние на историческое развитие Тувы при несравненно более слабом влиянии со стороны самого Китая? Этот общественный строй Халхи вполне удовлетворительно, как мне кажется, вырисовывается в работах Позднеева, особенно в его неопубликованных работах¹. В дальнейшем описании общественного строя Халхи я опираюсь главным образом на эти работы, являющиеся продолжением его двухтомного сочинения «Монголия и монголы».

По приятии монголами маньчжурского подданства богдыханы распространили на Халху (и Туву) военно-административную организацию путем реформирования бывших княжеских уделов в военные единицы, названные ими «знаменами» или хошунами. Каждый хошун обязан был в случае нужды выставить определенное число вооруженной конницы. Правителями этих хошунов оставили тех же удельных князей, утвердили их в должности чазаков (цза-саков), что обозначает буквально «правители». Созданная таким путем военная организация была поставлена под главное командование маньчжурской военной власти — цзянь-цзюнов, получивших во второй половине XVIII в. значение высших гражданских чиновников, контролировавших местное управление. Начиная с 1806 г. каждый халкаский хошун и аймак имеет уже свои точно определенные земли, в пределах которых он только и имеет право кочевать; выходя за их границу, он становится уже виновным в захвате или пользовании чужой собственностью.

Кроме чазаков, т. е. правителей хошунов и их ближайших родственников, образующих в совокупности княжеское сословие (нойо-нат), существовала другая более значительная группа «благородных» монголов, так называемые «тайчижи», которые были подразделены на 4 степени, сохранившие целый ряд привилегий, в том числе и право владеть крепостными людьми. Третью, достаточно многочисленную группу в господствующем классе составляло сословие отрекшихся от мира монахов (ламапар). Все остальное население представляло собой подчиненное по существу крепостное население простолюдинов, так называемое «албату». «Первою существенною и непамятною обязанностью каждого «простолюдина» во всякое время была личная служба и имущественная подать на пользу

¹ Неопубликованные рукописи Позднеева хранятся в рукописном отделе Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП).

рода или, точнее, правителя... Монгольский простолудин всем своим достоянием и даже самую жизнь обязан был служить всякому распоряжению своего князя (Позднеев). Отсюда видно, что манчжуры только узаконили сложившиеся задолго до завоевания феодальные отношения в Халхе.

Крепостное население в свою очередь тоже распадалось на несколько категорий. Наиболее бесправной и поработченной категорией крепостного населения являлись так называемые «хамчжилги». Это были дворовые люди, которые давались каждому из тайчинов, смотря по его степени. Если он был первой степени, то ему давалось 15 хозяйств, если четвертой степени — 4 хозяйства. Они считались неотъемлемой собственностью того тайчижа, к которому были приписаны. Они должны были работать и содержать своим трудом своих тайчинов, которые при случае берут у хамчжилгов все, что можно с них взять, посылают их на работы и т. д. Все остальное население было крепостным населением, которое платило своему князю «албан», подать, и которое в то же время представляло собой как бы собственность цзасаков, хотя и не было поработчено в такой мере, как хамчжилги. Вот, что пишет об этом Позднеев: «Вообще каждый цзасак считается полным распорядителем и хозяином принадлежащего ему родового владения. Правда, он не имеет законного права приговаривать к смерти своих подданных, но он вправе отчуждать их в иное владение, может подарить своих подвластных любому гэгэну, отдать на вечную службу какому-нибудь правительствующему учреждению и т. д. Каждый цзасак имеет право взять у своего хошуного монгола решительно все, что он имеет, и распорядиться этим имуществом по своему желанию». И еще: «цзасаку предоставлена полная власть над личностью своего подвластного, нечего и говорить об имуществе последнего».

Мы знаем, что целый ряд монастырей имел крепостных людей «шабинаров», причем монастырское население составлялось почти исключительно путем подарков цзасаков монастырям. Этот процесс образования монастырского имущества напоминает многими своими чертами то, что происходило в крепостной России.

Чтобы покончить с характеристикой общественного строя Халхи, сохранившегося в своих основных чертах вплоть до революции, необходимо отметить еще один момент. Это — вопрос о форме поземельной собственности. Я уже указывал, что наличие государственной собственности на землю составляло особенность Китая, завоевавшего Монголию. Позднеев, работой которого я преимущественно пользуюсь для характеристики общественного строя Монголии, пишет: «Узаконенное манчжурами территориальное разграничение хошунов не изменило однако воззрений монголов на эти хошунные земли, как на достояние единого верховного собственника и хошунного князя, каковое достояние находится лишь в общественном пользовании его подданных. По понятиям монголов, земля каждого хошуна составляет собственность его владетельного князя или цзасака, и последний может распоряжаться им по своему произволу». Я думаю, в таком виде это утверждение Позднеева не может быть полностью принято. Целый ряд исторических фактов говорит нам о том, что верховным собственником, хотя, правда, и номинальным, явля-

лась маньчжурская династия. Государство сохраняло за собой верховное право распределять пастбища между отдельными монгольскими феодалами, находившимися в состоянии бесконечных столкновений из-за мест кочевий. Это видно из того, что завоевавший Халху Китай прежде всего разделил ее на отдельные хошуны и прикрепит каждый хошун к определенной ограниченной территории, не считаясь с историческими границами княжеских уделов. Кроме того в течение ряда десятилетий государство проводило определенную политику, состоявшую в том, чтобы разукрупнить хошуны. То и дело мы встречаемся с фактами появления все новых и новых хошунов. Хошуны мельчают, а вместе с тем мельчают и земельные пространства, которыми пользовались отдельные хошуны. Все это не могло бы получить такого развития, если бы земля составляла неотъемлемую собственность хошунных правителей-чзакаов (чзасаков).

В отношении Тувы мы наблюдаем ту же политику, но еще резче выраженную. В эпоху Алтын-ханов западная часть Тувы являлась удельным княжеством, во главе которого стояли ойротские феодалы. После завоевания Тувы маньчурами часть их владений разбивается на мелкие уделы и передается новым феодальным владикам туземного происхождения. И наконец уже с начала XX столетия мы встречаемся опять-таки с фактами отчуждения земель у монгольских феодалов, передачи их в новые руки. И в Монголии и в Туве мы имеем государственную собственность на землю, но пользователи этой земли являлись крупные и мелкие феодалы. Так как мы имеем здесь феодализм на скотоводческой основе, то центральная власть, которая не имеет здесь материальной базы в виде общественных работ, организации водоснабжения и т. д., не имеет почвы для регулярного вмешательства в поземельные отношения населения. Тем не менее факт государственной собственности подтверждается тем, что за центральной властью остается решающее слово. Выступая в качестве земельного собственника и суверена, государство предъявляет право на прибавочный труд населения, который поступает к нему в виде налога, совпадающего с рентой. «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и совместное владение и пользование землей»¹. Если все-таки собственником в глазах населения выступает тот же самый пойн или чзак, как утверждает Позднеев, то это ни в какой мере не опровергает того факта, что верховным собственником на землю как в Монголии, так и в Туве являлся Китай, т. е. фактически маньчжурская династия.

Дореволюционная Тува не представляла политического целого. Она была раздроблена подобно Монголии на несколько хошунов,

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 319.

почти не связанных друг с другом, представлявших пестрое сочетание различных систем внутреннего управления.

Эти хошуны располагались с востока на запад в такой последовательности.

Наименования хошунов

Местонахождения кочевья

1. Хасутский.	Область оз. Косогола, ограниченная с запада р. Шерга, на севере и востоке Саянским хребтом, на юге р. Игин-гол (Селенга).
2. Тожинский	Бассейн р. Бий-хем, от р. Ут на западе до Саян. хр. на востоке, на севере тоже Саян. хр. и на юге Оттуг-таш (водораздел Бий-хема и Ха-хема)...
3. Салжакский	По рр. Бюрец, Улуджавей, Нарын, Иртыш, Даангылгол, Улу-хем, на правом берегу р. Ха-хем и в горах, окружающих котловину оз. Теринур.
4. Оюннарский	По сев. склону Танну-Ола в районе оз. Каден и Чагаттай-куль, по р. Шормук, Мажалык и Узун-караш. По южному склону Танну-Ола на Караколе, по Теректихем, по левой стороне р. Тес и по р. Нарын.
5. Шалык и	К югу от хребта Танну-Ола.
6. Нибазы	
7. Да-вана (Мады и Чоду)	
8. Бэйсе (Сапи Нойона)	В верховьях Уса, по рр. Ут, Уюк, Баннгол, Тапса и по южному склону хребта Танну-Ола
9. Хемчикский (Да хошун)	Бассейн р. Хемчик по рр. Чаа-куль, Улу-хем, Темир-суг, Кендирген-гол по обоим склонам Саян к востоку от Енисея. Чересполосно с хошуном Бэйсе от Кузнецкого Алатау на запад до р. Элегес и Эжим на восток и от Саян на севере до границы с Монголией на юге ¹ .

Из перечисленных хошунов Тожинский, Оюннарский, Салжакский, Хемчикский управлялись наследственными правителями (ухеридами, по-тувински — огурдами или да-нойонами). Эти хошуны были объединены в один аймак, который управлялся своим верховным правителем — амбын-пойоном. Последний служил посредником между остальными хошунными правителями и улясутайским цзянь-цзюнем, совмещая в одном лице верховного правителя над хошунами и правителя над своим уделом, каковым являлся Оюннарский хошун.

Хасутский хошун управлялся своим огурдой самостоятельно и не подчинялся амбын-нойону. Незадолго до 1911 г. и Хемчикский хошун освободился от подчинения амбын-нойону. Правители этих двух хошунов добились непосредственного подчинения китайским властям в Улясутае. Четыре остальных — Бэйсе, Мады и Нибазы — принадлежали монгольским ванам, т. е. князьям, жившим в Мон-

¹ Существовал еще десятый хошун Дархатский в районе оз. Косогола. Он был населен омонголившимися тувинцами, утратившими свой родной язык и говорящими на монгольском языке. Население этого хошуна состояло из крепостных Ургинского хутухты («шайбинары»). Дархатский хошун поэтому управлялся ламами по назначению от хутухты. Вопрос об отношении этого хошуна к дореволюционной Туве остается непонятным, скорее можно считать его составной частью Монголии. Я его не включаю в дальнейшее изложение.

гопп, кочуя чересполосно с непосредственно подчиненными амбын-нойону хошунами. Во внутренние дела этих хошунов амбын-нойон не вмешивался. К последним за исключением хошуна Бэйсе ежегодно посылались для сбора оброка от князей монгольские чиновники, именуемые тарга, которые заодно разбирали поступавшие к ним жалобы и творили на месте суд и расправу.

В хошун Бэйсе тарга с 6 помощниками командировался на круглый год, так что они и кормились за счет хошуна.

По данным Переселенческого управления (в 1914—1915 гг.) в основных хошунах Тувы насчитывалось коренного населения:

В двух Хемчикских хошунах (Да-хошун и Бэйсе-хошун)	35 600 чел.
» Тожиискон	4 000 »
» Оюнарском	7 600 »
» Салжакском	7 900 »
» Да-вана (Мады и Чоду)	1 200 »

Всего . . . . . 56 300 чел.

Данные о распределении населения по территории показывают, что подавляющая часть населения перед революцией была сосредоточена в западной половине Тувы, по течению Хемчика и его притоков. В долине Чадана, одного из притоков Хемчика, было сосредоточено не менее половины населения обоих Хемчикских хошунов. Здесь же находился и центр всего бассейна Хемчика.

Густая населенность Чаданской долины объясняется пригодностью ее не только для скотоводства, но и для земледельческой культуры. В лучшей части Чаданской долины были расположены два хуре, из которых одно принадлежало Да-хошуну, другое хошуну Бэйсе. В верхнем хуре насчитывалось до 150 лам, в нижнем около 70 лам.

Недалеко от хуре находились ставки нойонов обоих хошунов. Близ юрты нойонов стояли юрты их близких, канцелярия (чазан) слуг из рядовых тувинцев, выполняющих натуральную повинность при «дворе» нойона под названием «меде».

Эта же долина привлекала к себе и русских торговцев, так что одновременно она являлась и торговым центром.

Всеми этими обстоятельствами объясняется сравнительная пестрота населения, обитавшего в долине Чадана. На небольшой площади собрались сюда люди всех 27 сумо обоих Хемчикских хошунов. Многие, отбыв свою повинность, не возвращались в свои места, а оставались здесь или поблизости ¹.

---

¹ А. П. Ермолаев, Материалы к отчету по обследованию р. Хемчик в статистико-экономическом отношении, стр. 25.

В обладании коренного населения, по данным Турчанинова, (1915 г.), находилось следующее количество скота:

	Число голов
Лошадей взрослых	448 099
» молодых (двух- леток)	166 230
Крупного рогатого скота взрослого	195 740
молодого	117 444
Овец взрослых	1 196 211
Баранов	21 361
Яманов (коз)	126 714
Оленей взрослых	70 460
» молодых	7 588

Итого . . . . . 2 349 847 ¹

Основой тувинского хозяйства в дореволюционное время было скотоводство. Количество скота и характер его распределения являлись одним из показателей как уровня производительных сил, так и общественных отношений между различными классами.

Но скотоводство не было единственным занятием населения. В одних областях оно сочеталось с охотой, в других с земледелием.

Более подробную характеристику производственной структуры тувинского общества лучше всего дать по отдельным областям страны, так как «различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» ².

Обширная горно-таежная область, лежащая на южных склонах Саян и большей своей массой сосредоточенная в северо-восточной половине страны, в Тожинском хошуне и частью в Салжакском, сделалась по преимуществу областью охоты, которая совмещалась со скотоводством, главным образом с разведением стад северного оленя.

Холмистые степи, простирающиеся в центре страны к югу от Улукхема и на западе по Хемтику, были заняты скотоводами, которые в своих перекочевках совершали со своими стадами правильный цикл в пределах ограниченного района с одними и теми же зимними и летними пастбищами.

Но еще задолго до прихода русских колонизаторов население этой части страны было знакомо с земледелием, обрабатывая земельные участки в долинах рек, возобновляя для этого те оросительные каналы, которые были проведены в глубокой древности ³.

Надо полагать, что тувинское население с незапамятных времен занималось земледелием, хотя последнее никогда не достигало того уровня, на котором оно находилось в древнем государстве хакасов. Живя в условиях постоянных военных набегов и само принимая в

¹ В. Попов в своей работе «Урянхайский край», основанной на данных Белингсена, приводит (стр. 96 — 97) несомненно сильно преуменьшенные данные о количестве стад.

² Маркс, Капитал, т. I, гл. XI, § 4.

³ Аргунов, Очерки с. х. Минусинского края, стр. 42.

них участие, население не могло заводить в таких условиях значительных распахов.

В конце XIX и в начале XX вв. в хошунах Байсе и Хемчикском, расположенных попеременно по р. Хемчик от истоков до устья и по Улу-хему вверх по правой стороне до р. Эжим, по левой стороне до р. Кендирген, население занимается преимущественно скотоводством, хотя и хлебопашество было развито здесь более, чем в других местах ¹.

На землях Оюннарского хошуна по правому берегу Улу-хема хлебопашество практикуется в местности Суглуг-бом, ватем истари в больших размерах по р. Эрбек, благодаря чему вся местность изрезана мочагами (оросительные каналы), кроме того по степному ключику Тургень между устьями рр. Эрбек и Баянгол. По левому берегу сеют хлеб по р. Каден, впадающей в оз. Каден, по степным ключам Как и Кара-суг, по рр. Межегей и Элегес и на южном склоне Танну-Ола при выходе в степь рек Тарралых и Теректих-хем².

Жители сумо Пайгара Салжакского хошуна, принявшегося между хошунами Хемчикским и Оюннарским на правом берегу Улу-хема, занимаются земледелием в значительном размере, главным образом по р. Баян-гол.

На земле сумо Мады земледелие практикуется в значительных размерах при устье р. Тапсы, по рр. Сессерлик и Баян-гол ³.

Лучшие пастбищные места по рр. Сессерлик, Бигре и Уюк уже в то время были фактически захвачены русскими колонизаторами.

Скотоводство и земледелие находились на крайне низком уровне развития. Пастбищное скотоводство — кочевое или полукочевое, без зимней заготовки сена, при полной и абсолютной зависимости от стихий природы, делающих хозяйство скотовода чрезвычайно неустойчивым. В области земледелия господствовала и отчасти продолжает господствовать рутинная техника, состоящая в том, что полоска вспахивается и засеивается два года подряд, после чего пашня оставляется под паром лет на 5—6, пока она не покроется той же растительностью, какой она была покрыта до первой вспашки, после чего она признается вполне годной для нового посева.

По климатическим условиям земледелие возможно только при условии искусственного орошения, а следовательно дополнительных затрат труда для того, чтобы «напонт хлеб». Проведение мочаг, как ни примитивна система орошения, все же было под силу только целой общине или отдельному феодалу, который принимал на себя их устройство, привлекая к этому делу экономически зависимых от него людей. Устроенная им мочажная система превращалась в средство эксплуатации всего населения, которое пользовалось ею.

Переработка сырья совершалась в большинстве случаев силами каждой семьи и находилась на стадии домашнего производства, составляя неотъемлемую часть домашнего хозяйства кочевника.

К таким домашним производствам принадлежало шитье обуви или шуб из овчины, которое лежало всецело на обязанности женщины;

¹ Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения, стр. 20 — 21.

² Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 19 — 20; Яковлев, указ. соч., стр. 20—21.

³ Ф. Кон, указ. соч., стр. 19 — 20.

увалпвание шерсти и производство войлока играло важную роль в жизни тувинца.

Другие отрасли находились на более высокой ступени развития, составляя профессию особых лиц, которые обслуживают своими изделиями окружающее население. Среди них на первое место следует поставить кузнечное дело. Тувинский кузнец подобно средневековым кузнецам в Европе объединял в своем лице и слесаря и серебряных дел мастера, ввиду чего даже такие сложные изделия, как замки (шочча) выходили из его рук довольно тонко выполненными. Но своего железа у тувинцев не было. Процветавшее некогда рудное дело

Тувинец выпускает воду на посевы. По образному выражению тувинцев — «поить хлеб».

давно было забыто, и весь металл, обращавшийся в стране, приобретался преимущественно у русских купцов ¹.

Столярное ремесло было сосредоточено преимущественно в руках лам. Столярные изделия отличались грубостью ввиду, во-первых, отсутствия подходящих древесных пород, а во-вторых, примитивного устройства необходимых в столярном деле приспособлений. К числу специальных отраслей, существовавших как ремесло, принадлежало шорное дело, изготовлявшее ремни, сбруи, седла, чепраки, флиги и т. п.

Необходимо заметить, что те ремесла, которые, как например кузнечное и шорное дело, отличались нередко тонкостью исполнения, были сосредоточены в западной части страны и особенного развития достигли по Хемчику.

Таким образом хозяйство непосредственных производителей пред.

¹ Грум-Гржимайло, указ. соч., т. III, ч. 1-я, стр. 84 — 86.

ставляло собой сочетание элементов разных отраслей, из которых господствующей во всех районах, за исключением Тожинского, являлось скотоводство. В Тожинском хошуне первенство принадлежало охоте, скотоводство отступало на второй план. Там, где было возможно земледелие при господствующей в то время технике, население соединяло его со своим главным занятием — скотоводством, сохраняя за земледелием исключительно потребительский характер; переработка сырья совершалась в том же хозяйстве, в котором оно было добыто.

Что представляли собой те хозяйственные единицы, внутри которых сочетались в одно целое перечисленные отрасли? В этнографии-

Тушинец мастерит седло.

ческой литературе часто встречаются наименования «сёк» (кость, род), «родовые старшины» и пр. Авторы, употребляющие их, как будто исходят из того предположения, что в Туве в последние десятилетия перед революцией продолжала существовать родовая организация. Но при ближайшем рассмотрении это представление оказывается основанным не на действительных отношениях, а является результатом некритического отношения к применению этого понятия многими, подчас «маститыми» авторами. Если под родом следует понимать сравнительно многочисленную группу людей, связанных между собой не только единством происхождения, но и общностью имущества, то безусловно был прав Ф. Кон, когда в своем отчете о путешествии еще в начале XX в. писал, что «сёки — кости — представляют старинное деление, ныне уже исчезающее»¹. К этому времени родовое деление отжило свой век, причем этот процесс зашел,

¹ Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 20.

повидимому, настолько далеко, что установить названия «соков» оказалось для исследователя-этнографа трудной задачей.

Как и в какой форме совершалось в Туве разложение родовой общины — не выяснено, но судя по тем же процессам, гораздо более изученным и выясненным, которые происходили к северу от Тувы, в Минусинской котловине¹, и к югу, в Монгольской степи, можно думать, что разложение это началось в отдаленную эпоху, но вследствие застойности кочевого хозяйства приняло затяжной характер.

Происходившие в далеком прошлом интенсивные колонизационные процессы, существование совершенно определенной феодальной структуры общества у тех племен, которые со всех сторон окружали долину Верхнего Енисея и которые частью вошли в состав образования тувинского народа, — все это позволяет предполагать, что разложение родовой организации началось гораздо раньше, чем Тува сделалась завоеванной окраиной Дайцзинской империи (в середине XVIII в.). Завоеватели нашли в этой стране общественную организацию, построенную на антагонизме социальных групп. Вспомним, что уже в XVII в. тувинские племена управлялись монгольскими ханами, известными Алтынханами. Вспомним также, что по словам Иакинфа, Чоросский хан «собирал подать с ханства Урянхайского», причем урянхайские племена управлялись цай-санами, родственниками ойротских владетелей, и должность их наследственно переходила от отца к сыну. После покорения Ойротии Китаем «урянхайцы, бывшие подданные Алтынхана, оставлены кочевать на прежних их землях от Алтая по хребту Танну на востоке до вершины Енисея. Князья сих поколений подчинены общим законам для Монголии, изложенным Уложением Китайской палаты внешних сношений, и состоят под ведением главнокомандующих тех округов, в которых лежат их кочевья»².

Процесс феодализации внутри Тувы как и везде, сопровождался выделением из первобытной родовой общины родовой знати, аристократических семей, которые накопили в своих руках в результате экспроприации сородичей и удачных военных походов обширные стада и военнопленных, превращаемых в рабов.

Появление частной собственности стимулировалось ранним развитием торгового обмена, который, как мы видели, широко раскинул свои нити в пределах Центральной Азии. Но имущественные различия внутри родовой общины ведут к полному разрушению коммунистической родовой организации, подрывая ее основы.³

Возвысившаяся над родовой общиной родовая знать, быстро превращающаяся в феодальный класс, стремится подчинить себе родовые общины, отняв у них в первую очередь пастбищные угодья, водопой и превратить широкую массу кочевников в своих крепостных. Эта борьба нового феодального класса против непосредственных производителей увенчивается полным разгромом сопротивления родовых общин, экспроприацией их стад, захватом пастбищ и установлением феодальных порядков в степи.

¹ С. Е. Киселев, Разложение рода и феодализм на Енисее, ГАИМК, 1933.

² Иакинф, Историческое обозрение ойротов или калмыков, стр. 135.

³ Энгельс, Происхождение семьи, стр. 104.

Стоит отметить, что памятники тувинского фольклора содержат глухие отзвуки этой борьбы в отдаленную от нас эпоху¹.

Наконец, о полном разложении родовой организации свидетельствует также и то, что отдельная семья с давних времен превратилась в общественную хозяйственную единицу. Скот и имущество, принадлежавшее семье, распределялось между членами каждого следующего поколения. Подрастающий и вступивший в брак сын покидает юрту родных, получая при выходе в полную собственность часть имущества, что кладет начало новой хозяйственной единице. Юрту отца с остатком имущества наследует младший сын или дочь. «Мужчину при живой матери делает правомочным только его брак, а до тех пор он не считается дееспособным и слышит обыкновенно под презрительной кличкой «живущего в юрте матери»².

Но признание того, что Тува вошла в период своего колониального существования с разложившимся строем родовых отношений, следовательно без родовой собственности и без родовой общины, не есть отрицание живучести пережитков старинной родовой организации.

Различные элементы родового строя продолжали существовать внутри новой общественно-экономической формации, но «в существенно измененном и карикатурном виде» (Энгельс)³.

Ряд пережитков родовых отношений продолжал существовать, превратившись в опору для феодальных эксплуататоров и орудие внеэкономического принуждения. В этой своей роли родовые пережитки ничего не изменяют в самом содержании феодальных отношений, но прикрывают их традициями и обрядностью. Как феодаль-

¹ Тувинский фольклор был впервые собран известным путешественником Г. Н. Потаниным и опубликован в IV томе его работы («Очерки сев.-зап. Монголии»). После него, насколько мне известно, его опыт продолжил Ф. Кон, но, к сожалению, собранный им материал остался неопубликованным, за исключением одной сказки «о молодце Хойтыкаре», рассказанной ему тувинцем из Хемчике. В сказке этой речь идет о подвигах богатыря Хойтыкара, у которого имущества, скота и мяса — всего много, узда и седло из золота, серебра, аркан свит из золотого ремня, шуба сшита из черного шелка, шапка из черного соболя. И сам он был как 10 000 людей вместе взятых. И было у него 108 жен. Однажды он отправился проверять свои табуны. Не найдя в табунах черного «бура» (неклядненного верблюда), он отправился в поиски, продолжавшиеся много лет. В пути он встретился с другим богатырем, Ак-ханом, с которым сразился, и убил его. Перед своей смертью Ак-хан завещал Хайгакару коня и жену. Дальше рассказывается, как последний завладел владениями Ак-хана. Народ, видя его, испугался и разбежался. Но он обратился с грамотой к подданным Ак-хана. Когда те явились с подношениями, он обратился к ним с такими словами: «Я вас забрал, царя вашего убил. Молодых жеребят без матки не убивайте. Этот скот уже мой скот. Вы теперь — мои подданные. Вы перекочуйте ко мне через месяц, и уеду вперед» и т. д. (Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 58 — 68).

² Грум-Гржимайло, указ. соч., т. III, ч. 1-я, стр. 122.

³ Мы находим эти пережитки хотя бы в виде сравнительно безобидного обычая, носящего название «уджа», постепенно также вышедшего из употребления. Об обычае «уджа» писали Яковлев, Кон и Грум-Гржимайло. Последний пишет, что этот обычай может быть выражен по-русски: «чур, пополам!». Если в тот момент, когда охотник загнал соболя на дерево, подойдет другой охотник и скажет «уджа», он должен быть допущен к совместной охоте. Дележу по обычаю «уджа» подвергаются также продукты рыбной ловли и всякая находка, даже воровская добыча (Грум-Гржимайло, указ. соч., т. III, ч. 1-я, стр. 63—64).

ные эксплуататоры, так и завоеватели умело приспособляют эти пережитки в своих интересах, наполняя новым содержанием старые формы. Выполняя новую классовую роль, эти пережитки вместе с тем приобретают силу жизни.

Социальные последствия завоевания были обусловлены конечно в первую очередь внутренними условиями экономического развития тувинского народа, разложением его родовой общины и феодализацией общественных отношений. Но так как на стороне Китая было превосходство не только военное, но и экономическое, естественный ход разложения родовой организации должен был получить под влиянием политической силы завоевателей более быстрое развитие. В данном случае насилие завоевателей действовало в одинаковом направлении с экономическим развитием.

В результате завоевания Тувы Китаем, во-первых, усилилось разложение первобытной общины, основанной на кровном родстве и общности имущества, на маленькие семьи, между которыми распределяются основные средства производства; во-вторых, увеличилось расстояние между непосредственными производителями и господствующим классом, что означало усиление классового антагонизма. Земля формально превратилась в собственность Дайчинской династии, которая оставила ее в фактическом землепользовании туземных правителей. Страна попрежнему распадается на ряд кочевых групп с очень редким населением, организованных в маленькие общины. Но это не были родовые общины. Функции этих общин заключались, во-первых, в регулировании пастбищных территорий, во-вторых, в регулировании весьма примитивного мочажного водоснабжения. Община была соединением тех же семейных хозяйств на почве выполнения некоторых общих задач, стоящих перед ними.

Это одна сторона дела. Но не забудем, что Тува была далекой окраиной Китая, мало известной самым китайцам. Тувинский народ они называли «урянками». Этим именем обозначали они малоизвестные им племена, жившие в отдаленных областях Монголии. Некоторые толкуют слово «урянки» как обозначение лесных жителей, другие — людей оборванных, презренных, третьи — вкладывают еще и иной смысл. Вернее всего, что наименование «урянки» китайцы употребляли в том смысле, в каком в России употребляли в прежние времена слово «татары», т. е. как собирательное имя, употреблявшееся с приставкой географического термина: казанские татары, крымские татары, минусинские татары и т. д.

Тува была страной малоизвестной, отделенной обширными полупустынными степями, куда можно было пробраться, преодолев большие трудности. Но, с другой стороны, и Тува в свою очередь внутри себя тоже распадалась на ряд изолированных населенных полос. Ее редко рассеянное по обширной площади население было раскидано по долинам рек, котловинам озер, ущельям гор, в гуще лесов. Одна жилистая полоса отделена от других большим пространством. Как при такой разбросанности, изолированности отдельных частей организовать дело выжимания прибавочного продукта?

Если основной целью феодального общества, как и всякого классового общества, является порабощение населения и выжимание прибавочного продукта, то как можно было организовать более или

менее регулярное выжимание этого прибавочного продукта в условиях экономической и географической изоляции отдельных жилых полос? Очевидно только путем децентрализации власти. До маньчжурского завоевания феодальными владьками Тувы были монгольские князья. Но так как целью завоевателей было создать такую организацию местной власти, которая беспрекословно повиновалась бы центральному правительству, то естественно, что желательный контингент правителей можно было получить из среды местной родовой верхушки. Условия повышения должны были тесно связать их с завоевателями.

Мы знаем, что феодальный класс всегда и везде состоял из равных прослоек: с одной стороны, крупных знатных землевладельцев, с другой — мелкого служилого люда. В зависимости от того, какая из этих групп господствует, определяется до известной степени характер феодальной власти. Поскольку на судьбах Тувы отразились особенности общественного строя Китая, централизованный характер маньчжурского феодализма, постольку он до известной степени обусловил и состав своей социальной опоры в этой завоеванной провинции, в которой отсутствовала своя крупная феодальная знать.

В Туве происходит, с одной стороны, раздробление крупных удельных княжеств на более мелкие и, с другой стороны, выделение мелких служилых людей, нойонов, которые вместе с группой других служилых людей, навываемых чиновниками, составляют туземный аппарат выжимания прибавочного продукта на основе феодальных отношений. Представителями феодальной собственности в Туве и носителями права внеэкономического принуждения были представители наиболее крупных родов, как например рода киргиз в Ююшарском хошуне, к каковому роду принадлежали амбын-нойоны. Но наряду с представителями родовой знати мы находим среди нойонов выходцев из общественных низов, простолюдинов. Один из наиболее ярких и энергичных нойонов Хемчикского хошуна, Хайдуп, был незаконнорожденный сын простой аратки. Своим новым социальным положением, своим возвышением эти люди были обязаны маньчжурской династии и это обстоятельство делало их более пригодным орудием для проведения политики центральной власти, чем были крупные монгольские феодалы — потомки Чингис-хана.

Все же некоторые монгольские князья, как мы видели, преимущественно потомки завоевателей Тувы, сохранили в своем владении несколько хошунов, составивших окрестности их монгольских уделов. Но так как маньчжурское правительство постоянно стремилось ограничить власть монгольских вассалов и сузить базу их феодальной эксплуатации, эта тенденция нашла свое выражение в том, что после покорения Джунгарии значительная часть бывших владений монгольских Алтынханов была роздана мелким вассалам, причем эта политика отчуждения уделов продолжалась, как мы увидим, почти до самой китайской революции (1911 г.). На смену крупным феодалам в Туве выступают мелкие вассалы — нойоны, в такой же мере, как и монгольские феодалы, пользующиеся неограниченной властью над зависимым населением и его имуществом. Здесь так же, как и в Монголии, и даже пожалуй сильнее, чем в Мон-

голии, сказывается отсутствие границы между имуществом нойона и имуществом подвластного ему населения. Это превращает нойона в фактор огромного значения для экономической жизни страны. От него идут все распоряжения, имеющие жизненное значение для хозяйства каждого отдельного производителя. Нойон производит раскладку общественных повинностей между членами своего хошуна, устанавливает подать, распределяет кочевки между хошунными жителями, и таким образом от него зависит поставить одних в более выгодные, других в менее благоприятные для жизни условия, от него зависит или дать возможность к обогащению или до конца разорить. Каждый нойон имеет право взять у своего хошунного жителя решительно все, что он имеет, и распорядиться этим имуществом по своему желанию¹. Хотя и существовали постановления, ограничивающие размеры «законных сборов», но фактически эти постановления не исполнялись, и нойоны взымали со своих подданных все, что им нужно, и в таком размере, какой им заблагорассудится установить. Правда, они не имели законного права приговаривать к смерти своих подданных. Все серьезные преступления, влекущие смертную казнь, должны были разбираться в Улэсутае, но обыкновенно обвиняемый, по делу которого следствие велось на месте, не выдерживал пыток, которым его подвергали по приказу нойона, и умирал, не дождавшись разбора своего дела².

Власть нойона, как и монгольских чзакаков (цзасаков), была наследственной: она переходила от отца к сыну, а с утверждения цзянь-цзюня она могла быть передана ближайшему родственнику. Но бывали примеры в Туве, как и в Монголии, когда маньчжурское правительство удаляло правителей от должности за какие-нибудь преступления, а иногда просто по неспособности их к управлению. Во всех подобных случаях добровольного или принудительного удаления от управления хошуном наследование переходило или к старшему сыну или вообще к какому-либо родственнику, а в редких случаях передавалось и постороннему.

С течением времени в Туве установился порядок, по которому правитель выбирается светской и духовною верхушкою хошуна. Как пережиток прошлого остался обычай выбирать его из наследников бывшего правителя, причем цзянь-цзюнь мог не утвердить выборов и даже утвержденного сменить³.

Так например в начале 900-х годов был сменен распоряжением цзянь-цзюня хошунный нойон Хемчикской долины, и на его место выбрали человека, даже не принадлежавшего к роду бывшего правителя. В Тожинском хошуне вместо удаленного нойона был выбран не сын его, а отдаленный родственник⁴.

Наследственные уделы монгольских князей, поскольку они сохранились за ними, уже в силу отдаленности этих уделов не имели характера прочного владения. Они могли быть отняты у них и переданы одному из существующих огурд. Энергичный и властный огулда Хемчикского хошуна Хайдун добивался получения хошуна Бэйсе,

¹ А. Позднесо, указ. соч., стр. 164 — 165.

² Яковлев, указ. соч., стр. 93.

³ В. Попова, Через Саяны в Монголию, прилож. ко 2-й части, стр. 24 — 25.

⁴ Там же.

лежащего чересполосно с его владением, и он его в конце концов получил.

Описание сложного административного механизма дает в своей книге Ф. Кон¹. Согласно его данным, этот механизм вырисовывается в следующем виде:

Амбын-нойон управляет подведомственными ему хошунами при содействии управления — чазан или тамма, в состав которого входят:

1) хошуи-чалан — чиновник, ведающий административными делами;

2) мерен — ведающий судебными делами в пределах хошуна и делами, имеющими отношение к «иноплеменникам» (русским, монголам, китайцам и прочим, проживающим в пределах хошуна);

Группа хамчичких чиновников-феодалов во главе с богачом-самодуром Посту Сайгырчи, считающим себя потомком Адыгханова.

3) бижеччи — секретарь;

4) дежурные чиновники, присылаемые из хошунов: Оппи, Салжак и Тожа. К слову отметим, что хошуны Хасут и Да имеют свои чазаны и дежурных в амбын-нойоновский чазан не присылают. Хошуны же Вэйсе и Мады находятся под управлением амбын-нойона, ими управляют монгольские уваны.

Каждый хошуи делится на сумо. Управление сумо состоит из следующих лиц:

1) Чанга — начальник над сумо, ведающий отношения своего сумо с другими. Он же собранную подать — албан — отвозит амбын-нойону и по желанию последнего сопровождает его с албаном в Улясутай. На время отсутствия чанга его заменяет

2) чалан — чиновник особых поручений, лицо привилегированное, нечто вроде «служилого человека». Чалан получает свой ти-

¹ Ф. Кон, Усиский край. Красноярск. 1914.

тул от амбын-нойона, в большинстве случаев за солидное подпопение, и лишается своей светлосийей шишки по усмотрению того же амбын-нойона. Власть чалана временная, до исполнения возложенного на него поручения.

3) Хунду — товарищ чанги, ведающий внутренними делами сумо и разбирающий тяжбы. Ему подчинен и в случае его отъезда замещает

4) сумо-тарга — начальник над бошка — сборщиками податей. Ему же передаются арбан-таргами произведенные ими дознания до преступления. Более простые преступления, вроде краж, в которых участники сознались, решаются им единолично, более сложные передаются на рассмотрение хунду.

5) Бошка — занимается сбором податей, поимкой преступников, доставлением их на суд, наблюдением за исполнением наказания. Их в сумо несколько, на каждый арбан¹ по одному.

6) Арбан-тарга — власть судебно-административная в арбане — мелкий чиновник, ведающий всеми мелкими делами. В последнее время престиж арбан-тарги совершенно упал. Никто его не слушает, его приговоры остаются без исполнения. Самый способный и распорядительный из арбан-тарги является заместителем сумо-тарга в случае его отъезда.

Сумо-тарга, бошка и арбан-тарга — власти, *de jure* выбираемые всеми членами сумо (первые два) или арбана (третий). Фактически же население остается в стороне, а выбирает этих чиновников на сходе чешь — несколько влиятельных и власть имущих.

7) Бижеччи — писари, секретари, лица ни юридически, ни фактически не имеющие никакой власти и получающие таковую лишь на время исполнения возложенного на них поручения, причем степень их временной власти находится в строгой зависимости от важности этого поручения. Случается, что такому бижеччи подчиняется даже чанга.

Кроме перечисленных чинов при амбын-нойоне и огурдах состоят:

1) Ха — нечто вроде придворного чиновника, исполняющего частные поручения амбын-нойона или огурды. Ха получает свой чин от амбын-нойона или огурды, если чем-либо заслужил их расположение. Это любимые богатыри, ретивые пастухи и т. п. Особенное положение среди ха занимает аяк-ха, носитель чапки своего начальника, удостоенный правом преподносить ему ее. Это нечто вроде старонольского подчасшего (*podzaszy*). Эту чапку аяк-ха носит в особом кошелке на перевязи, перекинутой через плечо.

2) Качега — стражник при амбын-нойоне, огурдах и чазане — исполнитель всех черных работ. При амбын-нойоновском управлении качега дежурят по очереди. Каждый хошун посылает в чазан по одному качега².

В состав правящего слоя входило и духовенство, точнее сказать, те ламы, которые занимали высшие и первоклассные должности и

¹ Арбан — деление чисто административное. Во время первой переписи в состав арбана входило 10 юртохозяев; с течением времени число юртохозяев значительно увеличилось.

² Ф. Кон, Усинский край, стр. 90 — 91.

монастырях (хуре), разбросанных по стране. Как в Монголии, так и в Туве монастыри располагаются неподалеку от ставки хошуного правителя, так как место это, будучи административным центром в хошуне, естественно привлекает к себе большое число обитателей, а следовательно является самым доходным местом. Что касается лам, то по своему происхождению они всегда принадлежат тому же хошуну, имеют почти всегда собственное хозяйство: юрту и скот¹. Естественно, что наиболее влиятельные и высшие должности в монастырях занимают или теми, кто связан родственными узами с правителями хошунов, или теми, кто в течение своего долгого ламского «стажа» успел разбогатеть.

Группа лам из хуре при устье р. Барлык, приток Хемчика.

Кроме хошунных монастырей имеются монастыри сумонные, столицы из одной кумирни без общежития для лам. Последние собираются сюда только в праздничные дни, когда в них совершается богослужение.

Сколько всего насчитывалось в стране монастырей — неизвестно, но судя по тому, что принятые под «покровительство» России хошунные правители возвещали о молебствиях и о «вознесении молитв божеству Цаган-дира»² в пятнадцати монастырях Хемчикского рай.

¹ А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей, «Зап. Р. Г. О. по отд. этнографии», 1887, XVI, стр. 15.

² Дело департамента общих дел министерства внутр. дел., № 233 «О русских интересах в Урлихасе». Моцна.

она, заставляет предполагать, что число их было свыше двух десятков.

Можно отметить наиболее крупные монастыри: на р. Чадана — очень богатый монастырь у ставки Да-нойона (Хемчикского хошуна) и в верхнем течении р. Хемчик выше устья р. Барлык, на р. Самагалтай близ ставки Амбын-нойона (Оюннарский), в системе верхнего течения р. Шишкит (Дархатский). Монастыри Барлыкский, Оюннарский и Дархатский имели своих хамбу-лам, т. е. лиц, соответствующих по должности настоятелям православных лавр, выбираемых из лиц старейшего духовенства (преимущественно из наместников монастырей, навываемых цорджи-лама) и утверждаемых хутухтами и хошунными правителями.

Буддийский монастырь в Туве, как и в Монголии, это одновременно и коммерческое предприятие, соединяющее в себе торговую контору, и кредитное учреждение, обросшее в зависимости от оборотов и влияния торговыми складами, стадами крупного и мелкого скота, табунами лошадей, филиалами, связанное торговыми делами с китайскими фирмами и монгольскими монастырями.

Поскольку этого рода деятельность занимала видное место в жизни монастыря, часть монастырского духовенства была специально занята ею. Для этого в монастыре была должность нирба-казначей, на обязанности которого лежало покупать и принимать все поступающее в монастырское казначейство, заключать условия по порядкам, которые берет на себя монастырь, вести торговые операции и т. д., затем чазак-лама (иначе демчи), помощник нирбы, в ведении которого были пастухи, наблюдающие монастырские стада, ревизия имущества и т. д.

Социальная грань, разделяющая правящий слой от общественных низов, от класса непосредственных производителей, несмотря на то, что нойонство было сравнительно недавнего происхождения, проходила довольно резко. В основе административного устройства лежал принцип военной организации. Господство феодального класса над поработленным, производящим классом носило характер ничем не прикрытой диктатуры феодалов. Нойоны во главе с амбын-нойоном осуществляли эту диктатуру вместе с группой чиновников, нередко, как и они, являющихся выходцами из низов и состоявших ближайшими их помощниками.

Крепостное население Тувы состояло из двух основных групп. Это были княжеские крепостные, т. е. крепостные монгольских феодалов, и затем нойонские крепостные, причем последние составляли большую часть зависимого населения. Какова же была та экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывался из непосредственных производителей?

На первом месте следует поставить «албан», т. е. государственную подать. Нам известно, что при условии государственной собственности на землю налог совпадает с докапиталистической рентой, в данном случае с продуктовой рентой. В форме албана прибавочный продукт поступал в пользу манчжуров, верховных собственников земли.

Поскольку Тува превратилась в составную часть Китая, хотя и лежащую на далекой окраине ее, процесс общественного разделения

труда, основанный на феодальной эксплуатации, связывал Туву с порабощившим его государством.

Совершенно естественно, что связью могло служить отчасти скотоводство, но главным образом охота, доставляющая ценные меха, которые служили предметом потребления господствующего класса и тем «валютным» товаром, на который можно было выменять любой другой продукт. Высокая стоимость пушнины в соединении с малым весом сообщали ей высокую транспортабельность, весьма важное свойство, если принять во внимание громадные пространства, отделяющие Туву от Китая.

Тувинская котловина рассматривалась завоевателями как обширное охотничье угодье, как область, производящий класс которой должен был отдавать продукт своего прибавочного труда иноземному господствующему классу в натуральной форме албана. В системе общественного разделения труда, покоившейся на основе феодального способа производства, «специальностью» Тувы являлась добыча и поставка соболей, рысей и других мехов.

В этом свете становится понятным мотив охранительной политики маньчжурского правительства в отношении Тувы. Организуя военную охрану и запрещая своим подданным переход караульной линии по Танну-Ола, маньчжурская династия сберегала этой мерой интересы своей казны, поступления которой должны были бы упасть в результате эксплуатации населения китайскими купцами. В данном случае оно осуществляло ту же политику, которую проводило в подобных обстоятельствах русское правительство в Сибири ¹.

Государственная подать состояла из пушнины восьми видов: белка, соболь, рысь, выдра, барс, волк, куница и лисица. Это «албанские» звери, другие звери не принимаются. Каждый хошун производил раскладку по сумонам, причем руководствовались списками с указанием на имущество и положение плательщиков, которые представлялись чанга и чаланами. Сбор подати производился сумонными властями. Собранный пушнина представлялась огурде и им проверялась. На каждой шкурке тщательно отмечалось, от кого она поступила, дабы впоследствии при забравке шкурки в Улусутаян знать, с кого требовать дополнительный взнос, и сдавалась амбийонону, который и отвозил ее в Улусутай для сдачи в казну.

Албан определялся в последнее время маньчжурского государства в 3 000 урге ². Урге играет роль албанной единицы и равняется

---

¹ Для сравнения интересно привести указ, данный красноярским воеводой С. Бакиановским в 1733 г. прикавчнику Саянского острога И. Ермилову: «которые поселились около Саянского острога в ясашных волостях, отчего оным ясашным иноземцам немалое разорение... и тебе бы Ермилову, тех поселщиков выслать их на старые жилища, а дворы их и прочие заводы сломать». Цит. по кн. Ватина, стр. 93, 94.

² Адрианов отмечает, что в период его путешествия, в начале 80-х годов тувинский аймак платил 1000 урге. Таким образом за 2—3 десятка лет, несмотря на деградацию хозяйства, одна государственная подать возросла в 3 раза. Следует здесь отметить неправильный прием, который употребляет Н. А. Шойнелов (Иацов) в своей книжке «Тувинская народная республика», стр. 13, для исчисления размера ежегодного албана. Он берет общее количество тувинских хозяйств в 12 000 и помножает это число на 3 (число соболей), получает 36 000 соболей, а деньгами 1 миллион 800 тыс. рублей на расчета 50 рублей за соболя.

3 соболям. Таким образом со всего тувинского аймака полагалось взять 9 000 соболей, в случае же недобора допускалась замена их мехами других пушных зверей.

По правилу состоятельные хозяева платили по три соболя с семьи, семьи же ниже средней зажиточности объединялись в один податной пай с таким расчетом, чтобы на долю каждой приходилось не менее десяти белок. Но так как подать взыскивалась с каждого хошуна в определенном однажды размере, а число плательщиков становилось с каждым годом все меньше, то тяжесть повинности ложилась на плечи остальных хозяйств¹. С каждой юрты берут от 10 белок до 10 соболей, т. е. от 3 руб. до 400 рублей. Считают, что только на уплату албана в среднем у тувинца отбиралось много больше трети годового дохода².

Албан с княжеских хошунах Бэйсе и Да-вана составляет по показаниям русских купцов, подтвержденным самими тувинцами, по 1 лану серебра (1 р. 30 к.) с каждой головы скота или по 1 штуке скота с каждых 10 голов³.

Вследствие того, что албан взыскивался только мехами определенных зверей, последние ценились в крае значительно дороже, чем в Сибири, и тувинцы-скотоводы (не охотники) вынуждены были покупать их у русских и китайских купцов для подати по высокой цене, чаще всего в обмен на скот⁴. Этим объясняется, что Тува, имеющая местности, богатые пушным зверем, показывала частью в своем ввозе из России пушнину «албанских зверей».

Помимо государственной подати население нойоновских хошунов уплачивало хошунные подати⁵, а княжеских — ежегодные оброки, за которыми, как уже указывалось, приезжали специальные сборщики. Каковы были размеры тех и других платежей, нам неизвестно, в литературе нет на это прямых указаний, но, сопоставляя имеющиеся косвенные указания с теми фактами, которые дает более богатая описаниям Монголия в названной области, мы получаем некоторое представление о поборах в пользу самих нойонов и их приближенных.

Правители хошунов даже не тратят своего имущества на свое содержание. Все необходимое доставляется им из хошуна. По определенной раскладке правителю доставляются бараны, чай, топливо и прочее в определенном числе, покрывающем с избытком его обыкновенные расходы и дающем ему возможность содержать у себя большую дворню, живущую по юртам в ставке правителя и выполняющую в его хозяйстве различные обязанности: доставку топлива, доение скота, стрижку овец, приготовление молочных продуктов, пастьбу скота и т. д.

Албан, хошунные подати и оброки принадлежали к категории ре-

¹ Грум-Грессинмайло, указ. соч., т. III, вып. I, стр. 166 — 167; см. также Коп Ф., Предвар. отчет., стр. 38; Яковлев, указ. соч., стр. 67.

² Родевич, Очерк Урянхайского края, стр. 21; Попов В., Через Саяны в Монголию, стр. 136, 137.

³ М. Боголюбов и М. Соболев, Очерки русско-монгольской торговли, стр. 146.

⁴ Родевич, указ. соч., стр. 21.

⁵ В. Попов, указ. соч., стр. 137.

гулярных повинностей. Затем плет ряд повинностей, имеющих характер особых сборов, собираемых по разным поводам и с большим произволом. Среди этих повинностей в первую очередь должна быть упомянута повинность, приближающаяся к албану, так как она тоже носила регулярный характер, ежегодно повторялась и называлась у и д у р ю г. Этим именем обозначается особый сбор на одаривание улясутайских чиновников, принимающих пушнину, чтобы они при приемке ее не доводили своих требований до крайности. Эта сумма, которую увозил с собой в Улясутаи амбын-нойон, достигала крупных размеров; она собиралась со всех хошунов, причем также имела тенденцию постоянно повышаться и взималась с той же беспощадностью, с какой собирался албан.

Далее идут сборы на покрытие расходов своих правителей. Расходы эти большею частью вызывались огромными вмятками, которые они уплачивали в Улясутае и в Пекине за утверждение в должности, за пожалование знаков отличия: шариков, почетных курток, титулов и т. д.

Нойон Хемчикского хошуна, Хайдуп, истратил до 60 000 лан серебра (около 90 000 руб.) на подарки в Улясутае, чтобы получить красный шарик и павлинье перо на шапку, что делало его независимым от амбын-нойона.

В 1908 г. новыми подарками Улясутайскому цзань-цзюню на сумму 17 000 лан серебра Хайдуп подчинил себе Бэйсе хошун. Для этих подарков он наделал долгов у китайских купцов. Долги эти разложили на весь хошун, который должен был выплачивать в год китайским купцам около 200 000 руб. просроченных долгов и невероятных процентов на них¹. Огурды Тожинского хошуна, следовавшие друг за другом, должны были русскому купцу Садовскому 15 тыс. белок: один — 7 000, другой, скончавшийся через год после своего вступления в управление, — 8 тыс. белок. После их смерти долги разложили и взыскали со всего хошуна.

Настоящим бедствием для страны являлись приезды по какому-нибудь делу китайских или монгольских чиновников. Одно известие об этом производило устрашающее впечатление на население. «Когда нойоны узнают о предстоящем приезде дзурганов из Китая, они перекошеывают, лишь бы не быть на пути этих чиновников. Никакое стихийное бедствие не может сравниться с таким нашествием китайских чиновников»². Объясняется это тем, что такой приезд вызывает обычно поднесение им «подарков», размер которых зависит от ранга приезжего. Так приезд двух китайских следственных чиновников «чурган» по делу убийства тувинца-охотника русскими вверопромышленниками, стоил тувинской общине 6 000 руб. Приезд других чиновников для расследования дела огурды Хайдупа на Хемчике в том же году стоил его хошуну до 30 000 руб.³

Любопытный документ с перечнем расходов хошуна Бэйсе на «подарки» своему правителю и на взятки приезжим чиновникам с 1893 по 1906 г. опубликовал Н. А. Шойжелов (Нацов).

¹ Е. Родевич, Урлихайский край и его обитатели, «Изв. Р. Г. О.», 48, 1912, стр. 163.

² Ф. Кон, Усинский край, стр. 101.

³ Родевич, Очерки Урлихайского края, стр. 21.

В 1893 г. дано взятки 1 000 баранов по 1 р. баран, всего	1 000 руб.
В 1893 г. дано взятки 70 быков по 40 руб. за быка, на сумму	2 800 „
В 1904 г. дано взятки 1 000 быков по 40 р. бык, всего	40 000 „
В 1901 г. парасходовано на свадьбу сына правителя хошуна одна тысяча ланов серебра, т. е. деньгами	1 300 „
В 1905 г. выдано хошунному правителю на возведение в чин бэйсе две тысячи ланов серебра, т. е. деньгами	2 600 „
В 1906 г. выдано хошунному правителю на возведение в чин бэйсе десять тысяч ланов серебра, т. е. деньгами	13 000 „

Всего за 13 лет истрчено 60 700 руб. по одному хошуну.¹

Президы китайских чиновников, помимо того, что каждый из них стоит населению несколько тысяч рублей, были связаны с выполнением тяжелой «уртальной» (гоньбовой) повинности, т. е. с предоставлением лошадей, верблюдов, улаччи (ямщиков), юрт и провианта. Само собою разумеется, что тяжесть этих повинностей росла в соответствии с чином и должностью чиновника.

Шойжелов (Нацов) приводит предписание тувинского амбын-нойона местным властям о необходимых приготовлениях к встрече улясунтайского цзянь-цзяня Хубийсайта, объезжавшего в 1908 г. западные границы. «На каждой остановке уртеля (почтовой станции) нужно приготовить:

1. Для персоны «его превосходительства»: 27 лошадей под упряжку в их экипаж, 8 запасных лошадей, 1 верховую лошадь, 10 вьючных верблюдов, 1 палатку, 16 улаччи и соответствующее по закону количество баранов для провизии.

2. Для свиты его превосходительства: 12 верховых улаччи для перевозки чиновников в экипажах, 8 запасных лошадей, 6 вводных лошадей, 4 верховых улаччи, 2 верховых лошадей, 6 вьючных верблюдов, 6 вьючных лошадей, 4 юрты и соответствующее количество баранов для провизии.

3. Для сопровождающих его превосходительство монгольских чиновников и цириков (солдат): 70 верховых лошадей, 27 вьючных верблюдов, 30 вьючных лошадей, 22 верховых улаччи, 15 юрт, 2 палатки и соответствующее по закону количество баранов для провизии»².

Следовательно каждый уртель, через который проезжал цзянь-цзянь, должен был предоставить 222 лошади, 43 верблюда, 64 чел. улаччи, 19 юрт, 3 палатки и прочее. За один день мандарин проезжал три уртельных станка, т. е. производил три смены лошадей, верблюдов и прочее. Не трудно сделать подсчет, во что обходились тувинскому народу комфортабельные поездки китайского мандарина, продолжавшиеся от 25 до 30 дней.

¹ Шойжелов (Нацов), указ. соч., стр. 14.

² Там же, стр. 15.

Конечно, чем ниже рангом чиновник, тем меньшее число свиты сопровождает его, тем не менее даже простой чанга (начальник над сумо) едет не иначе, как в сопровождении одного или двух человек. И такого рода поездки совершаются очень часто. Надо еще отметить, что, проезжая через уртель, чиновник не пользовался той половиной или четвертью барана, которая ему полагалась. Взамен он требовал платы серебром. Точно так же он получал за юрту, за дрова, за воду на всех станциях, которые он проезжал в день по несколько, не останавливаясь. Кроме того часто случалось, что чиновники угоняли с собой лошадей, на которых их везли.

Разорительной для тувинского хозяйства была эксплуатация не только со стороны светских властей, но и ламского духовенства, как отдельных лам, так и монастырей. Перечислим только некоторые важнейшие формы этой эксплуатации.

Здесь необходимо прежде всего упомянуть о поборах, выываемых постройкой хошунных монастырей. Сооружение и поддержание в порядке хошунных монастырей производились на средства того хошуна, которому принадлежит монастырь. При каждой постройке в монастыре нового храма или при необходимости какой-либо поправки в нем, со всего хошуна делался единовременный сбор в пользу монастырей и этими суммами покрывались издержки по тому или другому предприятию¹.

Существуют данные, указывающие, что монастыри не только строились, но и содержатся благодаря особым и регулярным сборам с населения. Систематический характер носили поборы духовенства за совершение общественных и частных богослужений. Эти поборы нашли многочисленные отклики в литературе.

«Большинство (лам), — пишет П. Островских, — живет на счет приношений своей паствы, с которой они берут за разные требы, и ежегодно еще объезжают самые отдаленные уголки и получают подарки шкурками соболей, лисиц, белок»².

Вот что пишет по этому поводу другой автор: «Бич божий для края — это ламы. Как только они узнают, что имеется в юрте умирающий, сейчас они являются целыми стаями для свершения молитв и в продолжение многих дней буквально обжирают и обдирают хозяев: такие молитвы и похороны зачастую даже богатых людей превращают в нищих»³.

Наконец при приезде высших духовных лиц повторялась почти полностью знакомая нам картина обирательства. Обезживая Хемчикскую долину, Родевич встретил на Чадане приехавшего из Монголии гыгена. «Для кормления и услуги гыгена и его свиты и всего монастыря была назначена целая большая сойотская деревня, гыгену и его желаниям вообще отказа нет, он святой, и сойоты доставляют ему скот и всякое добро для отвоза в Монголию именно столько, сколько он желает»⁴.

¹ А. Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей, стр. 15.

² П. Островских, Оленные тувинцы, «Северная Азия», 1927, № 5 — 6.

³ Минцлов, Секретное поручение, стр. 208 — 209. С этим отзывом необходимо сопоставить ту оценку, которую дает деятельности ламского духовенства в крае Грум-Гржимайло: «Северо-Западная Монголия и Урянхайский край».

⁴ Родевич, Урянхайский край и его обитатели, стр. 161.

Следует при этом отметить, что эти ламские монастыри сами в свою очередь подвергались обирательству со стороны нойона. Монастырь, — это своего рода губка, которую, когда она напитывалась материальными благами, нойоны выжимали в свой карман.

Таким образом основу общественного строя Тувы образовали мелкие непосредственные производители, снабженные основными условиями производства и вынужденные силой внеэкономического принуждения отчуждать не только прибавочный продукт, но и часть необходимого в пользу феодальной верхушки, различные элементы которой стояли на разных ступенях перархической лестницы. Прибавочный продукт выжимался из непосредственных производителей в форме, которую Маркс называет рентой продуктами.

Рента продуктами была основной, но не единственной формой феодальной эксплуатации тувинского скотовода. Другой ее формой

Толчение проса в долбленной из дерева ступке с деревянной (из корня березы) толкушей.

была отработочная рента, которая в сочетании с рентой продуктами выражала сложившиеся в Туве общественные отношения. К сожалению эта последняя форма эксплуатации не нашла достаточного освещения в литературе.

Обладание большими стадами скота должно было создать в рядах феодально-теократической верхушки потребность в привлечении чужого труда для ухода за стадом, для приготовления молочных продуктов, для участия в домашнем хозяйстве. В полунатуральном обществе это привлечение чужого труда в хозяйство феодального владыки возможно было в единственной форме, в виде барщинного труда. Действительно, как было указано выше, «двор» каждого огуруды и амбын-нойона включал некоторое количество зависимых людей,

живших по своим юртам при ставке и выполнявших там обязанности дворни.

Одним из видов натуральной повинности являлась повинность под названием «медэ». Она состояла в том, что каждый сумо посылал от себя на один год по одной семье с юртой для услуг нойона.

Эти люди по очереди состояли в качестве слугителей при чазане, пасли скот, принадлежащий нойону и его чиновникам, являлись рассылными и вестовыми и т. п. Кроме того в каждой из этих юрт жили еще по одному холостому мужчине — это работник нойона от сумо, называемый «нойон-содама». Последние сменяются ежегодно. Как «медэ», так и «нойон-содама» подчиняются распоряжениям одного старшего из них, «медэ-тарга», избираемого из среды «медэ». Институт «медэ» существовал и при хошунных хуре.

Другим видом натуральной повинности была гоньбовая повинность. Она тяжело ложилась на население, т. к. станций (уртелей) было мало, а разъезды совершались довольно часто¹.

Рента продуктами и значительно менее распространенная отработка рента служили основными формами, в которых принудительно отчуждался продукт самостоятельного производителя, величина которого в зависимости от аппетитов власть имущих была большей или меньшей.

Положение, когда в продолжение многих десятилетий выжимаемый из скотовода продукт только частью остается в руках тувицких феодалов, а в остальной и в подавляющей массе уходит из страны, и когда размер этих принудительных платежей, как мы видели, растет как лавина не только за счет прибавочного, но и необходимого продукта, такое положение должно было неизбежно привести к упадку производительных сил и к хозяйственной деградации. Это был совершенно неизбежный результат охарактеризованной нами социальной системы.

В литературе встречаются неоднократно указания на понижение хозяйственного уровня тувинского населения на протяжении двух-трех десятков лет до революции. Родевич пишет: «Эти поборы уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богачи, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии; теперь, если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач»². Он же пишет, что раскладки (податей) так велики, что подтачивают в корень благосостояние сойотов³.

Понов, приводя вычисления по тувинскому и монгольскому хозяйствам, приходит к выводу, что одни только «законные» платежи отнимают у скотовода свыше одной трети его бюджета.

Подобные же указания на постепенно идущий вперед процесс всеобщего обнищания тувинского населения идут со стороны целого ряда других исследователей (Кон, Яковлев, Катанов). Этот процесс должен был явиться неизбежным результатом существовавшего строя общественных отношений, при котором хозяйство скотовода

¹ Ермолаев, указ. соч., стр. 13.

² Родевич, указ. соч., стр. 163.

³ Там же, стр. 161.

совершает из года в год свое воспроизводство на все более суживающейся базе.

Важной особенностью описываемого строя было не только разорение и крайнее обнищание широких масс, но и невозможность даже для зажиточной верхушки (конечно не феодально-чиновничьей) упрочить свое благосостояние, гибнущее от вымогательств и произвола властей. Все данные согласно указывают на то, что экономический базис тувинского байства был непрочен. Его масштаб все время суживался: ту сумму, которую ранее собирали со многих десятков юрт, приходилось теперь выискивать с единиц, так как с остальных брать уже было нечего. С течением времени таких хозяйств «без кола и без двора» становилось все больше, поэтому постоянно растущее обложение падало своей тяжестью на все более узкий круг хозяйств, неизбежно идущих к разорению, по крайней мере в значительной своей части.

Правители хошунов, высшие чиновники и монастыри податей не платили; а если им приходилось иногда затрачивать большие суммы на взятки для получения должностей, титулов, знаков отличия и т. п., то они имели возможность переложить свои расходы на население хошуна, которое в таких случаях расплачивалось своим добром.

Для иллюстрации того, как происходило разорение зажиточной группы хозяйств, стоит привести факт, рассказанный Яковлевым: «Сойот, имеющий 200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец, заплатил в 1898 г. по июнь месяц податей и поборов: 600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец, 4 взрослых быка... по всем вероятностям уплата еще не кончена»¹.

Ф. Кон рассказывает историю разорения одного состоятельного хозяина по имени Ак-хем. За нежелание платить в возросшем раз-
мере взнос в пользу улясутайских чиновников он был арестован, подвергнут пыткам, два месяца просидел в кандалах, и когда наконец был выпущен на свободу, то оказалось, что его имущество частью было расхищено, частью было продано на погашение причитающихся с него сборов, хозяйство же его было окончательно разстроено.

Процесс разорения даже зажиточной части тувинцев указывает на невозможность и во всяком случае на узкие рамки, в которых могло совершаться туземное накопление.

Несмотря на это, все же экономические различия между крайними полюсами внутри массы непосредственных производителей должны были все более нарастать. Маркс, анализируя эксплуатацию непосредственных производителей при взимании ренты продуктами, говорит, что и при наличии продуктовой ренты «выступают такие большие различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей, по крайней мере имеется возможность для этого, а также та возможность, что этот непосредственный производитель приобретает средство для того, чтобы самому в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд»². Таким образом при продуктовой ренте имеется возможность для отдельного непо-

¹ Яковлев, указ. соч., стр. 67 — 68.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, гл. 47, стр. 324.

средственного производителя выступать в качестве эксплуататора других непосредственных производителей, что мы и видим на примере Тувы. Несмотря на беспощадный грабеж зависимого населения, нельзя все же отрицать появление внутри этого населения какой-то небольшой группы состоятельных людей, выделяющихся из массы тех же самых непосредственных производителей, не занимающих никакого места в бюрократической иерархии и потому формально не обладающих правом на внеэкономическое принуждение.

Н. Ф. Катанов, посетивший Туву в 1889 г., сообщал: «Вообще сойоты очень бедны, так как обираются с двух сторон. Один состоятельный сойот приходится на 99 бедных»¹.

Ряд исследователей некритически приводит данные об уровне благосостояния «среднего» хозяйства, хотя эти «средние» явно преувеличены и резко расходятся с другими показаниями. Например Кон в своем «Предварительном отчете» о поездке, состоявшейся в начале 900-х годов, сообщает такие данные:

«В среднем хозяйстве по урянхайскому обыкновению бывает: верховых лошадей 10, жеребцов 1 — 2, кобыл 20 — 40, жеребят моложе двух лет около 25, рогатого скота: быков 3 — 4, поросят 1, дойных коров 10, яловых 2 — 3, телят моложе трех лет около 25, молодых быков 4 — 5, мелкого скота: семенных баранов 2 — 3, баранов до 20, овец до 200, ягнят до 70, козлов некладенных 2 — 3, кладенных до 20, коз до 100, козлят до 50. Сверх того верблюдов 2 — 3».

Эти «средние» мы находим не только у Кона, но и у ряда других авторов (Родевич, Попов).

Нечего доказывать, что эти данные рисуют хозяйство не «средняка», а зажиточного скотовода. Мы остановимся на других более достоверных фактических данных, рисующих мощь хозяйства на тех крайних полюсах, на которые распадалось в экономическом отношении все население Тувы.

О знаменитом богаче Ажик-Харан-чанга в начале 900-х годов Яковлев пишет как о чиновнике, у которого числится 5 000 лошадей, 5 000 рогатого скота, 10 000 овец, тогда как в хозяйстве бедняка (байхуш) благосостояние спускается до 2 — 3 овец и 1 собаки (ют)².

Попов, посетивший страну приблизительно в тот же период, сообщает, что наиболее крупные скотоводы имеют до 3 000 голов рогатого скота. Амбын-нойон имеет 2 000 голов рогатого скота, 700 лошадей, 50 верблюдов. В Салжакском хошуне богатейшие скотоводы имеют до 1 000 лошадей, 500 голов рогатого скота, 1 500 баранов³.

Посетив страну через десяток лет, тот же Попов, говоря о табунах лошадей, указывает, что наибольшие табуны имеются у князей (правителей хошунов) и у некоторых богатых чиновников и в монастырях. У некоторых скотоводов табуны лошадей достигают до 2 000 — 3 000 голов, но таких табунов осталось очень мало⁴.

В своем описании тувинского хозяйства, относящемся к тому же времени, авторы «Очерков русско-монгольской торговли» пишут:

¹ Н. Ф. Катанов, Письма из Сибири, стр. 4.

² Яковлев, указ. соч., стр. 69.

³ Попов, Через Саяны в Монголию, стр. 128.

⁴ Попов, Урянхайский край, стр. 98.

«В Сойотип мы имеем также различные градации состоятельности... Богачем считается человек, имеющий до 500 лошадей, до 300 штук рогатого скота, до 2 000 баранов и кроме того деньги. В обедневших хошунах средний сойот имеет около 10 баранов или яманов, 1 — 2 коровы, 2 — 3 лошади и несколько дойных кобылиц¹.

Усиление дифференциации населения по скоту создает новую основу, для возникновения кабальных форм эксплуатации богачами пауперизированной рабочей силы. Не забудем, что эти формы эксплуатации, возникающие на почве имущественной дифференциации, накладываются новым пластом на те известные уже нам формы, которые своим источником имели феодальную собственность и внеэкономическое принуждение.

Адрианов, посетивший Туву в конце 70-х годов, пишет: «Около одной богатой юрты обыкновенно вблизи стоят жалкие жилища бедняков, находящиеся в услужении у богачей... Так как рогатого скота у богатых много, то, чтобы прокормить его, существует обычай раздачи скота по несколько голов небогатым людям, которые пользуются молоком, но зато обязаны пасти его, отвечая за каждую потерянную скотину».

Ф. Кон (в начале 900-х годов) пишет: «При въезде в улус сразу бросается в глаза одна юрта, большая и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, по имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три-четыре, редко больше, юрт бедняков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являющихся пастухами табунов бай-кыжи (богача) или его эдиким (товарищами, слугами) по мере потребности в них».

Таким образом обеспеченное скотом хозяйство дает малоскотному или бесскотному хозяйству чаще всего дойный скот, от которого те получают продукты питания в виде молока, выполняя за это различные работы.

В одних случаях эти работы предварительно оговариваются, в других — получившее скот хозяйство обязано исполнять всю работу по поручению хозяина.

Сам бедняк или члены его семьи выполняют всю работу по уходу за скотом, поливают и убирают посевы, собирают хворост, жена его доит скот, носит воду, кипятит чай и помогает во всех домашних работах жене бая. При перекочевках на зимовку первыми снимаются бедняки на быках богатого и на новом месте заготавливают дрова, затем уже переезжает богатый.

Земледелие играет тоже немалую роль в возникновении этого рода отношений эксплуатации. Яковлев довольно образно описывает, как это в действительности происходит, хотя несомненно чрезвычайно упрощает картину «получения богача».

«Рецепт получения богача у сойот. Поковырял лопатой да озубом землю сойот, посчастливилось ему собрать с 2 — 3 улухшан (т. е. больших шан — 1/4 десят. кажд.) до 30 барб (мешков) проса и ячменя и вот, если оно случайно не состоит в долгу, основа будущего богатства заложена.

Собранный хлеб он держит до половины зимы, а потом раздает

¹ Боголепов и Соболев, указ соч., стр. 152.

беднякам по торбаку (торбак — годовалый бычек) за барбу до весны. По обычному праву неотданные торбаки к следующей весне превращаются уже в двухлетних бычков или коров, и в два и в три года таких операций благосостояние сойота упрочено, падает всякая необходимость в самоличной работе; с этих пор за него все делают окружающие бедняки, а ему остается лишь ездить почетным гостем по должникам и пускать в оборот растущее, как лавина, богатство. Бедняка, занимающегося земледелием, он сужает водой, семенами, а себе берет $\frac{3}{4}$ урожая (из 40 барб — 30); тот, кто сеял, остается нищим».

Аналогичный тип общественных отношений возникает на почве охотничьего промысла. «Бывает, что сойоты охотятся на соболя по подряду. Хозяин дает ружье, собаку, коня и припасы и получает половину всех добытых артелью соболей. Та же пропорция сохраняется, если подряжен один охотник. Если подрядчик дает охотнику коня, то за сезон охоты получает одного албанного соболя, равного по цене 40 белкам... Хороших промышленников (на маралов) нанимают богатые сойоты. Охотники получают от нанимателя ружье, коня, все нужное для охоты и пищу, взамен чего отдают половину добытых рогов. Сойоты — бедняки, не живущие в одном улусе с богачем, но пользующиеся от него коровой, конем, ружьем и т. п., расплачиваются с богачем продуктами охоты, отдавая половину добычи. Если такой бедняк (аннатхан, ангджи) пользуется большим, например двумя коровами, двумя лошадьми и т. п., то по обычаю он обязан всю добычу отдать богачу, который выделяет ему из нее часть по собственному усмотрению»¹.

Яковлев указывает на более высокий размер оплаты получаемой охотником средств производства: «Промышленнику он (т. е. богач) дает лошадь, корову и винтовку и берет тогда всю (курсив автора) добычу сезона, исключая мясо. За лошадь и винтовку во время периода охоты за рогами изюбря он отбирает добычу. Едут молодые ребята осенью белковать, за лошадь на 1 поездку он берет соболя или 40 белок»².

Совершенно правильный вывод делает Яковлев: «Пока промышленник не завел своей лошади и винтовки, пока земледелец-сойот не обеспечил себе семян, вола и коровы, они — все те же работники у богача»³.

Ермолаев, обследовавший бассейн р. Хемчика много позже названных авторов, в 1916 г., указывал на существование богатых людей, владеющих табунами лошадей в 2 000 голов, 1 000 голов рогатого скота, до 3 000 — 5 000 овец. Рядом с такими хозяйствами существуют и такие, «у которых нет буквально ни одной яманки, нет даже юрты, и они как дикие бездомные звери ходят от одного ала к другому, прося милостыни»⁴. Это неизбежно ведет к созданию определенных экономических отношений между этими социальными группами. Тот же автор пишет: «Бедноты много везде, хотя на первый взгляд это быть может и не видно, не видно потому, что зажиточные

¹ Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 35.

² Яковлев, указ. соч., стр. 69.

³ Там же.

⁴ Ермолаев, указ. соч., стр. 24.

многоскотные люди отдают свой скот в пастьбу и па подой бедняку, кому 1 — 2 лошади, кому 30 — 50 овец и яманов, кому 2 — 5 коров и т. д. За уход человек пользуется молоком, живой силой, немного шерстью, а приплод весь остается собственнику. Самые богатые хозяйства редко около себя держат весь скот, обычно не более 20 — 30 коров, 10 лошадей (ездовых), 200 — 300 овец и коз, остальное, что есть, все роздано по маломущим хозяйствам или ходит за особыми пастухами¹. В местности близ Чиргакки (приток Хемчика) тот же автор наблюдал такие хозяйства богачей, около юрты которых собралось до полутора десятков юрт бедняков; они работали на богача и пользовались правом доить коров и ездить на его лошади, что было платой за работу по пастьбе и уходу за его стадом.

Относительно большие различия, хотя и не столь крупные, как в скотоводстве, мы находим в землепользовании. Тот же Ермолаев

Группа тувинских батраков из Оюннарского тошуна.

встречал хозяйства, которые сели иногда до 20 — 30 шан, и в то же время и такие, которые имели «малый» шан, равный иногда $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{32}$ русской десятины².

Возникает вопрос, что представляют собой эти новые отношения, развивающиеся на почве имущественной дифференциации, для которой неравномерное распределение скота имеет разуместя, решающее значение?

Новое здесь в том, что эти отношения развиваются между прочим в самой массе непосредственных производителей в то время, как отношения, выражением которых являлись различные формы до-капиталистической ренты, противопоставляли феодальный класс общества всей массе непосредственных производителей. Но форма отработок, в которую облекаются новые отношения, сближает их с феодальным способом производства, позволяет некоторым рассматривать эти отношения как одно из проявлений последнего. Кроме

¹ Ермолаев, указ. соч., стр. 24.

² Там же, стр. 26.

сходства формы, общим является также одинаково низкий уровень системы и техники скотоводства и земледелия, господство примитивных приемов, зависимость хозяйства от природной стихии.

Однако при известном сходстве не трудно обнаружить существенные черты отличия. На основе той же феодальной техники наряду с непосредственными производителями, ведущими самостоятельное хозяйство, появляются производители, не обладающие достаточным количеством собственных средств производства и вынужденных поэтому работать в чужом хозяйстве. Но так как при феодализме непосредственный производитель ведет самостоятельное хозяйство, то выбить из него прибавочный продукт можно только путем внеэкономического принуждения, являющегося привилегией феодала по отношению к зависимому от него населению. Здесь же в этой роли выступает наряду с феодалом тот же самый непосредственный производитель, так называемый «бай-кижи»¹, отчуждающий в свою пользу прибавочный продукт на основе экономического принуждения, т. е. наделения производителя недостающими средствами производства.

Совершенно очевидно, что «бай-кижи» строит свои отношения с бедняком на иной основе, чем феодал свои отношения с непосредственным производителем. Неправильно смешивать эти отношения. Разумеется, в реальной действительности эти принципиально противоположные системы эксплуатации переплетаются: с одной стороны, и феодал в некоторых случаях может прибегнуть к эксплуатации на экономической основе, а, с другой стороны, одно только сословное или бытовое неравенство является тоже основой для внеэкономического принуждения. Выбывшиеся в богачи простолюдины все-таки пользуются большими правами, чем бедняки, и на этой почве в хозяйстве самого бая нетрудно обнаружить элементы внеэкономического принуждения. Кроме того между этими двумя системами существовала органическая связь в том смысле, что феодальная эксплуатация разоряла непосредственного производителя, но часто не до конца, она его пауперизировала (по существу пауперизация — это не доведенная до конца пролетаризация) вследствие чего обнищавший арат нуждался в средствах производства, которые он оплачивал своим трудом, работая на бая. Иначе говоря, феодальная эксплуатация непрерывно превращала часть населения в пауперов, которые должны были прибегать к «услугам» бая.

В литературе можно часто встретить неправильное смешение этого типа эксплуатации, развивающегося в самой массе непосредственных производителей, с барщинной системой. Этим взглядам можно противопоставить точку зрения В. И. Ленина, который в своих работах неоднократно анализировал эти отношения.

Указывая на то, что при барщинной системе крепостное крестьянство своим трудом и своим инвентарем обрабатывало землю, Ленин пишет: «Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт, но терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к

---

¹ Бай-кижи — богатый человек, в отличие от тужмет-кижи — чиновный человек.

жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими *тем же* (курсив Ленина) инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика».¹

Таким образом особенность барщинной системы состоит в том, что производитель *своими* средствами производства обрабатывает землю помещика.

Между тем тувинский бедняк, работающий на бая, потому именно и работает на него, что не имеет средств производства (в данном случае — скота) в том размере, который позволил бы ему вести самостоятельное хозяйство. В условиях неравного товарного производства беднота, лишенная элементарных средств производства, вынуждена всякий продукт или любое средство производства оплачивать своим трудом. Как раз потому, что оплата совершается не в денежной форме, а в форме натуральной, трудом, отношения между бедняком и баем неизбежно принимают кабальную форму, даже форму личной прикрепленности бедняка к хозяйству, оказавшему «услугу», причем эта «услуга» сплошь и рядом рассматривается как благодеяние, без которого бедному человеку пришлось бы погибнуть от голодной смерти. Этот характер отношений уничтожает всякую возможность сравнения «услуги» бая с величиной труда, отдаваемого бедняком. В такой извращенной форме происходит соединение избыточных средств производства одного хозяйства (бая) с «избыточной» рабочей силой другого (бедняка). Первое хозяйство нанимает рабочую силу, ибо принудительно заставить работать на себя оно не может, а другое хозяйство отпускает, продает рабочую силу, ибо без этой продажи бедняку и его семье предстоит голодная смерть. Здесь купля и продажа рабочей силы выступает в крепостнической оболочке, в форме отработок.

Ленин устанавливал два вида отработок: «1) отработки, которые может исполнить только крестьянин — хозяин, имеющий рабочий скот и инвентарь... и 2) отработки, которые может исполнить и сельский пролетарий, не имеющий никакого инвентаря... Очевидно, что как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства отработки первого и второго вида имеют противоположное значение, и что последние отработки составляют *прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно невозможных переходов*»² (курсив мой. — Р. Р.).

Хотя описанные выше типы классовых отношений реально существовали в тесном переплетении друг с другом, тем не менее каждый вид эксплуатации распространялся преимущественно на определенную категорию тувинского аратства. В то время как феодальная эксплуатация распространялась преимущественно на хозяйства самостоятельных производителей, байская эксплуатация — преимущественно на бедняцкое население. Бедняк для феодала представлял

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, 3-е изд., стр. 139.

² Там же, стр. 150.

негодный объект эксплуатации, поскольку из него вышибить прибавочный труд можно только в форме отработочной ренты. Барщинная же система по условиям скотоводческого хозяйства не могла у феодалов принять сколько-нибудь широкого масштаба, а взять с бедняка в виде ренты продуктами уже совершенно было нечего, он был окончательно обобран¹. Но зато пауперизированный феодалом бедняк становился объектом байско-кабальной эксплуатации.

Против только что сказанного обычно указывают, что нельзя при феодализме проводить резкой грани между формами эксплуатации, возникающими на основе внеэкономического принуждения и на основе экономического давления, так как присвоение прибавочного продукта происходит путем комбинированного действия обеих форм принуждения. Феодализм всегда грабил и разорял самостоятельного производителя и поэтому он знает не только самостоятельного, но и полусамостоятельного производителя. Вследствие этого эксплуатация на экономической основе, на почве имущественной дифференциации всегда имела место при феодализме.

Это указание до известной степени правильно, но, соглашаясь с ним, нельзя при этом упускать из виду двух важных обстоятельств.

Первое. Эксплуатация на экономической основе возникает в самой массе непосредственных производителей, в массе аратского населения. В качестве эксплуататора полусамостоятельных, пауперизированных производителей выступают крестьяне, араты, обладающие необходимым в сельском хозяйстве инвентарем и главным образом молочным или рабочим скотом. Необходимо отметить, что этот тип отношений обнаруживает поразительную живучесть. Он продолжает существовать и после революции, ликвидирующей феодализм и вырывающей с корнем феодальную собственность. Развитие этих форм эксплуатации в современной Туве отмечается всеми без исключения новейшими исследованиями. Признание существования крепостнических отношений в современной Туве не только противоречит общеизвестным фактам, но привело бы к вреднейшим политическим последствиям, так как в этом случае борьбу против «крепостнического» уклада в массе современного аратства следовало бы рассматривать как составную часть антифеодальной революции.

Второе. Аналогичные отношения имеют разный социальный смысл в зависимости от условий времени и места. Можно допустить, что и во времена хуннов существовали отношения зависимости и эксплуатации в массе непосредственных производителей. Можно, далее, признать, что феодальные отношения возникли не только на почве прямого насилия, но и на почве закабаления крестьянской массы при помощи ссудной задолженности богатыми собственниками, обладавшими необходимым инвентарем, хлебом, скотом.

Но надо при этом не забывать о различии эпох. Одно дело — эпоха, когда на земле капитализма или в помине не было или когда только начинают шевелиться его зародыши, и совершенно другое дело — эпоха, когда капитализм, перевернув отношения у

¹ «Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации», Ленин, т. XII, стр. 227.

себя на родине, вторгается в остальные страны со всем арсеналом свойственных ему разрушительных средств. Одно дело — Тува в эпоху расцвета кочевого феодализма и совсем другое дело — Тува как колония царской России, развивавшей товарное хозяйство путем подчинения крепостнических форм потребностям своего бурно развивающегося торгово-ростовщического капитала, стремившегося сделать Туву составной подчиненной частью своей колониальной системы.

Данное положение станет более убедительным, когда мы перейдем к изложению той разрушительной работы, которую произвела в экономике Тувы колониальная политика Китая, но главным образом, царской России.

Подведем итоги. Строй общественных отношений дореволюционной Тувы характеризовался почти полным разложением родовой организации и господством феодального способа производства. Масса тувинского населения состояла из мелких самостоятельных скотоводческих и охотничьих хозяйств, снабженных основными средствами производства. Обществу непосредственных производителей противостояла манчжурская династия в качестве верховного, по номинального собственника пастбищ и лесных угодий, и ее вассалы, а именно: группа монгольских князей, получивших в порядке пожалования и сохранивших несколько тувинских областей на окраине своих уделов, и группа правителей (нойонов) тувинского происхождения во главе с верховным правителем (амбын-нойон), получившая в наследственное владение остальную часть территории с более значительным кочевым населением, которым они управляли под высшим надзором улясутайского цзянь-цзюня. В состав феодальной верхушки входили также буддийские монастыри (хуре) в лице тех лам, которые занимали в них высшие и первоклассные должности (хамбу-ламы, цорджи-ламы и т. д.). В целом все эти феодально-теократические элементы составляли правящий слой, организовавший государственный аппарат порабощения непосредственных производителей и выжимания из них прибавочного (и части необходимого) продукта при помощи внеэкономического принуждения.

Монгольские князья постепенно теряли в Туве свои владения, а вместе с ними свое влияние. Нойоны, представлявшие тип мелких служилых людей, наоборот, округляли за их счет свои владения, сосредоточивали в своих руках большее количество пастбищных территорий и большее количество подчиненного им населения. Как мелкие вассалы, они были верными и послушными агентами манчжурского правительства. Главную функцию нойона и окружавшей его челяди (хошунных и сомонных чиновников) составляло выколачивание прибавочного продукта из трудящегося населения, основанное на личной зависимости последнего от феодального класса. Феодальная организация власти облекается в бюрократические формы (иерархия должностей, чинов, суровая бюрократическая дисциплина).

Экономической формой, в которой выколачивался прибавочный продукт из непосредственных производителей, прикрепленных к отдельным пастбищным территориям, была рента продукта а м и в виде регулярной государственной подати (албан) и чрез-

вычайных сборов (ундриг). Под видом албана у каждого самостоя-тельно ведущегося хозяйства отбиралось не менее одной трети годового дохода, а так как число плательщиков с течением времени становилось все меньше, то тяжесть повинности ложилась на плечи остальных хозяйств. Чрезвычайные сборы вызывались многими поводами и носили характер непрерывного грабежа.

Другой формой присвоения прибавочного продукта из зависимого населения была отработочная рента, выполнявшаяся дворней, живущей по юртам в ставке правителя, но по условиям кочевого скотоводческого хозяйства отработочная рента играла второстепенную роль.

Феодальная эксплуатация, не знавшая фактически никаких ограничений, в соединении с безудержным насилием феодальных властей привела к следующим социально-экономическим последствиям:

а) пауперизация широких масс населения и сужение круга самостоятельных хозяйств;

б) деградация производительных сил как в результате непроду-водительного потребления феодально-теократической верхушки, так и все растущего вывоза продуктов из страны в Монголию и Китай, взимаемых в виде разного рода налогов и поборов;

в) непрочность экономического базиса зажиточных байских элементов, не имевших права внеэкономического принуждения и, наоборот, бывших объектами последнего, а в связи со всем этим крайнее сужение возможности для туземного накопления.

На основе описанного процесса развивается распространенная на Востоке своеобразная форма приложения пауперизированной рабочей силы к средствам производства чужого хозяйства, преимущественно зажиточного типа (бай-кнжи) в качестве пастухов или слуг по хозяйству. Рабочая сила оплачивается в натуральной форме путем дачи во временное пользование средств производства: земледельцу — инвентаря, семян, вола, охотнику — ружья, огнеприпасов, коня, тем и другим — дойного скота.

Тува в экономическом отношении была страной, которая подвергалась в продолжение десятилетий непрерывному грабежу, подтачивающему из года в год ее производительные силы. Феодальные элементы не имели экономической основы для превращения в носителей капиталистического способа производства, поскольку основанием их существования и накопления являлась эксплуатация крепостного населения. С другой стороны, не мог сложиться и постоянный контингент туземной буржуазии, среди самого зависимого населения, так как полное бесправие и безудержное хищничество феодально-теократической верхушки способно было разрушить в один миг достигнутый уровень благосостояния и делало достаточно вфемерным его накопление.

---

3. Проникновение торгово-ростовицкого капитала в Туву

Начало торговых сношений России с Тувой. Фирмы и предметы торговли. Развитие долговой торговли, ростовищество. Система грабежа под флагом торговли. Появление китайской торговли. Победа китайского торгового капитала над русским. Перестройка русской торговли. Зачатки предпринимательства. Влияние торгово-ростовицкого капитала на общественно-экономический строй Тувы. Разрушение традиционных форм общественного производства. Феодальные отношения как составная часть колониальной политики. Деградация производительных сил.

Начало торговых сношений России с Тувой было положено русскими казаками, жителями «острогов» или форпостов, построенных в начале XVIII в. на Енисее. Остроги эти образовали вдоль Саянского хребта так называемую Абаканскую караульную линию.

На кордонных казаков была возложена обязанность охранять пограничные знаки («маяки»). Для этого казаки, начиная с мая месяца, ежемесячно отправлялись группами в 3—10 человек к границе держать там караулы. Свои поездки для осмотра караульных знаков казаки постепенно начали сопровождать торговлей с выезжавшими к ним навстречу караульными монголами и тувинцами. Так как торговля носила меновой характер, они вели с собой вьючных лошадей с провиантом, фуражем и товаром. «Для этой торговли устанавливался такой порядок: обыкновенно съезжались в одно время на какой-нибудь пограничный знак — с монгольской стороны «шагда-чала» (пограничный начальник), с саянским народом и с русской стороны — казаки с форпоста под предводительством какого-нибудь из своих начальствующих лиц; сначала начальствующие лица обменивались приветствиями, подарками и уже после этой церемонии начинали торг между казаками и саянцами»¹.

Вначале торговля эта велась в ничтожных размерах не более как на 6 000 р. в год².

Казаки доставляли кремневые ружья, ножи и прочее, брали за это соболей, бобров, лисиц. Для облегчения надзора за этой торговлей местная администрация впоследствии установила один пункт, в котором могла производиться меновая торговля, — при устье Хемчика в урочище Хем-Хемчик-бом.

---

¹ М. Райков, Отчеты о поездке к верховьям реки Енисей, «Изв. Р. Г. О», 1898 г., в. II, стр. 436.

² Веселков, Урлихи и географические сведения о южной границе Мунусиинского округа, «Изв. Р. Г. О.», 1871., в. VII.

В этом месте незадолго до Пекинского договора (1861 г.) около пограничного знака установилась небольшая ярмарка, открывавшаяся весной на короткое время (с 15 до 25 марта). Слухи о прибыльной торговле и богатой пушнине, с которой возвращались обратно казаки, быстро разошлись по Енисею и привлекли сюда любителей легкой наживы. В развитии торговли сыграли известную роль крестьяне-раскольники, искатели «Беловодья», которые еще задолго до середины прошлого столетия уходили за Абаканскую линию караулов в тайгу, спасаясь от религиозных преследований. Постепенно вытесняя тувинцев за «Саянский камень», они заняли своими пашнями долину р. Уса. С заселением Усинского края и с образованием усинских деревень русские раскольники познакомили тувинцев с русскими бумажными материалами и преимущественно с моровской бязью.

Набравши с собой «за пазуху» на ничтожную сумму (на 10 — 20 руб.) разных товаров: бязи, миткаля, плиса, бисера, иголок и др., русские торговцы, жившие в близком соседстве с тувинцами, отправлялись верхом налегке и все наличное количество товаров обменивали на разное «барахло»: овчины, козлины, мерлушку, шубы, ремни, волосяные арканы, путы и т. п.

Несмотря на сопротивление тувинских чиновников, которым эта торговля была невыгодна, так как, сопровождая из года в год амбын-нойона в Улясутай, они приобретали там китайские товары и сбывали их в Туве по баснословным ценам, русская торговля с каждым годом прогрессировала. После заключения Пекинского договора в 1861 г. порубежный казачий кордон был упразднен. Граница была объявлена открытой для беспопытной русской торговли, и это разрешение было немедленно и широко использовано минусинцами.

В начале 60-х годов прошлого столетия в этой торговле впервые принимают участие более крупные минусинские купцы, нажившиеся в торговле с улусным населением Минусинского округа. «Они все были скотопромышленниками, все умели говорить по-татарски и, являясь к сойотам, они брались за дело, вполне им знакомое, за свою так сказать специальность»¹.

В 1864 г. минусинские купцы Веселков и Зыков впервые отправляют для открытия постоянной торговли караван санным путем по Енисею на Бом-Хемчик, «и эта первая торговля их, — рассказывает А. Позднеев, — если только ее можно назвать торговлей, а не мародерством, была необыкновенно выгодною. Скота у сойотов-урянкаев было много; о стоимости товаров эти полудикари в ту пору не имели ровно никакого понятия: «приведут бывало головного быка, — рассказывал мне купец Сафьянов, — и отпустит за него торговец столько сукина или шелковой материи, сколько длины от рога до хвоста». При таких условиях русско-урянкайская торговля конечно должна была давать баснословную прибыль. Правда, чуть не с первого же дня она подвергалась постоянным стеснениям со стороны местного чиновничества, однако ничтожные взятки и

¹ Е. В. Адрианов, Путешествие на Алтай за Саяны, совершенное в 1881 г., «Зап. Р. Г. О.», т. XI, СПб, 1888, стр. 358.

угощения, даваемые этим пикарям, мало сокращали торговые выгоды»¹.

С появлением на местной арене более крупных представителей торгового капитала (Бяков, Сафьяновы и др.) торговля приобретает постоянный характер, основываются торговые фактории. Торговые поселения носят характер сибирских заимок: прочные деревянные дома, службы, крепкие высокие заборы и т. д. Устроив в каком-нибудь месте амбар для склада товаров и прочно обосновавшись в этом месте, купцы рассылали из центра своих приказчиков с товаром на выючных лошадях для торговли в известном районе, который с каждым годом расширялся. Когда предполагалось, что сношения с местным населением закрепились, власти настроены дружелюбно, испрашивалось разрешение построить новую заимку в каком-либо другом пункте. Таким путем открывался новый центр, захватывался новый район торговли, появлялись новые складочные места и увеличивался постоянный контингент торговых людей. Так шло из года в год проникновение русской торговли в страну. Она постепенно спустилась с горных проходов и вершин приграничных рек в долину Енисея, чтобы оттуда двинуться в глубь страны, постепенно и незаметно пробираясь в районы, один из которых (как долина Хемчика) были богаты скотом, другие (как Тожа) изобиловали пушниной.

В конце 60-х годов постоянных торговых заведений, принадлежащих русским торговцам, было шестнадцать: 3 — по Бий-хему, 7 — по Улу-хему и 6 — по Хемчику. Но рядом с крупными представителями торговли продолжали орудовать в стране мелкие торговцы, число которых быстро росло, так как слухи о легкой наживе продолжали привлекать в страну разных сброд, людей с темным прошлым, готовых и способных на любое преступление.

Русская торговля застала страну на стадии почти нетронутого натурального хозяйства. Меновые отношения, которые происходили между отдельными хозяйствами, имели случайный характер и носили форму натурального обмена, мены продукта на продукт.

Правда, деньги в виде китайского серебра могли бы появиться из торговых городов внутреннего Китая, но, как нам уже известно, китайским торговцам было запрещено переходить южную границу страны. Грузопотоки, состоящие преимущественно из награбленной феодалами пушнины, шли из страны в Монголию и Китай. Поэтому серебро, поскольку оно проникало в страну, задерживалось в руках правящей верхушки и служило целям накопления сокровищ, в которые превращалась часть их богатства. Во всяком случае в момент появления русского торгового капитала деньги совершенно не участвовали ни в сделках населения друг с другом, ни в сделках с появившимися в стране торговцами.

Но отсюда было бы неправильно заключить, что меновой оборот страны обходился совсем без денежной формы. Внедрение русской торговли, регулярный, постоянно повторяющийся обмен должен был неизбежно вызвать выделение из состава обмениваемых товаров

---

¹ А. Позднесв, Монголия и монголы, т. VI: «Китайская и русская торговля в Монголии». — Рукопись этой книги хранится в рукописном отделе ИИАНП.

какого-нибудь товара, с натуральной формой которого общественно срastaется функция всеобщего эквивалента. Этот товар становится денежным товаром и функционирует в качестве денег. Но какой именно товар стал выполнять функцию денежного товара, это зависело от общего направления и характера производства в разных областях страны.

По Бий-хему в Тожинском хошуне основным занятием населения была охота. Здесь ловились белка, соболь, лисица, куница, выдра, добывались кабаржья струя, рога маралов.

По рр. Улу-хем и Хемчик господствовало скотоводство, охота же имела второстепенное значение. Скот и продукты скотоводства составляли основные предметы обмена в этом районе.

Совершенно естественно, что в качестве денег должен был выступить на востоке какой-нибудь вид пушнины, на западе — какой-нибудь вид скота.

Действительно, в охотничьей Тожинской области роль денежного товара выполняют беличьи шкурки. Белка становится основной счетной единицей. В первое время ее номинальная стоимость оценивалась в 10 коп., затем цена ее поднялась, и в конце XIX в. она отдавалась русским за товары с оценкой в 15 коп. В то же время белка принималась в податъ (албан) и в сборы на всякие чрезвычайные надобности (упдрюг)¹.

В торговых записях русских торговцев долги тувинцев обыкновенно переводятся на определенное количество белок, которые являются единицей для пересчета. Образчик такой записи приводит Островских в своей статье².

Хамбу-лама Тожинского хошуна задолжал купцу Садовскому:

Старого долга	1 700 белок
1 р. денег (бумажка) . .	20 »
2 кирпича чая	70 »
1 рысь	150 »
1 тулупка (около 20 ф. мукп)	15 »

За огурдой Тожинского хошуна числилось долга тому же Садовскому:

Старого долга	400 белок
1 кобыла	200 »
2 рыси	6 соболей
24 салбака бляз коричневой	96 белок
1 салбак сукна	50 »
2 кирпича чая	60 »
1 куль мукп	150 »
1 свинка свинца	600 »

Не только долги переводились на беличьи «деньги», но и самая уплата долгов происходила также в форме пересчета полученного от должника на определенное количество белок.

¹ Ф. Кон, Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю, «Изв. Вост. Сиб. отд. Р. Г. О.», 1903, XXXIV, № 1, стр. 34.

² Островских, Краткий отчет о поездке в Тожинский хошун Урянхайской земли, «Изв. Р. Г. О.», 1898, XXXIV, стр. 329 — 330.

Так например у того же купца Садовского мы находим записи долгов за бедняком Вузукчаром и рядом записи того, что получено от него в погашение долга.

Числилось долга	От него получено в уплату
Старого долга . . . 284 белок	Орехов на . . . . . 27 белок
1 конь . . . . . 150 >	Голубки на . . . . . 12 >
1 мерзущка . . . 10 >	Ягод разных на . . 12 >
1 котел муки . . . 8 >	3 дил рубил на . . 12 >
7 салбаков бляз	Рыбы на . . . . . 16 >
желтой . . . . . 28 >	Брасники на . . . . 24 >
2 паушпа табаку . 6 >	Черемухи на . . . . 5 >
	в т. д.

Таким образом беличья шкурка функционирует как мелкая денежная единица, служащая мерой стоимости обмениваемых товаров для определения их цены.

На западе в долине р. Хемчик роль белки в торговых оборотах выполняет «торбак», т. е. годовалый бычок. Позже, как это будет видно из дальнейшего изложения, основной денежной единицей становится кирпич чая, «баш».

Возникновение и развитие торговли и торгового капитала связаны с ростом общественного разделения труда, с отделением ремесла от земледелия, промышленности от сельского хозяйства, между которыми выступают торговцы в качестве посредников при обмене изделий одной отрасли на продукты другой. В Туве, как в скотоводческой стране, ввиду несложности потребностей скотовода собственная переработка сырья в промышленные изделия находилась на очень низкой ступени развития, причем ремесло по отзыву некоторых авторов все же было развито в большей степени, чем у других кочевников Средней Азии¹.

Каждое хозяйство удовлетворяло все текущие потребности по мере возможностей своими силами; потребность же в таких необходимых для хозяйства изделиях, которые приобретаются один раз в течение ряда лет, как например сбруя и топор, удовлетворялась трудом специалистов-ремесленников. Последние за неимением достаточного количества заказов вели тот же образ жизни, что и их соседи, т. е. были в основном скотоводами и только в качестве подсобного дела занимались ремеслом. Тонкие и художественные изделия, всякого рода украшения, выходявшие из их рук, приобретались и быть может по принуждению выполнялись для феодально-чиновничьей и теократической верхушки. Этот же верхний слой тувинского населения с давних пор становится потребителем дорогих шелковых тканей, фаянсовых изделий, предметов культа (бурханов), шедших из Китая и приобретававшихся вероятно во время частых посещений по делам службы Улясутой или — с богомольной целью — Урги.

Следует также принять во внимание, что на торговом поприще в роли торговых посредников между Китаем и Монголией, с одной стороны, и Тувой, с другой, издавна подвизались ламские монастыри. Пользуясь своими связями с монгольскими монастырями, они наладили регулярное получение оттуда продуктов обрабатывающей

¹ Грум-Грессидайло, указ. соч., т. III, вып. I, стр. 84.

промышленности, которые за непомерно дорогие цены распространялись в Туве. Ламские монастыри благодаря этому превратились в торговые предприятия, для которых выполняемые ими религиозные функции служили лишь подсобной отраслью.

Этими разнообразными путями просачивались в старую Туву задолго до появления китайской торговли изделия китайской промышленности, главным образом тех многочисленных китайских ремесленников, которые приходили временно на заработки в Монголию, обосновываясь со своим несложным производством в Улясутае, Кобдо и др.

При таком зачаточном состоянии тувинского ремесла было совершенно естественно, что появившаяся в стране русская торговля — сперва мелкая, а затем с появлением торгового капитала и более крупная — должна была выполнять роль посредника в обмене русских фабрикатов на местное сырье.

Появление русских фабрикатов, в первую очередь хлопчатобумажных изделий, должно было вызвать и в действительности вызвало все растущий спрос на него со стороны населения, так как на первых порах русские ткани по своей дешевизне успешно конкурировали с более дорогими китайскими тканями.

Кроме хлопчатобумажных тканей в виде бязи, миткаля, ситца в составе товаров, привозимых из России, фигурировали: мелкая галантерея (иголки, нитки), железные и чугунные изделия (ножи, ножицы для стрижки овец, топоры, лопаты, таганы, чаши, резное и полосовое железо), выделанная кожа — юфть и подошва, из которой тувинцы сами шьют свои «идыги», крупчатка и, как уже было указано, пушнина для уплаты албана.

Одни из этих товаров, как ткани, были продуктами русской капиталистической промышленности, железные же изделия и прочие — преимущественно мелкой промышленности, сосредоточенной в ближайшем Минусинском крае.

В обмен на русские фабрикаты тувинское хозяйство отдавало крупный рогатый и мелкий скот, сырые, необработанные кожи и пушнину.

Рыбные богатства почти совершенно не эксплуатировались коренным населением. Небольшое количество рыбы, ежегодно спускаемое на плотках вниз по Енисею в Минусинск, добывалось русскими промышленниками, ежегодно приходившими на промысел из ближайших местностей. Вывозилась из Тувы и соль, которая добывалась из больших соляных озер (Тус-куль) местным населением. Сами русские добычей соли никогда не занимались. Обыкновенно в начале мая к озеру выезжали приказчики крупных торговцев (Веселкова, Сафьянова и др), которые и скупали соль у местных жителей в обмен на русский товар. Соль измерялась «пудовками». Мера эта, соответствующая русским $1\frac{1}{2}$ пудам, имела для себя установленную стоимость: одного «ома» (квадрат) бязи, что в переводе на русские деньги приблизительно оценивалось в 12 коп., и таким образом соль приобреталась по 8 коп. за пуд¹.

К первоначальному состоянию торговли в Туве вполне подходит характеристика Маркса о начале торговли в неразвитых странах:

¹ А. Повднеев, указ. соч., стр. 153 — 155.

«Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не производство товаров движением последних образует торговлю»¹.

Торговля в течение первых десятилетий своего существования не проникла сколько-нибудь глубоко в экономику Тувы. Захватывая на первых порах избытки продуктов, она была еще далека от того, чтобы «подглаживать самое производство и ставить в зависимость от себя целые отрасли производства» (Маркс).

Уже на этой первой стадии существования местной торговли, главным образом благодаря неразвитости меновых отношений, русский торговый капитал собрал здесь такую обильную жатву, притом такими методами, которые весь этот период превращают в яркую страницу в истории «эпохи первоначального накопления» русского капитала.

Чтобы понять экономическое содержание всего этого периода, обратимся сперва к некоторым указаниям Маркса, который обобщил гигантский исторический опыт деятельности торгового капитала на различных ступенях хозяйственного развития.

«Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, — не обмен эквивалентов... Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, сначала совершенно случайно... Продолжающийся обмен и более регулярное воспроизводство в целях обмена все более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обопми, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самой своей деятельностью он устанавливает эквивалентность». «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал утилизирует разницу между ценами производства различных стран..., указанные способы производства приводят к тому, что купеческий капитал присваивает подавляющую долю прибавочного продукта». «Итак, торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собой систему грабежа»².

Весь период деятельности русского торгового капитала в Туве (заметим в скобках, и китайского) по праву заслуживает названия «грабительского».

Грабительский характер русской торговли, особенно в первый ее период, продолжавшийся в течение 3 — 4 десятилетий, был ясен для всех тех, кто писал по этому вопросу. «Обсчет» и «обман» играли в местной торговле главную роль. Для подтверждения этого достаточно будет привести несколько фактов, собранных на месте и в разное время отдельными исследователями края.

За пачку иголок в 25 штук ценою в 5 коп. берут с тожинцев 1½ — 2 белки, стоимостью в 20 — 30 коп. Табак (махорка) в Минусинске

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, 6-е изд., стр. 252.

² Там же, стр. 254—255.

покупается за 4 коп. восьмушка, на Тоже он продается за 1 — 2 белки. Ружья ценою в 3 — 5 руб. сбываются при обмене на соболя, минимум за 15—20 руб. Все материи измеряются на так называемый «салбак». Салбак — это квадрат ширины материи. Салбак бязи стоит 3—4 белки, или по номинальной оценке 30—40 коп. и 40—50 коп. за аршин; в Минусинске же бязь стоит 16—18 коп. аршин. Салбак миткаля шириною в $\frac{3}{4}$ арш. продается за $1\frac{1}{2}$ — 2 белки, и значит аршин выгоняется в 20 — 30 коп., тогда как в Минусинске цена ему всего 6 коп. Плису ($\frac{1}{2}$ арш. ширины) цена в Сибири 28 коп. арш., в Тожинском же хошуне его продают за 60—80 коп., если оценивать белку по наименьшей цене — 10 коп. за штуку¹. В России коробка в 250 пистонов стоит от 20 до 40 коп.; в Урянхае купцы продают их поштучно и за десять штук берут по белке².

Мы видим, что обычный процент валовой прибыли русской торговли был 300 — 400, так что за покрытием всех издержек по доставке товаров в Туву торговцу в конце концов оставалась чистая прибыль довольно значительных размеров. О том, что «обвес» и «обман» играют в получении этих барышей видную роль, подтверждает правило, которого, по словам Островских, придерживались русские торговцы. «У гости, — говорил мне один русский торговец, — сойота на гривенник, а обторгуй на полтину — он ничего не скажет!» И русские придерживаются этого обычая гостеприимства. О том же свидетельствуют и поговорки, которые сложились об алчности русских среди туземного населения: «У русского черная дума на уме», «Ореха салас хуку ургащ, хол сухдар», т. е. «дай русскому палец, он возьмет целую руку».

Для того же, чтобы точнее и полнее выяснить характер деятельности торгового капитала и главным образом экономические и социальные последствия этой деятельности в стране, необходимо остановиться на развитии долговой торговли, которая с течением времени становится основной формой деятельности русского (а затем и китайского) капитала. Развитие долговой торговли является продуктом раздвоения торгового капитала, который, продолжая выступать посредником в обмене, в то же время превращается в капитал, приносящий проценты, т. е. в ростовщический капитал. Маркс называет ростовщический капитал «близнецом» торгового. В Туве торговый и ростовщический капитал представляли как бы сросшихся «сиамских близнецов».

Какие предпосылки необходимы для появления ростовщического капитала? Во-первых, «по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары», и во-вторых, «наряду с товарной торговлей деньги должны развивать свои различные функции»³.

Из различных функций денег особо важную роль для появления долговых отношений играет функция платежного средства.

Возникая в самых различных общественно-экономических формациях, ростовщический капитал предполагает еще одно условие, состоящее в том, что производителю принадлежит право собствен-

¹ Островских, Значение Урянхайской земли, стр. 11 — 12.

² Мицлов, Секретное поручение, стр. 213.

³ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 130.

ности или владения — действительное или номинальное — на условия своего труда, а следовательно он является самостоятельным производителем.

Только в качестве самостоятельного производителя он вынужден в критические моменты своего существования обращаться к ростовщику за ссудой, за которую ростовщик высасывает из него часть прибавочного продукта, постепенно увеличивая размеры своей доли. Но ростовщический капитал существует не только в форме ссуды мелким, владеющим условиями своего труда производителям, но и в форме ссуд феодалу, который также, хотя и по другим основаниям, попадает во власть ростовщика и по мере того, как он все больше запутывается в его сетях, начинает тяжелее давить на подвластное ему население, высасывая из него больше, потому что из него самого больше высасывают ¹.

Все эти основные предпосылки мы находим в экономике Тувы к моменту, когда внедрившийся торговый капитал выступает одновременно в качестве ростовщического капитала. Под влиянием каких причин и в какой форме происходит переход торгового капитала от роли посредника к роли ростовщика?

Одним из условий, которые облегчают появление ростовщичества, является несовпадение времени поступления на рынок русских фабрикатов и тувинского сырья, отрыв этих моментов друг от друга.

Товар от русского торговца поступал в распоряжение скотовода и охотника раньше, чем они могли оплатить его своими продуктами. Таковы те общие условия появления долговой торговли, которые в свою очередь определяются условиями производства и транспорта. В каждой стране устанавливаются свои сроки платежей, обусловленные в значительной степени теми естественными условиями производства, которые связаны со сменой времен года ².

Поэтому для понимания конкретных особенностей долговой торговли, а следовательно условий деятельности ростовщического капитала, необходимо рассмотреть, как влияют естественные условия на поступление тувинского сырья и русских фабрикатов на рынок.

Рассмотрим с точки зрения этих особенностей основные части Тувы: восточную (Тожа) и западную (долины рр. Хемчик и Улу-хем).

Основным занятием тувинского населения на Тоже был звериный промысел. Правда, почти каждое хозяйство располагало некоторым количеством оленей. Но оленье стадо даже у богатых хозяев, у которых оно достигало нескольких десятков голов, дает совершенно недостаточное количество молока для семьи в 5—6 человек. С другой стороны, колоть оленей без самой крайней нужды не будет ни один хозяин, так как это означало бы уничтожение стада, между тем как олень является незаменимым и наиболее приспособленным животным для переездов в условиях горной тайги и тундры. В этих условиях добыть мясо было возможно только охотой. Жизнь и благосостояние тожича в тот период (да и в настоящее время) зависели целиком от охоты.

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 134.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 114.

Добыча зверя производится лишь в определенное время года, а именно осенью и зимою, но для участия в промысле охотник нуждается в огнеприпасах и в продовольствии. Этими продуктами его снабжает русский торговец. Завоз товаров на Тожу происходил в 90-х годах только один раз в год по Амыльской тропе поздней зимой, обыкновенно в марте, санным путем. Такой поздний завоз вызывался тем, что к этому времени устанавливался проход через Саяны, но отчасти и поздним прибытием товара с Ирбитской ярмарки в Минусинск. Самая горячая пора торговли — апрель, май, а затем сентябрь, когда охотник запасается на зиму жизненными припасами, порохом, свинцом и т. д.

Этот товар распределяется в кредит между тувинцами-охотниками, каждый год одними и теми же. Срок платежа устанавливался

Тожа. Перекочевка на оленях. Олень — незаменимое животное для передвижения в условиях горной тайги и тундры.

обыкновенно в ноябре, когда охотник возвращался с добычей из тайги и спускался с таскизов в долину р. Бий-хем. В долине, в том месте, где помещались хуры и ставка пойма, происходил обыкновенно окончательный расчет. К этому же сроку приурочивалась и уплата всех тех платежей, которые не связаны с обращением товаров, как например уплата податей и т. д.

В половине декабря торговцы уезжали с пушнинной домой в Минусинский округ. Пушнина поступала на Ирбитскую ярмарку, там же закупался новый товар, с которым торговцы в конце марта снова возвращались в Туву. Но добыча зверя является промыслом, зависящим от «урожае» белки и от многих других чисто стихийных условий. Достаточно, чтобы охотник вернулся из тайги с меньшей добычей, и он уже не в состоянии существовать без отсрочки долга и без новой ссуды средствами производства (ружье, огнеприпасы, топор и т. д.), в которых он нуждается для дальнейшего продолжения промысла.

В конце концов неизбежно наступал тот роковой момент, когда задолжавший охотник, не будучи в состоянии расплатиться с кредитором, попадал к нему в пожизненную кабалу без надежды когда-либо освободиться из его рук.

Для звериного промысла охотнику необходим прежде всего порох и свинец в таком приблизительно соотношении: на один фунт пороха необходимо иметь 4—5 фунтов свинца. Обычно порох стоил 50—60 коп. за фунт, но на Тоже он отпускался за 10—12 белок, т. е. за 2—3 рубля; свинец отпускается по 1 рублю за фунт, т. е. 4—5 рублей «порция». Это бывало обычно той начальной сделкой, которая превращала охотника в неоплатного должника купца. Для иллюстрации этого процесса возьмем в качестве примера такой случай. Торговцем дано тувинцу товара в долг общей стоимостью в 500 белок. Ко времени уплаты долга у должника не оказывается нужного количества белки, а есть только 200 штук, остальные 300 ему приходится отдавать другим зверем, цену на которого назначает уже сам кредитор. Предположим, что оставшиеся 300 белок уплачены соболями средней доброты по 40 и высшей по 60 белок. Итак, за товар стоимостью в 500 белок, который стоит торговцу самое большее 20—25 руб., он получает 200 белок, которые стоят на минусинском рынке не менее 30 руб., да 5—8 соболей стоимостью не менее чем 120—150 руб. Таким образом купец в год наживает на отданный в долг товар стоимостью в 25 руб. сто и более рублей. Но торговец-ростовщик выигрывает еще более, если тувинец не имеет возможности уплатить весь долг в срок, так как оставшаяся не уплаченной доля удваивается через год, учетверяется через два и т. д.¹

Агроном А. А. Турчанинов, обследовавший этот район в 1915 году, сообщает, что тувинское население должно тожнским (т. е. русским) купцам *пять миллионов белки, или один миллион руб.* Он пишет: «представляется сомнительным, чтобы на такую сумму товара могло быть туда завезено даже за 20 лет, потому что это составляло ввоз 50 000 руб. ежегодно, а в Тожинском хошуне среди русских торговцев нет таких капиталистов, ибо по их сведениям, ввоз не превышает суммы в 20 000 руб. ежегодно»².

В другой части Тувы, по рр. Улу-хем и Хемчик торговля велась на иной производственной основе. Этот район — скотоводческий, скот и продукты скотоводства составляли здесь главные предметы обмена на русские ткани, выделанную кожу, железные изделия, крупчатку и пр. Приобретаемый в Туве скот — особенно крупный рогатый скот — находил широкий сбыт на ближайших рынках Сибири. После того как хищническая деятельность торгового капитала в Минусинских степях выкачала большие количества скота, Тува становится поставщиком мясного скота не только для Красноярска, но и для более отдаленного Иркутского рынка.

Затем развитие золотых приисков потребовало большого количества скота и продуктов скотоводства для прокормления приискового населения, среди которого они находили широкий сбыт по хо-

¹ Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного края Енисея, Минусинск, 1900, стр. 73.

² Отчет агронома А. А. Турчанинова за 1915 г. по Урянхайскому краю, ч. 1-я.

рошей цене. Кроме того несколько чумных эпизоотий (1870—1872, 1885—1887 гг.) унесли в Минусинском округе огромное количество скота: при эпизоотии 1885—1887 гг. погибло 105 590 голов. Население, оставшееся почти совсем без скота, стало закупать его в ближайших районах. Таким источником покрытия убыли явился тувинский скот, который помимо всего являлся наиболее подходящей породой для улучшения мясных качеств минусинского скота¹.

В 90-х и 900-х годах постройка сперва Сибирской, а затем Амурской ж. д. опять-таки вызвала широкий спрос на тувинский скот.

В Хемчикский район товар из России поступал так же, как и на Тою, поздней зимой, обыкновенно в феврале и марте, так как летняя доставка обходилась дорого и была небезопасна. Он завозился туда на санях по р. Енисею. В самый разгар торговли живой скот еще не успевал оправиться после зимней бескормицы. В это время он бывает тощий, да и гнать его ранней весной через занесенные снегом горные проходы и перевалы невозможно. С другой стороны, ширь тувинских пастбищ и обилие кормов давали возможность поправить скот без всяких затрат, выжидая более выгодных цен на русском рынке. Торговец таким образом был прямо заинтересован в том, чтобы не брать вымененный скот у покупателя, а отсрочить момент уплаты до более позднего времени. Что касается таких продуктов, как шкуры и шерсть, скупавшиеся в большом количестве русскими торговцами, то этот вид сырья мог поступить в их руки только после сезона стрижки и убоя, т. е. опять-таки не ранее середины лета. Как видим, и в Хемчикском районе были те же основания для появления долговой торговли, что и на Тоже, но здесь она имела свои некоторые отличительные черты. Торговец дает в долг всегда под определенное количество «торбаков»², которые должны быть выплачены в назначенное время. За взятый на 10—12 руб. товар за тувинцем скапливается долг в размере 10—12 «торбаков». Такого количества обыкновенно к сроку у должника не оказывается. Тогда он расплачивается чем может: взрослым быком, считая его за 8 «торбаков», пушшиной, частью «торбаками». Если несколько «торбаков» остаются к сроку не уплаченными, они превращаются к следующему году в вдвое большее количество «торбаков» или в такое же количество уже двухлетних коров. Вновь набранный долг еще более повышает величину долга. За товар дрянного качества, стоящий в Минусинске 3—5 руб., а в Засаянском крае 10 руб., торговец получает быка ценой в 30 руб. и 2 двухлеток ценой в 25 руб. В таком неоплатном долгу состояли почти все тувинцы, с каждым годом запутываясь все более и теряя счет громадному количеству числящихся за ними «торбаков»³.

Яковлев, рассказ которого о механизме ростовничества мы сейчас процитировали, добавляет: «Большая часть сойотского скота представляет уже не их собственность, а различных Иванов Ивановичей, которые оказывались настолько «добрыми», что соглашались обождать уплаты еще год».

¹ Ф. Снегирев, Урянхайский рогатый скот, «Сельское хозяйство и лесоводство», № 5, 1896, стр. 120.

² Торбак — годовалый бычок.

³ Яковлев, указ. соч., стр. 72.

Долговая торговля помимо того, что она отдавала скотовода живьем в руки ростовщика, имела для торговца еще ряд других преимуществ. Во-первых, она давала возможность выращивать молодой рогатый скот до 3—4-летнего возраста на обильных тувинских пастбищах под даровым присмотром должников, которые отвечали за целостность скотины. Во-вторых, продать в долг можно и больше и выгоднее, потому что, покупая в долг, кочевник не соображается ни со своей наличностью, ни с ценой товара, о котором он имел, особенно на первых порах, самое смутное представление. Торговец старается всучить ему возможно больше товаров, в том числе много ненужной дряни и завали.

Взыскание долгов с неисправных должников происходило обыкновенно насильственным образом. Официальный представитель русской власти, пограничный начальник Усинского округа, описывает этот способ взыскания долгов в своем донесении: являются приказчики за долгом; взять с должника нечего, берут у родственника или прямо у соседа, говоря: «Вы свои собаки! Разберетесь между собою»¹.

И даже сами русские купцы в докладной записке министру внутренних дел Игнатьеву вынуждены сделать признание, что «не все (купцы) имели настолько благоразумия, чтобы держаться неизменно легального образа действия» и что купцы собирали свои долги, «самовольно отсчитывая причитающийся им скот, отбирая его у родственников должников, а иногда у чужих людей»². Уже один из первых исследователей края, Г. Н. Потанин, пишет о характере русской торговли: «Некоторые приказчики в разговоре с членами экспедиции сами говорили, что здесь не торговля, а грабеж: сначала рассовать товар, а потом в сезон сбора долгов приказчики отправляются прямо в стадо и отбирают скотину, часто не зная, чье стадо, лишь бы оно принадлежало тому поколению, к которому принадлежит должник»³. В то время грабительский характер русской торговли признавал и генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин, который в своем «всепоподаннейшем» отчете за 1880 и 1881 гг. писал: «А купцы положительно могут быть обвинены в стремлении эксплуатировать неразвитых своих соседей. Раздав им в долг плохого качества товара по весьма высокой оценке, они взыскивают потом долги без всякого снисхождения, стремясь не установить правильных торговых отношений, а возможно скорее нажиться»⁴.

Подобные приемы и формы русской торговли в Туле сохранились вплоть до революции. Почти накануне империалистической войны, объезжая Туву якобы с научными (археологическими) задачами, а на самом деле выполняя «секретное поручение» русского правительства, упомянутый Минцлов сообщал: «Торговля почти целиком до сих пор ведется у них меновая, и каковы были расценки русских товаров, приведу примеры. Коробки спичек выменивались на овцу, пачка в десять коробок на «торбака» — годовалого бычка.

¹ Ф. Кон, Усинский край, стр. 46 — 47.

² Там же, стр. 47.

³ Потанин, Очерки сев.-зап. Монголии, т. III, стр. 126 — 127.

⁴ Цитируется по ст. Ватина: Урянхайский вопрос в 1880 г. прошлого века, «Сибирский студент», № 7 — 8, 1915, стр. 95.

Купцы нарочно стараются всучить им в кредит как можно более: дело в том, что у сойотов в каждом «сумо» (волость) существует круговая порука и купец с лихвой взыскивал поэтому все долги с сумо через чиновников и ноёонов, а у несправных должников отбирался последний баран и они «доплачивали» общине своими спинами»¹. Иначе говоря, долги из тувинцев выколачивали в буквальном смысле этого слова. Цены товаров в долговой торговле стояли значительно выше рыночных. В 900-х годах продажа кирпича чая в кредит обычно удваивала его цену — вместе 5 белок бралось 10. Точно так же продажа куска китайской далембы в кредит удорожала его вдвое: 20 белок вместо 10. Следовательно торговец взимает с должника 100% при кредите на 8—9 месяцев.

В качестве образчика кредитной сделки между русскими торговцами и тувинцами профессора Боголепов и Соболев берут такой случай: тувинец берет 8 арш. бязи в долг с обязательством отдать через месяц 4 овчины, но если долг не уплачен в срок, то на будущий год тувинец обязан уплатить «торбака». Обычно в первый срок уплата не происходила по беспечности (?—*Р. К.*) и забывчивости (?—*Р. К.*) тувинца и на другой год приходилось уже тяжело расплачиваться за первый долг. Таким путем за 8 арш. бязи русский купец получал от туземца взрослого быка, продаваемого на Иркутском рынке за 60 руб. Если долг затягивался на несколько лет, то «торбак» превращался в быка, который и должен был быть доставлен. Такой порядок вещей имел общее признание как со стороны населения, так и со стороны властей, на решение которых обычно представлялись подобные долги².

Не подлежит таким образом никакому сомнению, что деятельность русского торгового капитала имела характер открытого грабежа и что, не ограничиваясь эксплуатацией при посредничестве в меновой торговле, он в качестве ростовщика имел возможность во много раз усилить эффект эксплуатации тувинского народа.

Эти выводы, как мы видели, основаны на бесспорных фактах, паходимых и в отчетах путешественников, и в официальных документах, и в самопризнаниях представителей русского купечества.

После этого приходится только удивляться печальной «смелости» тех «объективных» ученых, которые берут на себя неблагодарную защиту «деятелей» самого оголтелого и откровенно разбойнического русского капитала в Туве. В качестве адвоката русских купцов, которые под видом торговли грабили тувинский народ, выступил в последнее время проф. Г. Е. Грум-Гржимайло.

В своем сочинении «Западная Монголия и Урянхайский край» в главе, посвященной торговой и колонизаторской деятельности русских (т. III, вып. II), он пытается обелить темных деятелей «первоначального накопления». «Суровый приговор», «обвинение в алчности», который выносился их деятельности, он считает «безусловно несправедливым»³.

Прибыль в размере 100%, по его мнению, следует считать нормальной.

¹ Мицлов, Секретное поручение, стр. 211.

² Боголепов и Соболев, Очерки русско-монгольской торговли, стр. 208.

³ Грум-Гржимайло, указ. соч., стр. 613.

Прикидываясь... напивным простаком, он не видит никакой выгоды в том, что в случае неуплаты в срок долга последний удваивается, хотя та же самая сделка, если она совершалась между туземцем и китайским купцом, способна объяснить нам, по словам самого автора, «с какой постепенностью монгол-собственник обращался в пастуха чужого, а когда-то своего стада»¹.

Высокий процент сам по себе еще не придает сделке ростовщического характера².

Наконец, такое «великолепное» утверждение: «Безусловно также недопустимо для научных исследователей вопроса то предвзятое мнение, которое заставляет их видеть в туземном населении только страдающую сторону, а в пришельцах — торговцах — сплошных эксплуататоров, способных ради наживы на всевозможные сделки со своей совестью».

Эта попытка реабилитировать хищническую деятельность русского торгового капитала не нуждается в опровержении, хотя бы она маскировалась квази-научной объективностью³.

Само тувинское население держалось по вопросу о характере деятельности русского торгового капитала прямо противоположного мнения. Против грабежа и хищничества русских торговцев и ростовщиков оно пыталось защищаться плебейскими средствами, путем разгрома и умерщвления наиболее злых и подлых эксплуататоров; на насилие оно начало отвечать насилем. Участились нападения на табуны, принадлежавшие торговцам; угонялся обратно насильственно отобранный за чужие долги скот.

Особой остроты эта вражда к русской торговле достигла в 1877 г., когда самый незначительный повод привел к разграблению русской торговой фактории. Это выступление обошлось дорого тувинскому населению. По постановлению китайских судей многим из них отрубили головы.

В 1878 г. революционные действия тувинцев продолжались: они отобрали у русских купцов много скота, приобретенного или путем неправильных расчетов или покупкою заведомо краденого. При этом тувинцы выдавали русским купцам расписки в количестве отобранного у них скота, что свидетельствовало о том, насколько правыми считали они себя в этом деле.

Это выступление дорого обошлось тувинскому населению.

После долгого разбирательства съезд китайских и тувинских чиновников под давлением русской власти вынес решение, по которому тувинское население должно было уплатить русским за отобранный скот 29 000 баранов. Население предпочло выполнить возложенную на него повинность, лишь бы поскорее отделаться от чиновников-мародеров, беспощадно грабивших население под предлогом следствия и правосудия. Подобные взыскания, сопровождавшиеся отбраковкой «украденного» нередко в удесатеренном размере

¹ Грум-Грессмайло, указ. соч., стр. 495.

² Там же, стр. 618.

³ Между прочим, любопытно отметить, что книга вышла под маркой «Государственного русского географического общества» в 1930 г. Великодержавные традиции этого общества тех времен, когда оно носило постыдное название «императорского», еще в недавнее время продолжали жить в этом обществе.

были такой выгодной «операцпей» для китайских чиповников и для «пострадавших» русских купцов, что неудивительно, если они сами провоцировали население на «кражи». Определенное указание на это мы находим не у кого иного, как у первого пограничного начальника Африканова.

«В недавнее время кражи были выгодны русским: они получали двойную и тройную цену украденного и издержки по розыску; был случай присуждения, например уплатить 1 000 овец за кражу одной лошади»¹.

На памяти и на глазах одного поколения народ обвинял и его стада перешли к пришельцам. Достигнуто это было разбойничьими методами, свойственными эпохе «первоначального накопления». Неудивительно, что якобы «деморализованное» и «воровское» племя не нашло другого названия для русского торговца, как «пугульдук отыстор», т. е. человек, не имеющий ни чести, ни совести, способный на всякую подлость².

Появление в стране охотников — скотоводов *русского* торгового капитала — было только первым актом той драмы, которая привела народ Тувы на путь быстрого разорения.

За первым последовал второй акт. Он был ознаменован появлением новых рыцарей «первоначального накопления» в лице китайских купцов, сумевших в некоторых отношениях затмить «славу» русских и даже оттеснить их на задний план.

¹ А. М. Африканов, Русская торговля в Урлихайской земле. Урлихайская земля и ее обитатели. Изв. В. Сиб. отд. Р. Г. О., XXI, № 5, стр. 31.

² В Минусинском музее я нашел рукопись под названием «Подвиги русских культурных людей у сойотов по вопросу, что они дали и что за это... (слово неразборчиво) получили». К этой рукописи имеется следующая приписка: «Эта рукопись писана со слов И. Н. Бякова, частью им самим по вопросам, задаваемым мною. Е. Яковлев. Многие не вошли в мою книгу...» В этой рукописи, написанной рукой Бякова, виднейшего колонизатора Урлихайского края, следовательно человека, хорошо знавшего тот предмет, о котором он писал, описываются «подвиги» русских рыцарей первоначального накопления.

Один из самых распространенных приемов обирательства заключался в подборывании к богатому скотом тувинцу какого-нибудь товара, чтобы затем обвинить его в краже. «Таких случаев грабежа описывать нехватит места». Особенно прославились своими «подвигами» среди тувинского населения торгаш В. Шумихин, который прослыл в народе под именем «Кунар Бачечи», т. е. грабитель Василий. «Обирая на всевозможные лады несчастных сойотов, ни один из русских, хотя бы из своей же выгоды, не указал, ни как вести свое несложное хозяйство, ни как бороться с осной, от которой гибнет масса овец, с чумой, бескормицей рогатого скота». В 1893 г. один из торгашей (Сафьянов), набравший по крайне дешевой цене гурт рогатого скота, большая часть которого поражена чумой, что он прекрасно знал, направил этот гурт в Нижнеудинск, где по пути заразил скот сойотов, совершенно изолированный от всякого заноса чумы. Просили этого господина остановить по дороге скот, не гнать далее, даже находились и русские, чьи интересы могли пострадать, какое ему дело до остальных, лишь бы ему в данное время было выгодно, а ему было не безвыгодно: скот куплен был за бесценно, так как сойоты, продавая скот во время чумы, имели в виду хоть что-нибудь да получить, торговец был на то, если у него и половина гурта дорогой подохнет, то он все же будет с барышом, так как в тот год в Нижнеудинске цена на мясо была очень высокая, скот же куплен за бесценно... Об этом есть дело в пограничном Усинском управлении при Талызине и если бы не принять заблаговременно строгих мер, то скот усинских крестьян едва ли спасся бы — по всей вероятности чума занесена была бы в Минусинский округ (Дело Сафьянова с Талызиним и ветеринарным врачом Олтаржевским).

Китайская торговля до конца XIX в. еще очень слабо пропикла в Туву, хотя она была широко развита в соседней Монголии. Въезд китайским торговцам в Туву был строго запрещен. Тем не менее китайские товары разными путями давно уже стали проникать в страну. Это были вначале дорогие ткани, шелк и чесуча, предметы обихода и домашняя утварь, предназначенные главным образом для зажиточного потребителя. «В то время, — писал Ф. Кон, — как Россия одевает по преимуществу бедноту, Китай доставляет материал для одежды богачей и чиновников»¹.

Торговыми агентами по сбыту этих товаров являлись, во-первых, чиновники, во-вторых, монгольские и тувинские ламы. Вообще ламские монастыри (хуре), пользуясь своими связями и постоянными

Группа тувинцев с оз. Тери-куль. Гедняки. Охотники и оленеводы. На заднем плане берестяная юрта, в которой живут летом.

сношениями с монгольскими монастырями, играли в развитии торговли значительную роль. Это был вполне налаженный, сильно разветвленный и хорошо действующий торговый аппарат. «В этих хурах производилась купля-продажа. Периодически монастыри устраивали нечто вроде ярмарки, где не только шел торг в большом масштабе, но и происходили суды. Должников и воров судили одинаково, последним лишь больше перепадало палочных ударов да ремней по щекам»².

Формальное запрещение въезда китайским купцам в Туву было

¹ Ф. Кон, Предварительный отчет, стр. 27.

² В. П. Ермолаев, К истории тувинской торговли, журнал «Современная Тува» № 1, 1929.

отменено только в 1903 г. приказом Уliasутайского цзянь-цзюня, фактически же китайский торговый капитал стал проникать в страну еще с 1895 г., сначала в виде единичных наездов китайских торговцев, торгующих в палатках и тувинских юртах, а затем уже в форме постоянных факторий.

С 1903 г. число китайских лавок начинает быстро расти, а в 1910 г. в Туве уже торговали пять больших китайских фирм (Боян-боу, Та-ши-тай-фу, Ба-жень-ба-ду, Ян-ган и Та-ма-цзу), открывших в разных районах страны около 30 отделений. Они были разбросаны по рр. Хемчик, Улу-хем и Ха-хем, но главные центры китайской торговли находились на р. Чадан, возле главного стана Хемчикского нойона и за Таниу-Ола близ Салжакского хуре и ставки амбын-нойона и на р. Ча-куль.

Китайские фирмы, торговавшие в Туве, являлись в свою очередь отделениями китайских торговых кампаний, издавна действовавших в Монголии и имевших свои опорные пункты в западномонгольских городах: Кобдо и Уliasутас. Составленные из уроженцев китайской провинции Шань-си, а потому и называемые шаньсийцами, эти торговые кампании держали в своих руках почти весь товарооборот Западной Монголии. Таким образом они имели уже веками добытый опыт торговли среди кочевых скотоводов.

Китайская торговля имела некоторые особенности, которые ей давали огромное преимущество в борьбе с ее русскими конкурентами. Главные конторы и склады шаньсийских торговых домов находились в Гуй-хуачене (Куку-хото). Эти конторы учреждали свои отделения в менее значительных торговых центрах Монголии и снабжали их товарами из своих складов. В свою очередь эти отделения открывали подотчетные им отделения второго разряда при наиболее значительных монастырях, княжеских ставках и т. д., и наконец эти последние высылали уже от себя по монгольским кочевьям подвижные палатки, которые и вели мелкую продажу товаров и скунку сырья по мелочам. Это сырье, свезенное в отделения второго разряда, здесь сортировалось; здесь формировались караваны, которые затем отправлялись в склады правления. Отделения, разбрасывая широко свою торговую сеть, следили за тем, чтобы не захватить районов, уже занятых другими торговыми фирмами.

Специализация была невозможна для китайской торговли, как и для русской, потому что монгольский рынок отличался ограниченностью в потребностях и однообразием в спросе и предложении. Китайская торговля по возможности стремилась предложить все, в чем кочевник мог нуждаться, и принимала все, что могла дать степь при современном состоянии ее хозяйства¹.

Китайские торговые фирмы, открыв в Туве свои отделения, применили в этом крае те же приемы торговли, как и в Халхе, и торговля приняла в основном тот же характер, что и там, с тем существенным отличием, что здесь китайскому купцу предлагался для обмена более разнообразный ассортимент товаров.

¹ Сведения об организации китайской торговли позаимствованы из кн. *Грум-Грессимайло*, Зап. Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. II.

Обосновавшись на Хемчике и на Улу-хеме, китайские фирмы сумели в короткий срок с такой полнотой овладеть тувинским рынком, что этим самым они создали совершенно иные условия для русской торговли.

До появления в Туве китайских купцов хлопчатобумажные ткани занимали первое место среди товаров, ввозимых из России в Туву.

С момента своего появления в Туве китайская торговля наводнила местный рынок своими тканями — далембой и цуямбой¹ — и успешно вытеснила из обихода тувинских скотоводов русские бумажные ткани.

Главная причина успеха китайских материй (китайских только по имени, так как они ввозились в Китай из Англии и Америки в виде суровья и здесь окрашивались ручным способом в однотонные цвета, притом самым несовершенным образом) заключалась прежде всего в дешевизне и большой прочности в носке китайской далембы. В Туве русская далемба обходилась не дешевле 2 р. 25 к. за кусок, тогда как китайцы продают свою по 1 р. 70 к.—1 р. 80 к. Хотя русская далемба шире китайской, все же халат из китайской далембы обходится на 30 % дешевле, чем халат из русской ткани, притом он носится вдвое дольше². В то время как халат из китайской материи носится 2—3 лета, халат из русской — не более одного лета. Та же судьба постигла и другие ткани, как русская даба, которая служит для шитья рубах и штанов, молескин и др.

С появлением дешевых английских и американских тканей, шедших под маркой китайских, сбыт русских тканей настолько сократился и торговля ими стала настолько невыгодной, что сами русские купцы принуждены были перейти к распространению иностранного товара.

В руки китайских купцов кроме сбыта наиболее распространенных хлопчатобумажных тканей попал также сбыт и таких важных продуктов массового потребления, как чай и табак.

Кирпичный зеленый чай вырабатывался исключительно на китайских фабриках. Доставка его в Монголию и в Туву находилась целиком в руках китайских фирм, которые привозили его из Калгана и Куку-хото посредством караванов на верблюдах.

Русские купцы получали чай оптом (ящиками) от китайцев и затем продавали его в розницу тувинскому населению. По данным «Очерков русско-монгольской торговли», китайцы продают русским ящик чая в 27 кирпичей за 21—23 руб. наличными, что составляет за кирпич 78—85 коп. При продаже в кредит цена поднимается до 27 руб., т. е. по 1 руб. за кирпич.

Обычная розничная цена чая в Туве была 1 р.—1 р. 25 коп. за кирпич при наличной сделке, в кредит значительно дороже. Так за чай бралось 5 белок наличными, а в кредит — 10 белок.

---

¹ Далемба — грубая бумажная ткань. Цуямба — суровая бязь или монгольское полотно.

² См. докладную записку русских купцов, поданную 16 апр. 1913 г. начальнику Успенского пограничного округа. Она напечатана в кн. «Западная Монголия и Урянхайский край», т. III, вып. II.

Кирпичный зеленый чай как самый ходкий товар становится вскоре даже орудием обмена и счетной единицей. Кирпич зеленого чая (баш) в переводе на русские деньги стоил 1 руб. 20 коп., а на белку — 8 белок.

Табак потребляется в Туве в большом количестве, так как его курит почти все население. Русский листовой табак и махорка, которые к тому же продавались с надбавкой 100% к покупной их цене в гор. Минусинске, не могли выдержать конкуренции китайского табака (тюньза), приготовляемого на бобовом масле.

Китайский табак покупался русскими купцами у китайцев по 28—30 коп. за пачку весом в 11 ланов при наличной продаже и по 33—35 коп. при продаже в кредит, а продавался населению по 50 коп.

Мы видим таким образом, что в сбыте предметов наиболее широкого массового потребления русская торговля, встретив конкуренцию со стороны китайских купцов, быстро капитулировала перед ней. Тувинцам был нужен дешевый и прочный товар. Задавленный феодальной эксплуатацией, обобранный эксплуатацией торгового и ростовщического капитала, непосредственный производитель в смысле покупательной способности представлял собой величину не растущую, а сокращающуюся. Этим объясняется, почему китайские купцы, доставляя населению невзрачный, но относительно «дешевый» и прочный товар, с большой быстротой завладели и оптовой и розничной торговлей в крае. Русская торговля, поскольку она продолжала сбывать в розницу эти товары, могла получать их только из рук китайских купцов, причем уровень цен на эти товары устанавливался теми же китайцами. Но при меновом характере торговли сбыт товаров массового спроса совершенно неотделим от заготовок продуктов массового предложения: пушнины, всякого рода сырья и живого скота.

В упоминавшейся выше докладной записке русских купцов мы находим следующую оценку китайской торговли: «Владея главными товарами урянхайского спроса, китайская торговля находилась в исключительно благоприятном положении, потому что при меновом характере торговых операций наибольшую прибыль получает тот, кто обменивает наибольшее количество своего товара на сырье».

Действительно, сырье естественно стягивается в руки тех купцов, которые заняты сбытом наиболее ходких товаров. Главное преимущество китайской торговли, завоевавшей тувинский рынок, заключалось в том, что она получила доступ к тувинскому сырью, до того целиком захваченному русской торговлей.

Дело в том, что сырье, как мы знаем, шло в обмен на фабрикаты, а этот обмен перешел преимущественно в руки китайских купцов. Благодаря тому, что последние продают ткани, табак и чай по сравнительно «дешевым» ценам, они этим путем завосвывают себе продавцов сырья. Получая в обмен скот, шерсть, пушнину, шкуры, китайские купцы значительную часть этих товаров отправляют караванами в Калатан или Куку-хото, другую же часть они сбывали тем же русским торговцам, скупавшим сырье для вывоза в Россию. Китайские купцы в условиях меновой торговли получали от тувинцев все — и скот, и шкуры, и масло, и шерсть. Наличие спроса со

стороны русских скупщиков вполне обеспечивал сбыт всех этих товаров. В то же время конкуренция среди русских скупщиков сырья создавала тенденцию постоянного роста цен. Понятно, что вся выгода от этого повышения цен на сырье целиком шла в пользу хорошо организованной китайской торговли, а не раздробленного и закабаленного производителя сырья.

Покупая тулинское сырье по крайне низким ценам и продавая ее русским скупщикам по значительно более высоким, китайцы извлекали такую выгоду, которая давала им полную возможность несколько дешевле русских продавать далембу и некоторые продукты массового спроса, чтобы таким путем еще полнее прибирать к своим рукам всю продукцию скотовода-охотника.

Получение дешевого сырья становится главным источником торговых прибылей и целью торговли, а сбыт продуктов массового потребления — основным средством для овладения тувинским сырьем.

Захват тувинского сырья становится более глубоким и всесторонним под влиянием ростовщичества, которым китайский капитал начинает заниматься одновременно с торговлей, развивая в этом направлении большую энергию.

На этом поприще он не был пионером, ибо следовал по стопам русского капитала, но действовал гораздо смелее. Имея дело с бесправным закабаленным населением и опираясь на поддержку властей, китайские фирмы переходят к системе широких ростовщических операций. Сырье и скот, как известно, поступают на рынок преимущественно в середине лета, между тем как хозяйство кочевника испытывает в течение всего года непрерывную нужду в таких продуктах, как чай, табак и другие. В течение короткого срока китайские фирмы благодаря своей фактической монополии на продукты массового потребления и организованности сосредоточили в своих руках главные ростовщические операции. Для того чтобы еще более преуспеть в этом направлении, они прибегают к другому испытанному средству кабалы, заключающемуся в выдаче «задатков» под будущее сырье. Купцы «задают» местных жителей, выдавая им вперед далембу, чай, табак, производители же дают обязательство доставить к определенному сроку обусловленное сырье.

Единицей измерения во всех этих операциях служил «баш» — кирпич веленого чая. Если покупатель брал в долг некоторое число башей, то половину он получал кирпичами чая, другую половину другими товарами по выбору купца. Этим правом купцы пользовались для сбыта всякого залежавшегося у них товара.

За полученный товар тувинец обязан был через срок в 6—9—12 месяцев отдать, допустим, определенное количество белок или скота. При этом расценка того товара, которым должник должен был уплатить свой долг при переводе на баш, назначалась чрезвычайно низкая. Если должник не сможет выполнить в срок принятое обязательство, его долг удваивается и переписывается на новый срок; если долг отдан частью, то удваивается остальная часть. Если должник не имеет возможности отдать условленным товаром, то купец переводит долг на деньги или на другой товар, причем расценка тувинского товара еще более снижается.

Например при отдаче долга скотом делается такая оценка, что за каждый ссуженный рубль купец получает 5 рублей или годовалого быка (торбака). Таким образом один кирпич чая, везенный осенью, через 9 месяцев превращается в годовалого бычка. Благодаря таким сделкам купец получает сырье или скот по ценам значительно ниже рыночных. Получение дешевого сырья объясняет странный на первый взгляд факт, что китайцы нередко продают скупщикам сырье дешевле, чем сами русские могли бы купить его у населения, причем эта разница иногда достигала 20%¹.

Система широкого кредитования населения китайцами облегчалась активным содействием властей по взысканию неуплаченных долгов. Долги взыскиваются без всякой пощады. Должник, который по каким-нибудь причинам не платил долгов, подвергался побоям; все его имущество продавалось за бесценок, часть вырученного шла на уплату долга, другая часть судьям как «судебные издержки».

В случае несостоятельности должника долг взыскивается сперва с родственников, а если и с них взять нечего, с того хошуна, к которому он принадлежит. Но так как каждая кредитная сделка с удвоением долга в случае просрочки, с начислением процентов и процентов на проценты представляла чрезвычайно выгодную операцию, китайские фирмы охотно взыскивают лишь половину долга, соглашаясь на отсрочку уплаты второй половины. Этот способ давал им возможность держать массу населения в неоплатном долгу и вместе с тем гарантировал им получение дешевого сырья из первых рук. Тувинское сырье оказывалось запроданным китайским купцам «на корню» на долгое время вперед.

Наряду с этим видом кредитования отдельных производителей существовал еще другой, который открывал кредитору неограниченное влияние на хозяйство целого района.

Этим другим видом было кредитование нойонов. Дело в том, что получение должности и чина, взятки и подарки требовали от нойона очень крупных затрат, притом нередко серебром.

Понятно, что у нойона не всегда имелась возможность собрать с населения нужную сумму к определенному сроку. В таких затруднительных для нойона случаях являлись на выручку китайские фирмы, которые с тем большей охотой открывали ему кредит, что благодаря этой сделке те методы внеэкономического принуждения, которыми располагал нойон (включая побой и пытки), служили купцам средством закабаления целого хошуна. Таким путем один из последних хемчикских огурид, Хайдун, задолжал китайским купцам свыше 100 000 рублей. Уплата процентов по долгу и погашение его лежали на населении хошуна, которое расплачивалось своим достоинством, а при упорстве своими спинами.

Кроме того сами хошуны всегда были обременены тяжелыми обязательствами по срочной уплате албана или каких-нибудь чрезвычайных поборов. С развитием денежного хозяйства китайские власти переводили натуральные повинности в денежную форму. Требуемая сумма обыкновенно развешивалась между жителями хошуна, так что каждое хозяйство нуждалось в серебряной налично-

¹ Боголепов и Соболев, указ. соч., стр. 260.

сти для уплаты повинности. В таких случаях уплата поступала на откуп китайским фирмам со всеми вытекающими отсюда последствиями. М. Сафьянов считает, что почти 50% албана и многие «ундрюки» шли через китайские руки¹.

Обычными условиями «выгодного» хошуну кредита служат следующие: первые шесть месяцев хошун не платит никаких процентов, затем три года выплачивает по 36%. Если хошун не имеет возможности и после этого сразу уплатить свой долг, то прибегает к «переписыванию» долга с неизбежным удвоением суммы и т. д.

Кредитор собирал проценты и долг с населения конечно не серебром, которого у последнего почти не было, а сырьем, пушниной и скотом. При собирании долга он давал этим товарам свою собственную оценку, что увеличивало сумму процентов по займам в несколько раз.

Кредит превращал население целого хошуна в должников ростовщика и вместе с тем отдавал все сырье данного хошуна в его руки.

В свою очередь хошунные власти становились прямыми прислужниками кредитора. Для последнего это имело значение при взыскании долгов и особенно при взыскании с целого хошуна за частные долги отдельных несостоятельных должников.

Все изложенное показывает, что китайская торговля победила русскую по всему фронту. Китайская даламба, зеленый чай и табак сделались основными продуктами массового спроса. Это вызвало сильное сокращение ввоза русских одноименных товаров. Русские торговцы были вынуждены превратиться в комиссионеров по сбыту китайских товаров. Через китайских купцов к русским шли такие местные продукты массового предложения, как скот, овцы, шкуры, шерсть, масло. Но русская торговля продолжала удерживать в своих руках монополию на продажу некоторых товаров, с которыми китайские произведения не могли выдержать конкуренции. К числу этих товаров принадлежали: кожа (юфть), красная и черная, железо не в деле и металлические изделия. Юфть при цене в Минусинске 5—7 руб. обменивалась на 6—8 овец, а лучшего сорта даже на 9—10 овец. Шиновое железо продавалось с надбавкой ста процентов к покупной цене в Минусинске. Из металлических изделий находили сбыт чугунные котлы, продававшиеся с надбавкой 200% к минусинским ценам, тазы и чайники медные с надбавкой 100%, эмалированная посуда — чайники и тарелки — с такой же надбавкой².

Кроме того в самой Туве оставались районы и отрасли, продолжавшие находиться под непосредственным влиянием русской торговли. Это были Тожа с ее неистощимым богатством разнообразной пушнины и северный район, прилежавший к Усинскому краю с его мараловодством. В эти районы китайский капитал не успел проникнуть. Торговля основной массой пушнины и маральими рогами (пантами) сохранилась в руках русской торговли. Пушнина, панты и ка-

---

¹ М. Сафьянов, Колониальная политика в Танну-Туве, «Новый Восток» № 23 — 24.

² Грум-Грессимайло, указ. соч., т. III, вып. I, стр. 609.

барговая струя шла через русских купцов к китайским, которые вывозили эти товары в Китай¹.

На стороне русской торговли оставалось еще одно важное средство, благодаря которому оно в изменившейся обстановке продолжало сохранять некоторую долю самостоятельности. Это преимущество стояло в тесной зависимости от развития в стране денежного хозяйства. Последнее сделало большие успехи со времени появления в Туве китайской торговли. Натуральные повинности населения усиленно переводились в денежную форму. Требование на деньги представляли пойки и чиновники; монастыри тоже предпочитали получать приношения деньгами, в которые они переводили свои сокровища; зажиточная часть населения имела возможность в денежной форме скрыть от жадных взоров чиновников накопленные избытки своего хозяйства. В связи со всем этим население все чаще требует в уплату за сырье наличные деньги: весовое (лановое) серебро или русские денежные знаки. С другой стороны, русская торговля, поскольку она была вынуждена сократить в значительных размерах ввоз русских изделий, которые раньше обменивались на сырье, имела возможность до некоторой степени укрепить свои непосредственные связи с производителем ввозом русских денег или серебра из России. В качестве обладателя серебра как «всеобщего товара» она открывала себе новые пути к производителю сырья, получая последнее из первых рук без китайского посредничества.

О переходе русской торговли к скупке за наличные деньги свидетельствует ряд фактов: «Бяков, торгующий в Соютии, удостоверял, что теперь (в 1910 г.) покупка производится все чаще на русские деньги. По сообщению того же Бякова и хемчикского купца Никулина, закупка скота в Соютии производится преимущественно за наличные деньги. То же развитие сделок на деньги подтверждал торгующий в Соютии усинский купец Кузнецов»². «По удостоверению русских обитателей Соютии, жители ее, служащие работниками у русских, требуют обыкновенно уплаты жалованья деньгами, а не товарами, как это было раньше»³.

Развитие денежных отношений в стране однако не следует проувеличивать. Натуральная форма обмена продолжала существовать в качестве господствующей формы.

Новые обстоятельства, среди которых оказалась русская торговля и те изменения, которые происходили в ней, должны были вызвать известную перегруппировку в ее рядах.

Наиболее влиятельной группой продолжала оставаться конечно группа крупных минусинских купцов, которые в качестве пионе-

¹ Маральи рога служат в Китае сырьем, из которого выделяется лекарство, которое по признанию местной медицины служит как укрепляющее и восстанавливающее силы. Рога у самца отрастают ежегодно весной; срезают их в то время, когда они вполне выросли, но еще полны кровью. Вес свежих рогов — 5 — 30 фунтов. Цена свежего рога 5 — 8 руб. за фунт, а за рог, проваренный в соленой воде и высушенный, — 12 — 13 руб. за фунт.

Мараловодством занимались преимущественно русские старожилы-крестьяне, которые собирали ежегодно до 900 пудов маральего рога (вместе с Усинским краем).

² Боголепов и Соболев, указ. соч., стр. 179.

³ Там же, стр. 177.

ров русскою торговли явились в страну п, широко пользуясь обменом и обчетом, выкачивали из населения в течение ряда десятилетий все плоды его трудов. Это было основное ядро русской торговли, которое позже вобрало в себя небольшое число новых, успевших разбогатеть, торговцев, преимущественно из усинских кулаков. Но бок о бок с этими крупными торговцами действовало большое количество мелких торгашей, главным образом из бывших приказчиков, успевших сколотить на службе у купцов небольшой капитал.

Капитал у мелких торговцев был однако недостаточен для того, чтобы развернуть торговлю. Мелкие торгаша нуждались в кредите для получения нужных товаров, а в последнее время и для снабжения себя русскими деньгами или серебром на скупку сырья.

Получив в Минусинске от крупных фирм товары или серебро, отдаваемое им по повышенной оценке, они обязывались сдавать этим фирмам собираемое ими в Туве сырье. Они кредитовались и у крупных купцов в самой Туве. Последние отпускали им во время торгового сезона оборотные средства, за что они также обязывались поставлять собранное сырье, причем это сырье принималось от них по пониженным ценам. Таким образом эта группа мелких торговцев, опутанная тяжелыми условиями кредита и сдачи сырья, фактически находилась на положении приказчиков крупного торгового капитала и являлась основным проводником русских товаров среди туземного населения.

В последние годы перед революцией среди крупных русских фирм замечалось стремление забросить, ликвидировать розничную торговлю русскими товарами как маловыгодную и перейти к крупным оптовым скупкам сырья и скота. В литературе этого периода мы то и дело сталкиваемся с указаниями подобного рода.

«Из всех этих купцов Бяков — самая старинная фирма, работающая в крае свыше 35 лет. Эта фирма раньше вела широкую торговлю русскими товарами, но в настоящее время все более сокращает продажу товаров и занимается скупкой местного сырья на русские деньги».

«Теперь продажные операции этих фирм (Медведева и Вавилина) значительно сократились, в особенности кредитные, но зато увеличились закупки за наличные деньги скота, шерсти, пушнины и топленого масла».

«Товарная торговля такой крупной торговой фирмы, как Сафьянова, сократилась. Тем не менее и теперь она производит значительную скупку скота — лошадей, рогатого скота и баранов — преимущественно за наличные деньги, отчасти же в обмен на товары».

Сосредоточение крупными купцами оптовой скупки приводило обыкновенно к тому, что в их руках должны были оставаться значительные стада крупного рогатого скота, табуны лошадей, стада овец. Собирая скот среди туземного населения мелкими партиями, они должны были дожидаться того времени, когда скот подрастет или поправится на подножном корму безбрежных тувинских степей. Кроме того как торговое скотоводство оно зависело от условий рынка в пределах России, куда выгонялся скот или куда сбывалось сырье, доставляемое скотоводческим хозяйством. Ожидание лучших цен на русском рынке также было причиной, заставлявшей держать

скот внутри Тувы. С другой стороны, как мы знаем, китайская конкуренция ограничила в сильной степени непосредственные сношения русских купцов с тувинским производителем сырья. Между тем требования русского рынка па скот и скотоводческое сырье и растущие цены на него делали обладание скотом весьма выгодной отраслью. Под влиянием всех этих обстоятельств начинает развиваться крупное скотоводство на капиталистической основе.

Крупное скотовладение не было новым явлением для Тувы. Идании русские торговцы, а вслед за ними китайские практиковали, как мы знаем, систему выдачи кредита под скот. Эти долги, будучи переведены на определенное количество овец или «торбаков» под влиянием постоянных отсрочек, росли, как снежный ком, и приводили в сущности к одному результату: тувинец-должник, оставаясь номинальным собственником, превращался в пастуха фактически чужого — русского или китайского — стада. Собственность на тувинское стадо переходила к русским и китайским торговцам, но самое скотоводство оставалось пока еще раздробленным, мелким. Но хотя скот фактически принадлежал купцам, должник не только был даровым пастухом, так как за пастьбу не платится ничего, но он кроме того нес полную ответственность за целостность стада в случае например падежа скота. Приплод составлял собственность хозяина. Однако эта система скотоводства имела и свои невыгодные стороны, так как хозяин стада не был свободен от злоупотреблений со стороны должников: они могли заколоть скот для пищи, ссылаясь на то, что животное околело естественной смертью; быки заезживались на работе, коровы из-за плохого ухода давали ничтожный удой и приплод; погибал скот от бескормицы и эпидемий, а взять от пастуха было уже нечего и т. д.

Под влиянием всех этих причин в Туве начинает изменяться система скотоводства, наблюдается развитие промышленного скотоводства при помощи специально нанятых пастухов за жалованье и без права пользования скотом. Предпринимательское скотоводство русских купцов развивается с каждым годом. Русские купцы превращаются в крупных скотоводов.

В. И. Булгаков, посетивший страну в 1908 г., приводит такие данные о количестве скота в факториях купцов только по р. Уюку:

<i>В факториях</i>	<i>Лошадей</i>	<i>Рогатого скота, голов</i>
Вавилина	1 500	1 500
Медведева	2 000	2 000
Ведерникова	500	5 000
Шинилина	1 500	1 500
А. И. Сафьянова . . .	4 000	8 000

Чтобы обеспечить свои крупные стада пастбищами, купцы начинают всеми способами мобилизовать в своих руках такие огромные площади земли, «услышав о которых, половина германских герцогов поседела бы от зависти. Приобретены эти бесчисленные пространства были за дешево: за водку и разного рода подарки поймам»¹.

¹ Минцлов, Секретное поручение, стр. 213.

Минцлов описывает свое посещение зампки вдовы одного из Сафьяновых в долине Уюка. Приведем маленький отрывок из его рассказа.

«А сколько у вас всего лошадей? — спросил я Сафьянову.

Она вздохнула:

«Теперь немного: одной трудно справиться... Две тысячи пятьсот голов всего...»

Вся эта орда пасется под присмотром сойотов; зимою они кочуют с ними по скатам гор, летом угоняют в тайгу; на собственных обширных землях Сафьяновой кони почти не ходят.

Вообще все грандиозные владения здешних тузов лежат втуне, так например Сафьянова из 10 000 дес. занятой ею земли распахивает только пятнадцать. Другие не запахивают ничего»¹.

Если до отпадения Тувы от Китая купцы были вынуждены прибегать к таким полулегальным средствам, как взятки и т. п., то после объявления Тувы под протекторатом России они начинают развивать бешеную энергию и безудержный грабеж тувинских земель. Без всякого зазрения совести они захватывают и огораживают тувинские пастбища и пашни, а само кочевое тувинское население они собирались отсечь в бесплодные ущелья гор или даже выдворить за хребет Танну-Ола.

«Сафьянов, Бяковы, Вавилины, Медведев, Скобеевы, — пишет Минцлов в своем донесении Переселенческому управлению, — вот имена главных из них, поделивших между собою все лучшие части Урянхай и ревниво следящих за тем, чтобы никто не нарушал державных прав их на пространства, превосходящие многие европейские княжества. Приобретены были ими эти пространства от немевших никакого права продавать их сойотам за дешево: за водку, зеленый чай, дамбу и т. п., на общую сумму, зачастую не превышавшую несколько десятков рублей... Как велики в общем размеры этих незарегистрированных урянхайских княжеств, укажу на владения далеко не крупнейшего землевладельца, самолично определившего их мне в 320 кв. верст только в хребте Танну-Ола и не считавшего других своих владений по Малому Енисею... Такого рода удельно-кулаческие княжества являются кроме того одним из главнейших тормозов для заселения и обрусения края, и вопрос о существовании их должен быть решен в первую очередь»².

Скотоводческое хозяйство русских купцов, организуемое на предпринимательских началах, начинает выделяться на общем фоне некоторыми хотя и крайне еще мизерными улучшениями. Сафьянов стремился улучшить местные породы скота, получая от государственного коннозаводства кровных жеребцов. На заимках с большим количеством скота начинает развиваться маслоделие, с этой целью у Сафьяновых, Бяковых и др. заводятся сепараторы, вырабатывается масло, которое затем вывозилось в Россию. Некоторые из купцов открывают кожевенные заводы для первичной обработки получаемых от своего скота скотских, конских

¹ Минцлов, указ. соч., стр. 66.

² Дело № 55 1914 г. по делопроизводству Переселенческого управления ЛОЦПА.

шкур. Часть из этих шкур становится после обработки годной для одежды (овчины), большая же часть поступает к вывозу в Россию в грубо дубленом виде¹. Все эти попытки рационализировать скотоводство имели вароудышевый характер и не вышли за пределы опытов в отдельных хозяйствах. Капиталистическое скотоводство делает самые первые шаги в направлении создания нового способа производства, основанного на применении нового труда и новой техники.

В итоге вылупившийся из русской торговли ростовщик, пройдя определенный этап развития, столкнувшись с более сильным конкурентом в лице китайских купцов, стал превращаться в одно из орудий, «созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал»².

В дальнейшем русская торговля находит в резко изменившихся незадолго до империалистической войны условиях новые перспективы для своего развития. Этим новым фактором была отчасти земельная колонизация, создавшая в стране новые районы, населенные русскими крестьянами, выходцами из России, и особенно ликвидация китайской торговли после разразившейся в 1911 г. в Китае революции и отделения Монголии от Китая.

Но прежде чем перейти к анализу того процесса, который привел к созданию этой новой обстановки, подведем некоторые итоги процессу проникновения в страну торгового и ростовщического капитала и влияния его на общественно-экономический строй Тувы.

Неимоверный гнет туземного феодализма, осложненного гнетом внешнего завоевания, создал в Тувe благоприятную обстановку для развития торгово-ростовщического капитала, этого, как говорит Ленин, «низшего и худшего» вида капитала. Он проник сперва из России, затем из Китая. Царская и манчжурская империи были колониальными державами, в первую очередь стремившимися к торгово-капиталистической эксплуатации малокультурных отсталых народов и стран.

В колониальной системе этих империй торгово-ростовщический капитал являлся основным орудием и передовым отрядом в деле осуществления колониальной политики.

В развитии торговли в Тувe можно различить две фазы.

Всякий торговый капитал, не изменяя способа производства, проникает в поры между хозяйствами и укрепляется там в качестве посредника при обмене одних продуктов на другие. Точно так же русский и китайский капиталы в первой фазе своего развития имели

¹ Одно такое крупное хозяйство на р. Уюне (Тарлык), принадлежавшее купцу Вавилину, имело свыше 200 дес. пахоты, свыше 200 дес. сенокоса и десятки тысяч пастбищной земли. При хозяйстве был поставленный на культурную ногу конный завод с маточным составом в 3 000 голов, маральник с 200 одомашненными маралами, ряд подсобных предприятий, как мукомольная мельница, крупорушка и т. д. Доходность этого хозяйства превышала 100 000 руб. в год. Такой высокий доход тем более вероятен, что все большее хозяйство Вавилина было основано на применении наемного труда тувинской бедноты по баснословно дешевой цене. См. Ф. Н. Щепетов, 1-я госуд. с.-х. экономия животноводческого направления (по личному исследованию вопроса), «Современная Тува», стр. 20—21.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 134.

главной своей целью обмен промышленных изделий на продукты охоты и скотоводства. Конкуренция между этими двумя национальными разновидностями капитала привела к решительной победе китайского капитала. В отношении сбыта основных продуктов массового потребления русская торговля заняла зависимое положение комиссионера. Отняв эту первую важнейшую позицию у русской торговли, китайские фирмы, пользуясь натуральной формой обмена и опутывая производителя ростовщическими операциями, стали успешно овладевать основными источниками сырья. Получение дешевого сырья является главной целью как китайской, так и русской торговли во второй фазе. Таким образом доминирующим моментом первой фазы является сбыт промышленных изделий; второй — овладение сырьем через сбыт промышленных изделий.

В развитии методов и форм торговли также наблюдается известная последовательность.

На протяжении всего периода натуральная форма обмена остается господствующей формой, но в последний период в связи с развитием товарных отношений в результате долготелней деятельности торгового капитала она постепенно уступает свое место денежным отношениям с участием ввозимых в страну русских денег и весового серебра.

Меновые отношения очень рано связываются с долговыми отношениями, вносящими в торговлю элемент ростовщичества; долговые отношения в своем развитии превращаются в кабальные отношения — купца-ростовщика и непосредственного производителя.

Мелкий производитель продолжает оставаться номинальным собственником своих средств производства, но закабаленным и низведенным до положения постоянного работника на купца без надежды когда-либо вернуть свою самостоятельность.

С другой стороны, снабжая тувинское население готовыми изделиями и забирая у производителя «на корню» добытое в своем хозяйстве сырье, торговый капитал, во-первых, разрушал то промышленно-земледельческое единство, которым характеризовалось его хозяйство, так как сырье почти полностью уходило из его хозяйства, в связи с чем должна была сократиться домашняя обработка его; во-вторых, он уничтожал возможность перевода домашней промышленности на более высокую ступень развития, хотя бы на ступень ремесла, потому что все необходимые предметы обихода доставлялись в страну торговым капиталом извне, из России и Китая.

Таким образом вовлечение массы населения в сферу товарно-денежного хозяйства сопровождается быстрым разрушением традиционных форм хозяйства без одновременного появления новых, что порождает явления аграрного перенаселения среди широких масс аратства, выбрасываемых из производственного процесса.

Не менее важные последствия связаны с оказанием ссуды феодалу. Возникающие на этой почве отношения между ростовщиками в лице главным образом китайских купцов и нойонами неизбежно отражаются на экономическом положении непосредственного производителя, так как чем более запутываются феодалы в сетях, расставленных капиталом, тем сильнее становится эксплуатация непосредственного производителя и крепче феодальный гнет. В русско-тувинской и

китайско-тувинской торговле, целью которой является выкачивание из страны сырья, пушнины и скота, феодальные элементы играют роль агентов торгово-ростовщического аппарата по эксплуатации страны.

Удовлетворение непрерывных и все растущих домогательств светских и теократических феодалов и манчжурской династии толкает население в объятия торговца и ростовщика и превращает его в постоянную жертву последних.

Закабаленное и ограбленное «отечественными» феодалами население вынуждено отдавать торговому капиталу свое сырье по ничтожно низким ценам.

Феодальные отношения, превращаясь в подчиненный элемент торгово-капиталистической колониальной системы, являются таким образом важнейшим условием для снабжения иноземной промышленности дешевым сырьем.

Такими причудливыми путями военно-феодальная клика, развившаяся в стране скотоводов и охотников, становится необходимым звеном в системе эксплуатации со стороны капиталистического окружения (Россия и др.), докапиталистические формы эксплуатации служат его социальной опорой, средневековые сохраняются в интересах иноземного империализма. Непревзойденная по своей жестокости система угнетения, под которой изнемогла страна, должна была вызвать сильнейшую деградацию производительных сил и крайнюю степень обнищания широких масс населения.

Все писавшие в стране в один голос устанавливают факты, из которых следует тот непреложный вывод, что тувинское хозяйство находится в состоянии полного упадка, а население на грани вымирания. Даже «просвещенный» и «культурный» купец Г. П. Сафьянов, под «культурными начинаниями» которого легло немало тувинских косточек, пишет в своем дневнике 1910—1912 гг.: «При таких законоположениях и обычаях, какие практикуются у урянхов, хозяйство их после открытия китайской торговли с каждым годом страшно падает, и в недалеком будущем в некоторых хошунах может ничего не остаться»¹.

Если выкинуть из этой фразы одностороннее обвинение китайской торговли, продиктованное злобой купца к своему более удачливому конкуренту, то констатирование страшного упадка и разорения страны отвечает в полной мере действительности.

Изложенная выше конкретная история появления и деятельности торгово-ростовщического капитала в Туве включает все те основные моменты, какие были сформулированы Марксом, и является одной из многочисленных иллюстраций к его замечательным выводам. «Итак, ростовщический капитал в той его форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя, однако, самого способа производства; в которой существенной его предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и

¹ Сафьянов, указ. соч., стр. 164.

потому не противостоит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит к пауперизации данного способа производства, ослабляет производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает эти злосчастные отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда... Ростовщичество не изменяет способа производства, не присасывается к нему как паразит и истощает его до полного упадка. Он высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях... Пока господствует рабство, или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего (т. е. непосредственного производителя)»¹.

---

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 133, 134.

4. Русский «военно-феодалный» империализм и его колонизаторская деятельность в Туве

«Военно-феодалный» империализм царской России. Начало русской земельной колонизации в Туве. Образование Усинского пограничного округа. Военная разведка под флагом науки. Конфликт на р. Хемчик. Проведение Усинского колесного тракта. Территориальное распределение русской торговой и земельной колонизации. Усиление активности царского правительства в «Урянхайском вопросе». Иркутское совещание. «Урянхайский вопрос» в Совете министров. Китайская революция 1911 г., отделение Монголии. Разгром китайских торговых факторий в Туве.

Россия конца XIX и начала XX века была одним из величайших колониальных государств мира. Колониальная империя русского царизма выросла путем присоединения к основному государству — завоевателю новых земель, населенных по преимуществу народами, не успевшими еще консолидироваться в целостные нации (Сталин). Площадь одной Сибири превосходила 13 млн. кв. км; население Сибири, Средней Азии и Кавказа в 1905 г. доходило до 26 млн. человек, т. е. равнялось среднему европейскому государству, вроде Италии (второй половины XIX в.)¹.

Тува в географическом отношении была изолирована от всех империалистических стран кроме России. Она являлась как бы географическим продолжением Сибири, которая сама представляла колониальное владение царской России. Но конечно одна только географическая близость не могла явиться причиной превращения Тувы в объект завоевательной политики России. Она была только одним из условий этого превращения. Для объяснения последнего необходимо обратиться к анализу реальных интересов различных социальных групп, оказывавших влияние на ход и развитие колониальной политики царской России. В свете этих интересов рельефно выступают не только движущие силы этого процесса, но и те особые формы и методы, при помощи которых происходило завоевание и эксплоатация той или иной новой территории.

Ленин, как известно, различал две стороны в процессе завоевания рынка для капитализма: развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в пределах данной страны и развитие капитализма вширь, т. е. расширение капитализма на другие территории, отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из

---

¹ М. Н. Покровский, Марксизм и особенности исторического развития, стр. 111.

старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма¹.

Капитализм во всех странах проявлял с громадной силой тенденцию к постоянному расширению сферы своего господства путем колонизации новых стран и втягивания их в обращение товаров, а с переходом капитализма в империалистическую стадию — путем втягивания этих стран и в капиталистическое производство на колониальной основе.

Царская Россия не составляла исключения из этого правила, но особенности ее социально-экономической структуры должны были сказаться и на особенностях ее колониальной политики. Структура народного хозяйства в России сложилась, с одной стороны, под влиянием очень больших темпов в развитии промышленного капитализма, особенно в 90-х годах прошлого века. С другой стороны, как известно, на общественный строй России оказывало огромное давление сохранившееся после реформы 1861 г. полукрепостное помещичье землевладение, господство 30 тысяч крепостников-землевладельцев с колоссальными земельными латифундиями (70 млн. десятины земли в Европейской России). Вся эта система крепостнической эксплуатации, туго опутывавшая экономику капиталистической России, возглавлялась полуфеодальной монархией.

В период 80-х и 90-х годов, когда промышленный капитал только начал свое бурное развитие, внешняя политика царской империи была только продолжением внутренней политики, средством разрешения внутренних экономических и политических противоречий. Колониальная политика царизма являлась средством открыть капитализму возможность развития вширь вместо развития вглубь, которое было у него отнято господством землевладения полуфеодального типа.

Внешняя политика царизма стремилась, во-первых, к созданию новых колоний, которые должны были служить преимущественно или объектами прямого грабежа или объектами торгово-ростовщической эксплуатации, расширяющей косвенным путем рынок для продуктов русской промышленности. Она стремилась, во-вторых, к колонизации захваченных областей русскими крестьянами, поскольку эта переселенческая политика не шла вразрез с интересами крепостников-помещиков в исконнорусском центре России, нуждавшихся в закреплении за ними рабочих рук голодного задавленного крестьянства. Создание новых районов крестьянского хозяйства расширяло в свою очередь сферу действия русских помещиков и торговцев и создавало для них новые жертвы эксплуатации. Однако все указанные задачи колониальной политики поглощались основной и решающей задачей, состоящей в обеспечении долговечности строя помещичьего землевладения и самодержавия. Об этой тенденции самодержавия писал Ленин еще в «Развитии капитализма в России»: «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, запятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 419, т. III, стр. 464.

крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земельно-капиталистического капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собой разумеется, что *такое* замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем».¹

Наличие на востоке огромных земельных пространств, которые расширились за счет присоединения новых областей, куда мог уйти «от тесноты» русский крестьянин и куда мог пойти следом за ним русский помещик и торговец, служило Романовской империи основным средством для временного смягчения внутренних противоречий. Царизм искал выхода из кризиса не в ликвидации крепостнических отношений, а в расширении поля торгово-капиталистической эксплуатации.

В следующем периоде, начавшемся после 1904/05 г., классовый характер России и царской монархии, равно как и их международная роль, несколько изменились в связи с переходом на новую ступень капиталистической эволюции. Своеобразие новой экономической и политической полосы в развитии Российского государства, появившейся с начала XX в., состояло в том, что русский капитализм, продолжая быть опутанным крепостническими отношениями, начал перерастать в финансовый капитализм. Русские банки и русская промышленность оказались экономически тесно связанными с иностранной финансовой олигархией и находились в непосредственной связи преимущественно с англо-французским капиталом. С этого времени Россия становится узловым пунктом всех противоречий империализма.

«Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому неизвестно, что в России всекисие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»².

Общее перерождение капитализма более передовых стран в монополистический, захватившее и царскую Россию, выдвинуло новые интересы колониальной политики, вызванные превращением царизма в сторожевого пса империализма на востоке Европы³.

Но эти новые интересы, новые движущие мотивы внешней политики, не отменяя старых, существовавших до их появления и связанных с основными противоречиями общественно-политического

¹ Ленин, Собр. соч., т. III, 3-е изд., стр. 465 (примечание).

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, 3-е изд., стр. 9.

³ Там же, стр. 40.

стройка царской России, сплелась и глубоко срослась с ними в одно целое.

В новых условиях царская Россия активно участвует в борьбе за мировую монополию между империалистическими государствами Запада, в борьбе за передел мира. После завоевания Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа внимание царской России привлекают Китай, Монголия и Тува, которые благодаря их географическому положению, было особенно «удобно» грабить, как она грабила население всех своих «окраин», и из которых Монголия и Тува к тому же не находились в центре пересечения основных империалистических интересов господствующих империалистических держав. Россия занимала по отношению к этим странам монопольное положение. Но Россия, как государство, управляемое кучкой помещиков, при господстве военщины, верхи которой были связаны кровными узами с тем же помещичьим классом, при полном бесправии низов не могла не вносить в формы и методы своей колониальной политики черт, обусловленных всем строем ее экономических и политических отношений.

В политике царской России, — писал и неоднократно подчеркивал Ленин, — нашел свое проявление не столько империалистический капитализм новейшего типа с его вывозом капитала и развитием капиталистического способа производства в колониях, сколько «военно-феодалный империализм, который в этой политике всегда преобладал¹. В ней всегда очень сильно сказывались интересы «вотчинной» верхушки, двора и приближенных царя, высшей бюрократии и интересы торгового капитала. В ней играли большую роль мотивы спасения помещичьего землевладения и помещичьей монархии от надвигающейся революции. Свое наиболее концентрированное выражение она находила в установлении во вновь приобретаемых территориях самых примитивных форм эксплуатации, преимущественно торгово-ростовщического типа; но при этом не исключались формы открытого и прямого грабежа. Необходимым спутником этой политики было национальное угнетение и бесправие завоеванного населения.

«Возможность угнетать и грабить чужие народы, — писал Ленин, — укрепляет экономический застой, ибо вместо развития экономических сил, источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «инородцев»². Такими основными чертами отличалась колониальная политика русского «военно-феодалного» империализма, нашедшая полный простор для своего проявления в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии. Именно эта политика нашла применение в самой необузданной форме в Туве.

В предыдущей главе была нарисована картина проникновения в Туву русского торгового капитала и были описаны методы и формы русской «торговли», являвшейся в сущности не торговлей, а грабежом под формой торговли. Но эксплуатация населения при помощи аппарата торгового капитала была одной стороной «военно-феодалного» империализма. Другой его стороной была колонизаторская деятельность. Переселение за Саянский хребет было про-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 198.

² Там же, стр. 199.

явлением этой широкой колонизаторской деятельности самодержавия, которая, временно ослабляя остроту противоречий общественно-экономического строя внутри России, отсрочивала момент его окончательной гибели, хотя это замедление было равносильно, как указывал Ленин, подготовке еще большего и более широкого роста капитализма в ближайшем будущем, а вместе с тем и более острого и могучего взрыва накапливаемых противоречий.

Русское правительство являлось активным участником и вдохновителем продвижения торгового капитала и колонистов за Саянский хребет в свою новую колонию, хотя по ряду причин предпочитало стоять до поры до времени за кулисами, подготавливая отсюда условия для окончательного захвата Тувы. Благодаря тесной связи, существующей между процессом земледельческой колонизации и завоевательной политикой царя, будет более удобно рассматривать их совместно как один целостный процесс.

Историю колониальной политики царской России по отношению к Туве можно подразделить на три периода: первый — от начала проникновения русского торгового капитала в Туву и первых попыток земледельческих колонизаций до конца XIX в.; второй период охватывает приблизительно одно десятилетие до момента открытого захвата Тувы и оккупации ее и третий период продолжительностью в несколько лет оканчивается Октябрьской революцией, открывающей совершенно новую страницу в истории этого края.

История заселения Тувы русскими колонистами неотделима от истории экономического развития всего Приенисейского и в частности смежного Минусинского края. Ввиду внутренней связи экономических процессов, происходивших по ту и эту сторону Саян, и положению русской земледельческой колонизации и тех последствий, к которым привела эта колонизация, необходимо предпослать краткий очерк экономики лежащего к северу от Саянского хребта района Сибирского края¹.

Обширные территории, обилие природных богатств в виде пушнины, рыбы, леса, плодородных почв и тучных пастбищ, наряду с крайней редкостью населения были ближайшими причинами того, что хозяйство русского населения обширной сибирской равнины, за редчайшими исключениями, носило хищнический примитивно-экстенсивный характер. Не было надобности регулировать добычу зверя, так как в запасе было множество неиспользованных «ухожьев»; поддерживать плодородие земли было невыгодно при изобилии плодородной целины; недостатки качества скота (мелкость, маломолочность и др.) уравнивались количеством его.

Природные богатства казались неисчерпаемыми. Главным предме-

¹ Для составления очерка по истории завоевания и колонизации Приенисейского края я пользовался преимущественно следующими работами: В. Ю. Григорьев, *Перемены в условиях эконом. жизни населения Сибири (Енис. край.)*; А. В. Адрианов, *Очерки Минусинского края*; Н. Козьмин, *Хакасы*; Ватин, *Минусинский край в XVIII в.*; Степанов, *Енисейская губ.* Головачев, *Сельское хозяйство крестьян Енисейской губ. и условия его развития*; Аргунов, *Очерки с. х. Минусинского края*.

том торговли была «мягкая рухлядь», пушнина, имевшая сбыт в европейской части России и за границей.

Хлеб продавался в немногие города, как Енисейск, Красноярск, Минусинск и т. д. Население было опутано податями и поборами. Местная власть вербовалась из подонков русского чиновничества, по сравнению с которыми щедринский «ташкентец» мог казаться ангелом во плоти. В крае водворились административный произвол и взяточничество.

Быстрое развитие золотопромышленности с 30-х годов прошлого столетия сообщило краю сильный толчок, который вывело его временно из того застойного положения, в котором он находился. Эксплоатация золотых площадей в короткий период достигла больших размеров. Растущее приисковое население предъявляет спрос на хлеб, мясо, железо и другие товары. В крае в короткий срок налаживается винокурение и кожевенное производство. Усиливается провоз через территорию края товаров из Европейской России в Восточную Сибирь. Движение ранней весной каждого года рабочих масс на прииски, а осенью обратное движение вызывает интенсивное развитие извоза, открытие постоянных дворов по так называемому Московскому тракту. Зарботки многих приисковых рабочих были достаточно высоки, часть этих средств прилиwała в сельское хозяйство. Но сельское хозяйство испытывало положительное влияние и с другой стороны. Московский тракт стал емким рынком для сбыта местных продуктов, в том числе овса и сена для нужд извоза. Тот же извозный промысел заставляет развиваться смолокурение, колесничество, изготовление саней, дужный промысел и т. п.

Под влиянием всех этих обстоятельств растет благосостояние довольно многочисленной зажиточной части местного населения. Как по распаханности пространства, так и по обеспеченности скотом и по наличию промыслов положение зажиточной верхушки с.-х. населения заметно улучшается в этот период (конец 80-х годов). Имевшие запашку крестьяне обеспечены ею (в среднем) в размере 16 дес. на хозяйство; количество всякого скота в переводе на крупный достигает 13,8 голов на одно хозяйство. Тем не менее даже и в этот период процент беспосевных хозяйств достигает 11, безлошадных — 7,6, имевших по 1—2 лош. — 17,6, не имевших крупного рогатого скота — 12. Эти данные показывают, что бок о бок с зажиточностью одних хозяйств продолжала существовать крайняя бедность других. Классовая дифференциация сибирской деревни достигает большой остроты.

Освоение края, использование его гигантских природных ресурсов продолжает оставаться на жалком уровне. Не только не получила сколько-либо заметного развития промышленность (кроме золотопромышленности), но и сельское хозяйство оставалось на чрезвычайно низком уровне. В самом деле, общая площадь культурных угодий составляла только $\frac{1}{4}$ удобных пространств. На 1 кв. версту заселенного пространства приходилось всего 5,6 чел., на 1 кв. версту всего пространства — только 1,4 чел. Для того чтобы судить о степени развития земледелия, берут такой расчет: 1 взрослый крестьянин мог приготовить под посев при тогдашней технике ежегодно 6 дес. и при помощи женского труда убрать их; принимая во внимание наличный состав с.-х. населения и проведя сравнение между дей-

ствительной запашкой и максимально возможной, получаем, что население в это время могло бы иметь посевную площадь на 40 % больше, чем оно имело в действительности. Очевидно рабочая сила населения находила более выгодное приложение в других отраслях, чем земледелие (например навоз, промысла). В то время, как посевная площадь с 1870 по 1890 г. увеличивалась на 5 % за десятилетие, прирост населения — естественный и механический, т. е. путем переселения, — составлял более чем 20 %. Следовательно уже в тот период относительного оживления, внесенного развитием золотопромышленности, земледелие фактически приостановилось в своем развитии. Больше того, изучение материалов привело местных исследователей с. х. Енисейского края к заключению, что земледелие того времени шло определенным образом к упадку. Причина замечающейся деградации сельского хозяйства была не в начавшемся истощении почвы (напротив урожайность была еще значительно выше урожайности черноземной полосы), а в отсутствии сколько-нибудь широкого рынка для хлебных продуктов и как следствие этого в очень низкой доходности с десятины пашни. Так например в Минусинском округе чистый доход с 1 дес. пашни составлял 7 руб. 40 коп., следовательно общий средний доход на хозяйство в 16 дес. определялся в 120 рублей. Кроме того цены на зерновые продукты отличались крайним непостоянством: цена овса колебалась в пределах 216 %, ржи — 350 %. Рабочая сила ценилась сравнительно высоко. Издержки производства нередко превышали таковые в Европейской России. В таких чертах рисуется положение земледелия к началу 90-х годов прошлого столетия.

Другая отрасль сельского хозяйства — скотоводство — оказалась в таком же незавидном положении. За отсутствием близких и емких рынков сбыта скот ценился очень дешево. В начале 90-х годов средняя цена коровы колебалась от 14—18 р., овца шла за 2—2 р. 50 к., местная лошадь за 20—31 руб. Поэтому, несмотря на земельный простор, скотоводство развивалось не в достаточной степени.

Скотоводство периодически страдало от чумы, заносимой обыкновенно из Монголии. В 1870 г. пало от чумы в Минусинском, Красноярском и Ачинском уездах около 30 тыс. голов, в 1871 г. — 50 тыс. голов, в 1872 г. — 40 тыс., в 1885 — 85 тыс., в 1886 — 83 тыс. голов. Кроме чумы скотоводству причиняли огромный урон и другие поваральные болезни.

Внеземледельческие промыслы, развившиеся одно время довольно значительно, также обнаружили вскоре признаки увядания. Помимо общих экономических причин здесь сказалось сокращение золотопромышленности, пришедшееся как раз на конец 80-х годов.

А так как судьба всего местного хозяйства тесно сплелась с судьбой золотопромышленности, то после кратковременного развития оно начало обнаруживать признаки упадка, в связи с чем благосостояние и с. х. населения стало заметным образом понижаться. Неурожай 1891 г. нанес сильный удар краю. В Минусинском уезде было собрано зерна меньше, чем посеяно. Неурожай и упадок благосостояния вызывали переселение старожилого населения на новые места, скот продавался за бесценок, лошади шли за 2—3 руб.

Постройка Сибирской ж. д. повлекла закрытие Московского тракта. Извозный промысел пал. Постоялые дворы прекратили свое существование. Сильно сократился местный рынок. Обусловленное проведением ж. д., развитие городов и развитие лесного промысла (дровозаготовок и др.) далеко не могло возместить населению прежних заработков.

Не столь значительным оказалось положительное влияние, вызванное установлением благодаря постройке Сибирской ж. д. связи с российским и мировым рынком. Енисейский край мог дать на вывоз золото и пушнину, но эти товары как высокотранспортабельные не могли испытать сколько-нибудь заметного влияния от дешевого ж.-д. транспорта. Более значительным могло бы оказаться влияние ж. д. на развитие сельского хозяйства.

Но продукты местного скотоводства не отличались высокими качествами: убойный вес скота был поразительно мал, коровы мало молочны, лошади мелки, овцы малокурдючны и грубошерстны. Кроме того Западная Сибирь и Забайкалье, находящиеся ближе к рынкам сбыта, были богаче скотом и притом более высокого качества. Не лучше обстояло дело и со сбытом местного хлеба. Вывоз его из края оставался очень незначительным, так как к западу от Енисейской губ., где хлеб вырабатывался более дешевой рабочей силой, хлебные цены понижались. Поэтому с хлебом этого района енисейский хлеб не мог выдерживать конкуренции. Вывоз хлеба был возможен только в восточном направлении, где цены повышались. Но вывоз хлеба на восток в Иркутскую губ. и в Забайкалье был возможен только в очень ограниченной степени.

В то же время Сибирская ж. д. усилила переселенческое движение в край крестьян из Европейской России, разоренных помещичьей эксплуатацией. По 1902 г. в Енисейскую губернию водворилось 16 382 новых хозяйства с 106 825 чел. обоого пола. Земледельческое население сильно увеличилось, между тем уже раньше земледелие не было в состоянии поглотить рабочие руки. Приливавшее в край новое население должно было увеличить как раз хлебное производство, так как промыслов оно с собой никаких не принесло, а разведение скота упиралось в небольшой размер земельных наделов.

Сельское хозяйство оказалось неприспособленным к новым экономическим условиям. Не переходя к новым занятиям, не изменяя системы хозяйства, население попало в условия жестокого аграрного кризиса.

В Минусинском крае наблюдался тот же процесс интенсивной колонизации, что и во всей Енисейской губернии. В период 1893—1899 гг. в 7 волостях Минусинского уезда образовано было 31 новых поселка, в которые водворилось около 10 000 чел., не считая того, что переселенцы массами оседали в старожильческих селениях края.

В Минусинском крае, так же как и во всей Енисейской губернии, земледелие как главная отрасль медленно, но верно подвигалось к упадку. Это видно из того, что количество производимых хлебных продуктов на душу населения систематически понижалось. Одновременно скотоводство также не увеличивалось.

С другой стороны, деградация сельского хозяйства не давала возможности развиваться и местной промышленности. Единственной «цветущей» отраслью промышленности было винокурение, которое являлось крупным потребителем местного хлеба. Возникшие же в Минусинском крае крупчаточный, стеклоделательный и свеклосахарный заводы, едва просуществовав несколько лет, закрылись. Производство, перерабатывающие домашнее сырье, как например свечное, мыловаренное, кожевенное, маслособойное, веревочное, имели почти исключительно кустарный характер.

Из создавшегося тяжелого экономического положения намечался только один выход — переселение на новые места, т. е. за Саянский хребет, в Усинский и Урянхайский края. В связи с этим происходит любопытная перегруппировка земледельческого населения. В то время как новосел водворяется преимущественно в черте заселенного пространства, не рискуя сам вступить в борьбу с горнотаяжными пространствами и со всякого рода неизвестностями, ожидающими переселенца за хребтом, наиболее предприимчивые старожилы-сибиряки бросают давно насиженные места и отправляются за хребет в «обетованную землю».

Так потомки тех первых колонизаторов, которые разбоем и грабежом вытеснили коренное население к предгорьям Саян и за самый хребет, и потомки тех русских крестьян, которые бежали из центра России на эту окраину от земельной «тесноты», продолжали свое наступательное движение за хребет, привлеченные сюда обширными пространствами нетронутой целины, надеясь найти на ней выход из нужды, созданной противоречиями тогдашнего общественно-экономического строя России.

Первый период колонизации был освещен Ф. Колом в его книге Усинский край, но, к сожалению, работа его осталась незаконченной. В вышедшей из печати части автор успел только дать историю заселения Усинского края и начало продвижения в пределы Урянхайского края. Первыми колонизаторами края были крестьяне отдаленных округов Тобольской губернии, расколытники, искатели Беловодья, т. е. такого места на земле, которое было бы непроходимыми горами и лесами ограждено от всего живого мира, в частности от властей предрежущих, и от церкви, зараженной никоновскими порядками.

Долина Уса, где нашли себе приют искатели «Беловодья», была до их прихода населена тувинскими кочевниками. С появлением первых переселенцев-староверов тувинское население стало постепенно откочевывать из этих мест, пока наконец не было совершенно вытеснено расколытниками. Небольшие кочевья их остались еще внизу по берегам р. Уса в малодоступных местностях, да в летнее время многие из них работали по найму у усинских крестьян в качестве батраков и пастухов.

По столам первых захватчиков Усинского края пошли крестьяне из ближайших округов Енисейского края (Бейского и др.), которые, найдя лучшие угодья Усинской долины захваченными предшествен-

никами, самовольно, без разрешения, переваливали за хребет, захватывали по южному склону Саян наиболее удобные места, на которых строили заимки и заводили хозяйства со скотом, посевам и т. д.

Типичным примером такого самовольного вторжения русских колонистов в пределы Тувы является образование Туранского поселка, о котором рассказывает в своей книге Ф. Кон¹.

«В начале семидесятых годов здесь поселился один Веселков, вскоре же за ним — Г. П. Сафьянов. Последний приобрел от первого выстроенную им заимку, построил другую заимку в том месте, где теперь находится Туранский поселок, и поселил на этих заимках своих работников, Кавачкина и Абейдулина. Дорога была указана. Примеру Веселкова и Сафьянова последовал Микешин... Туземцы не чинили препятствий. С одной стороны, в данной местности кочуют члены Мады-сумо, подчиненные не сойотскому амбын-нойону, а живущему очень далеко монгольскому нойону; заступиться за них некому, да к тому же они сами пришельцы и их право на занимаемую землю весьма сомнительно. Опасение возбудить вопрос о собственном праве на эту территорию заставляло мадженцев снисходительно относиться ко вторжению русских. С другой стороны, новые засельщики основывали лишь торговую факторию, ни о каком поселке не было речи. Но уже в 1885 г. Мак. Еф. Мартынов и Семен и Григорий Фунтиковы, прибывшие на эту факторию, начинают пахать землю и возобновляют «чуждую» канаву, обзаводятся хозяйством. Сознывая ясно рискованность этого шага, эти своеобразные пионеры хлебопашества заручились поддержкой и согласием местных чиновников, Болуджайджиезана и Джургадый-кунду, которых задобрили подарками на 150 рублей... Это с о у р д Е т а т не прошло незаметно... Подкупленные чиновники были разжалованы, сообщение о своеволии русских было отправлено самому цзянь-цзюню в Улясутай, а пока суд да дело, русские вновь приселялись к прежним насельщикам. В 1885 г. прибыли Бяков, Сарапулов, Петухов и тоже принялись за пашню. «Они сеяли, — рассказывают наивно старожилы, — как товарищи первых, и поэтому со стороны сойот препятствий не встречали». Тогдашние пограничные начальники, гг. Африканов и Талызин, оказывали поддержку колонистам и в выданных им паспортах отметили, что они отправляются в Китайскую империю «заниматься хлебопашеством».

В 70-х и 80-х годах долина р. Уюка была, по словам миссионера Путилова, «заветной мечтой миссионерских крестьян». Пострадавшее от захватчиков тувинское население этой долины принадлежало к сумо Мады; оно прикочевало в район Уюка и Турана приблизительно за 100 лет до русских колонизаторов. Это сумо, как нам известно, принадлежало монгольскому феодалу, жившему в пределах Монголии, и потому не было подчинено амбын-нойону. Не имея защитников, бессильное перед лицом захватчиков, оно по наивности своей искало защиту у усинского пограничного начальника, к которому обратилось с жалобой следующего содержания:

¹ Ф. Кон, Усинский край, стр. 52 — 53.

*«Великого Дайцинского Государства Заведующего
Урянхами Мады-Сумо Монгольского дарги Тумен Уль-
цзял, Цайсанов Хубиланга и Батуцэнгил, Кунду»
Самбоу и Цзанданчэсаба Великого Российского Госу-
дарства Усинскому Округному Начальнику Александровичу*

СООБЩЕНИЕ

По справке в делах оказалось, что от 6 числа, 3 лупы прошлого 20 года предместником моим Даргой Батунасуи сообщалось Вам, почтенный чиновник, что проживающие на Уюке и Туране русские произвольно возводят постройки, проводят каналы, распахивают землю, пользуются пастбищами, ходят на лыжах и ловят маралов, каковым сообщением он просил Вас прекратить подобные деяния, делаемые русскими, приказав им убрать с пастбищ скота, урянхов же, пасущих русский скот, он, дарга, наказал.

На это сообщение от Вас, почтенный чиновник, последовало уведомление лишь только о запрещении русским ловить зверя, относительно же построек, распахи пашни и пользования пастбищами ответа не получено. Ранее сего, хотя и приезжали командированные от цайнь-цзюнь чиновники и осматривали прежде возведенные постройки, распаханную землю и раскопку золота, но по этому вопросу еще не получено никакого ответа, а между тем с этого времени русские продолжают пасти свои стада в пашей местности, возводить вновь постройки и увеличили на несколько сот сажен пашни, кроме того, основали кладбище, в котором имеется 8 — 9 могил. Затем русские приезжают с Уса, а также проживающие на Уюке и Туране самопроизвольно рубят в пашей местности лес, косят сено, вытравливают скотские пастбища наших урянхов и наконец накошенное ими сено загораживают весьма некрепко, почему и происходит потравы сенов, а затем следуют жалобы и споры. Кроме того русские (следует перечисление по именам и фамилиям) в местности, называемой Габцал, самовольно на звериных тропах выкопали ямы, в которые зверь падает, и берут его, а чаще всего упавший зверь в яме издыхает с голоду, и напуганный этим зверь удаляется далее в тайгу, так что нашим урянхам звериный промысел для пропитания себя стал крайне невозможен.

Поэтому, принимая во внимание 5 и 6 ст. трактата, заключенного пашими двумя государствами, в которых говорится: «для постройки помещений, для пастбища и для кладбища место должно отводиться в достаточном размере». В договоре же, заключенном в 10-м году Тугамыл Эльбекту, а по русскому числению в 1860 г., говорится: «Китайских подданных Русское государство обязуется оставить на тех же местах, где они поселились и на которых занимались рыбным и звериным промыслом». Следовательно, постановление это должно соблюдаться одинаково.

Подведомственные Вам русские люди дошли до того, что заволодели местностью пашей Мады-сумо, что крайне не согласуется с дружбой наших двух государств, и между местным народом и чиновниками нельзя не ожидать неприятных последствий, а потому, сообщая об этом Вам, почтенный чиновник, по рассмотрении сего, покорнейше просим распорядиться о выдворении, вместе со скотом, тех русских, которые возвели новые постройки на Уюке и Туране, и затем приказать, чтобы русские самопроизвольно не рубили бы лес, не возводили более построек, не косили сено, не увеличивали пашен, не ловили посредством ям зверя, не давали бы урянхайцам пасти свой скот. О сделанном же Вашем по сему распоряжению просим дать нам ответ. Сего ради и по дружественным отношениям послано.

Правления 21 — 2 лун, 5 числа.

Так шаг за шагом русские колонисты, переходя в чужую землю, захватывают там удобные и привольные места, развивают скотоводство, расширяют посевы, рубят и сплавляют лес, захватывают места для звериного и рыбного промысла.

В течение всего этого периода царская политика по захвату Тувы проводилась с известной осторожностью. Такой образ действия был продиктован прежде всего нежеланием русского правительства возбуждать внимание Китая к фактическому, явочным порядком совершаемому проникновению русских колонистов в Туву. Неже-

лание вступать в конфликт с Китаем из-за Урянхайского края объясняется разумеется не миролюбием русского правительства, ему по-своейственному, но главным образом тем, что в период 70-х — 80-х годов прошлого столетия основной стержень его завоевательной политики проходил в другом месте. Активное выступление на Балканах, русско-турецкая война, непрерывные войны в Средней Азии — вот на что в этот период была направлена завоевательная активность царизма.

В интересах этой политики было не возбуждать между Китаем и Россией таких вопросов, которые могли бы отвлечь силы с важнейшего в этот период участка внешней политики. Кроме того те социальные элементы, которые были непосредственно заинтересованы в Урянхайском крае, по тому времени не могли играть сколько-либо заметной роли в определении царской политики и не были в силах сделать ее более активной, как бы они этого ни желали. Как известно, эти элементы состояли преимущественно из мелких торговцев, выходцев из Минусинского края; несколько крупных торговых фирм Минусинска, Иркутска и Читы, ведущих оптовую торговлю с Тувой; несколько золотопромышленников, рыбопромышленников из Усинского и Минусинского края. Русская же земледельческая колонизация была еще крайне незначительна по своим размерам.

Таким образом нежелание ввязаться в конфликт с Китаем ради захвата края, в котором были непосредственно заинтересованы мало-влиятельные элементы, является основной причиной, объясняющей некоторую осторожность царской политики в отношении Тувы.

Первым проявлением активности царизма по отношению к Урянхайскому краю было образование в 1886 г. Усинского пограничного округа во главе с его начальником, который в сношениях с Китаем и местными властями именовался окружным начальником. Функции этого пограничного начальника были разнообразны: он совмещал в одном лице торгового комиссара, окружного исправника, горного исправника, а впоследствии и крестьянского начальника. На эту должность назначались полицейские чины, обыкновенно бывшие исправники. Приводим важнейшие выдержки инструкции, определившей его функции:

«§ 1. Для заведывания пограничными делами в южной части Минусинского округа Енисейской губ. и тамошним пограничным управлением и для надзора за расположенными вблизи границы Енисейской губ. с Китаем золотыми приисками учреждено управление Усинского пограничного округа в составе начальника сего управления, помощника его и переводчика монгольского языка...»

«§ 6. Усинский пограничный начальник сносится с урянхайскими властями по следующим делам: 1) по несогласиям или ссорам русских подданных с уряйхми, возникшими из-за торговых расчетов или личных обид и оскорблений; 2) по взысканию обоюдных долгов русских и уряйхов; 3) по взаимной передаче скота и лошадей, переходящих или уворованных за границу».

Образование Усинского пограничного округа являлось вместе с тем первым результатом того давления, которое производили на правительство все более расширяющиеся группы торговцев и золотопромышленников, заинтересованных в создании у себя в тылу защитной опоры для расширения своих захватов.

Всячески поощряя и всеми правдами и неправдами покровительствуя торговле, начальник Усинского пограничного округа в отношении крестьянской колонизации первое время вынужден был вести

себя более сдержанно, опасаясь острых конфликтов с тувинским населением.

«Что касается крестьянской колонизации Урянхайских земель, вызвавшей наиболее сильные протесты туземцев, то в этом отношении в Петербурге действовали с меньшей последовательностью и в зависимости от того или иного состояния политического горизонта, то предписывали дозвращать в Усинский край целые партии русских переселенцев, то как бы закрывали глаза на неудержимое движение их за Саяны»¹.

Пограничный начальник, вынужденный решать вопросы о разрешении переселения за рубеж, отражая колебания своего высшего начальства, предоставлял вопрос о переселении собственному усмотрению переселенцев. «Не запрещаю, но и не разрешаю» — таков был смысл ответа начальника на ходатайство крестьян.

В 1890 г. пограничный начальник Талызин, посетив Туранский зааселок, рекомендовал жителям заручаться согласием местных чиновников, но в объяснениях с ними отнюдь не ссылаться на разрешение русских властей. Тогда же «урянхайские» власти предъявили требование о выселении вновь прибывших партий переселенцев. Требования эти были так настойчивы, что Талызин сделал распоряжение о безотлагательном выселении русских, и это распоряжение было одобрено Иркутским генерал-губернатором.

Говоря о двойственности в политике русско-пограничной администрации к движению русских крестьян за рубеж, Ф. Кон формулирует свои выводы следующим образом: «Пограничный начальник «не может разрешать», но начальник, как это делал Талызин, может советовать сойтись «как-нибудь частным образом с сойотами», может, как это делали гг. Африканов и Талызин, выдавать таким переселенцам заграничные билеты и для занятия хлебопашеством. При таких условиях «неразрешение» далеко не равносильно запрещению, наоборот, оно является молчаливым соглашением»².

Лучше всего смысл этой политики лавирования расшифровали сами крестьяне, которые укрывая каждого нового поселенца, прибывшего за рубеж без разрешения пограничного начальника, свое укрывательство объясняли тем, что «чем больше и прочнее в этих поселках осядет русское население, тем труднее станет переселение их отсюда»³. Сами переселенцы, явочным порядком проникшие в край, пользуясь слабостью и продажностью тувинской администрации, в свою очередь проявляли энергичную деятельность по захвату земель для распахивки, пастбищ и охотничьих угодий.

С другой стороны, поведение русской администрации в вопросах колонизации Урянхайского края становится с течением времени более определенным. Уже в 1900 г. отношение пограничного начальника о выселении «самовольно поселившихся в Урянхайской земле» отклоняется енисейским губернатором под тем предлогом, что «самовольные поселенцы уже устроились на новых местах, имеют там скотоводство и хлебопашество, а поселившиеся на Себи

¹ Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. II, стр. 540.

² Ф. Кон, указ. соч., стр. 19.

³ Там же, стр. 21 — 22.

кроме сего имеют еще и дома, то поэтому оставить всех их в пабранных ими местах жительства». Аналогичное представление пограничного начальника о «самовольно поселившихся около русских торговых завсдений в долинах рек Хемчик, Ча-куль и Шаганарыг-хем минусинских инородцах» доходило до министерства, которое оставило инородцев с их семьями в местах теперешнего их жительства, обязав их взять заграничные билеты».

К слову сказать, в последнем документе, как видим, речь идет о так называемых «минусинских инородцах», т. е. хакасах, татарах и т. д., по отношению к которым русское правительство выступает в качестве «защитника» их интересов. Эта неожиданная защита «инородцев» объясняется тем, что последние играли активную роль в колонизации края и благодаря языку и культуре были лучше приспособлены для выполнения роли пионеров колонизации, прокладывавших дорогу в край русским купцам и русским колонистам.

В том же 1900 г. иркутским генерал-губернатором получено было категорическое предписание свыше «не выдворять впредь из Саянского края поселившихся там русских крестьян».

Если мы от русских крестьян перейдем к русским золотопромышленникам, тоже захватным образом водворившихся за рубежом, мы и здесь наблюдаем проявление той же выжидательной политики русского правительства, полагавшегося, как и в вопросах земледельческой колонизации, на силу фактического захвата владений чужого государства вопреки воле этого государства и вопреки воле населения страны. Уже с конца 70-х годов купцы, особенно золотопромышленники, обращаются к властям Восточной Сибири и в министерство с жалобами на «тяжелое» свое положение и с просьбами объявить свободными для поисков и заявок золотые россыпи по рекам Уту, Уюку и Темир-Усу, впадающим справа в Енисей.

Генерал-губернатор Анучин в своем отчете за 1881 г. на имя царя пишет по поводу этих обращений: «Рассматривая ныне карты границы и приисков Минусинского края, становится очевидным, что весьма значительное число приисков, расположенных по реке Систи-хем и его притокам *безусловно находится в китайских пределах*. Изучение затем дела только по одним лишь документам и картам вполне разъяснили, с одной стороны, что речки, об объявлении коих свободными ходатайствуют золотопромышленники, лежат в китайских пределах, а, с другой стороны, что между китайскими речками находится и система реки Систи-хем, покрытая золотыми приисками, давшими уже нашим предпринимателям до 464 с половиной пудов золота». Созная, что золотопромышленники перешли законную границу, генерал-губернатор боится осложнений, «если откроется завладение нашими золотопромышленниками частью китайских земель», поэтому, заключает он, «благоразумнее не начинать подобных переговоров с китайским правительством». «А потому и имея в виду, что ныне существующий порядок не вызывает со стороны Китая никаких протестов, я склоняюсь лично к тому убеждению, что лучшим разрешением настоящего вопроса было бы предоставление существующего порядка вещей его историческому течению, т. е. неограничение полной свободы нашему мирному промышленному движению к берегам Верхнего Енисея, а быть может и далее.

к естественной нашей в тех местах границе, к хребту Танна-Олу»¹.

В 1889 г. генеральный консул в Урге Шишмарев сообщает в министерство иностранных дел, что «китайское правительство приняло решение серьезно возбудить вопрос о границе, сопредельной с нашим Минусинским округом Енисейской губ.». На границу была командирована комиссия, на которую возлагается слить акты с положением местности и определить положение русских золотых приисков, а также и построек. Китайское правительство предполагало в случае, если обнаружится, что русская золотопромышленность действительно находится в пределах Урянхай, возбудить вопрос о назначении специальных комиссаров для рассмотрения этого обстоятельства. Шишмарев заканчивает свою информацию изложением собственного мнения: «В наших интересах разрешить так или иначе окончательно пограничный при Минусинске территориальный вопрос, иначе он может приносить при всяком случае неприятности вообще и служить помехами к улучшению добрых отношений на тамошней границе». Министерство иностранных дел со своей стороны выразило свою полную солидарность со взглядами генерального консула.

Но к концу прошлого столетия в этой политике, полагающейся на естественный ход вещей, который должен отдать Туву в руки России, становится заметным некоторый перелом, предвещающий наступление новой полосы в «Урянхайском вопросе».

Для понимания этого перехода от двусмысленных заявлений к решительным действиям надо припомнить, что последнее десятилетие XIX в. было периодом перемещения центра тяжести русской внешней политики после неудач на Балканах к делам Дальнего Востока. В 1895 г. правящая клика Японии напала без предупреждения на Китай. Китайский флот был уничтожен, китайская армия разбита. Россия выступает в роли «спасительницы» Китая. Под дипломатическим нажимом России Япония вынуждена была удовлетвориться сравнительно «скромными» плодами своей победы: отторжением Кореи от Китая, присвоением Формозы и большой контрибуцией (350 млн. иен).

В 1891 г. происходит закладка Сибирской магистрали во Владивостоке. Разгром Китая делает возможным направление магистрали кратчайшим путем через Манчжурию. В 1895 г. образуется русско-китайский банк, получающий концессию железных дорог в Манчжурии, которые должны связать Сибирскую магистраль с сетью строившихся китайских железных дорог. Об этом «Русско-китайском банке» М. Н. Покровский пишет, что он «являлся просто ширмой, за которой действует русское министерство финансов, субсидируемое парижскими банками»².

Наконец в 1900 г. русские войска под предлогом «усмирения» и подавления боксерского восстания прошли «огнем и мечом» по Манчжурии, и после систематического грабежа ряда мирных городов и потопления в Амуре нескольких тысяч мирных китайцев

¹ На приведенном отчете иркутского генерал-губернатора красуются подписи о согласии с изложенной в ней политикой ряда министров Александра III: министра внутренних дел, иностранных дел и др.

² М. Н. Покровский, *Дипломатия и войны царской России в XIX в.*, стр. 363.

Россия оккупирует северную Манчжурию и фактически превращает ее в русскую провинцию.

Таков был тот общий ход событий на Дальнем Востоке, на фоне которого изменяется коренным образом царская политика в «Урянхайском вопросе».

Отмеченный поворот нашел свое немедленное отражение и в разработке новых стратегических планов. Урянхайский край рассматривается в этих планах как удобный стратегический пункт для постоянного воздействия на Китай. Штаб Иркутского военного округа в записке на имя начальника главного штаба делает в 1895 г. следующее предложение: «В случае вооруженного столкновения России с Китаем на остающиеся свободными в пределах Иркутского военного округа войска предполагается главным штабом возложить занятие городов Кобдо и Улясутая, лежащих в Западной Монголии. Овладение вышепоименованными пунктами не только облегчит наши военные действия со стороны Западной Сибири и Забайкальской области, но и обеспечит вместе с тем нашу границу от нападения шаек инородцев, подвластных Китаю». Лучшими и наиболее выгодными путями для наступления войск признавались дороги: 1) на озеро Косогол, 2) через Минусинск, через хребет, через заимку Сафьянова на Уланком, причем штаб округа отдавал предпочтение второму пути.

Разработка этого плана совпадает по времени с моментом военного разгрома Китая Японией. Таким образом Россия, выступавшая, как указывалось, «спасительницей» Китая от посягательств Японии, одновременно разрабатывала план нападения на Китай с тыла. Это были две стороны одной определенной политики, которую империалистическая Россия неуклонно проводила на Дальнем Востоке: стремясь к максимальным территориальным захватам в Китае, не позволять по возможности укрепляться в нем другим империалистическим государствам.

Впрочем от приведенного выше стратегического плана пришлось спустя некоторое время отказаться. Во-первых, потому, что изменившаяся политическая обстановка делала его в тот момент излишним, во-вторых, оказалось, что разработка дороги от села Григорьевки до Усинского на протяжении 150 верст для колесного сообщения потребует около двух лет ¹.

Но самая мысль об устройстве колесного пути не была оставлена. Она воскресла вновь в 1904 г. и на этот раз в связи с конкретным планом захвата Урянхайского края. Этот план связан с появлением на сцене некоего офицера генерального штаба Попова, побывавшего несколько раз в Монголии и в Туве с военно-шпионскими заданиями под видом «научных» экспедиций. В своих записках и донесениях, а также в своих «ученых трудах» этот доморощенный русский Лоуренс ² неустанно обосновывал необходимость скорейшего захвата Урянхия.

Так вот этот самый штабс-капитан Попов после окончания экспедиции в пределы Монголии и Тувы подал секретную записку об

¹ Из отношения штаба Иркутского военного округа от 1 февраля 1895 г.

² Лоуренс — известный авантюрист, агент английской контрразведки.

устройстве подъездного колесного пути к Сибирской ж. д. на Монголию по направлению Улясутай-Красноярск. Главный штаб, к которому была направлена записка Попова, в своем заключении (13 августа 1904 г.) высказался за устройство этого пути, выдвинув такие соображения: «проектируемый путь облегчит упрочение нашего влияния в Урянхайской земле, облегчит отторжение ее в случае столкновения с Китаем, поможет движению в Монголию небольших наших отрядов, имеющих связать более крупные операции со сторонами Туркестана и Забайкалья».

Но момент для осуществления этих планов, намеченных в названной записке, был неблагоприятен. Это был 1904 год, год когда Япония громил царские войска на полях Манчжурии. В этой обстановке русское правительство более всего опасалось возбудить к себе враждебное отношение со стороны Пекина и вызвать его своими неосторожными действиями на нарушение нейтралитета. В этот момент даже и более скромные мероприятия не могли получить своего осуществления вследствие ожидаемого от них неблагоприятного резонанса. Это можно проиллюстрировать на вопросе об учреждении должности пограничного комиссара.

Вопрос этот возбудил командующий Сибирским военным округом в связи с происходящей русско-японской войной. «Не могу не отметить, — писал он, — что кроме пограничного начальника, простого полицейского чиновника, желательно бы иметь для урегулирования сложных взаимных отношений в этой области пограничного комиссара, хотя бы на время войны». Учреждение должности комиссара было вызвано «стремлением организовать тщательное наблюдение за населением Монголии и Урянхайского края, которые на участке от бассейна р. Томь до меридиана Кххта-Мысовая сравнительно близко подходят к линии Сибирской ж. д., единственной коммуникационной линии». В отношении военного министерства к министру иностранных дел между прочим находим следующее указание: «Принимая во внимание, что на Урянхайской земле расположены русские села, что в этой земле быстро развивается русская колонизация и торговля, что все эти предприятия ведутся без всяких со стороны русского населения юридических прав (курсив подлинника), а на простом взаимном доверии между урянтами и русскими»¹.

Но этому мероприятию не суждено было, как я уже сказал, осуществиться в то время. Посланник русского правительства в Пекине Лессар в секретной телеграмме указал на возможные последствия, какие будет иметь назначение пограничного комиссара, принимая во внимание «предложенные мне в руководстве указания о необходимости всеми силами заботиться о соблюдении в настоящее время пекинским правительством нейтралитета». Это соображение имело решающую силу. Министр иностранных дел и военный министр, соглашаясь с соображениями Лессара, нашли более целесообразным отложить на некоторое время приведение в исполнение этого предположения². Так же как устройство Усинского тракта, идея о назначении пограничного комиссара снова была выдвинута и получила

¹ Папка Главного штаба, Азиатск. отд., 5 отделение, № 13, сводка 115.

² Там же.

осуществление значительно позднее в другой военно-политической обстановке, незадолго до мировой империалистической войны.

После неудачной войны с Японией и эвакуации в 1906 г. русскими войсками Маньчжурии отношение Китая к России резко ухудшилось. Новое в отношениях к России нашло свое отражение в самой Туве. Несколько фактов, происшедших в период 1906—1910 гг., показали, что поддерживаемые Китаем «урянкайские» власти начинают оказывать сопротивление России, правительство которой впрочем в свою очередь начинает действовать в «урянкайском вопросе» более решительно, чем прежде.

В 1906 г. состоялась в Минусинске компания русских предпринимателей для эксплуатации имеющихся по Хемчику богатых залежей асбеста (месторождение Ак-Товурак). Компания снарядила летом 1906 г. экспедицию в Туву, во главе которой стал минусинский окружной горный инженер и усинский пограничный начальник. Экспедиция направилась прямо к месту залежей, не посетив сначала нойона Хайдупа. Хайдуп не принял присланных ему подарков и заявил о своем несогласии на разработку асбеста. Собравшаяся на месте залежей толпа решительно воспрепятствовала экспедиции не только поставить знаки, но и осмотреть месторождение. Под угрозой применения силы, русская экспедиция была вытеснена из долины Хемчик и без успеха вернулась домой¹. После этого последовали стеснения русских колонистов в свободной рубке леса, пастьбе скота, запашке земель возле торговых заведений, в свободе расселения.

В конце 1908 г. Хайдуп, под давлением Улясутайского цзянь-цзюня, совпадавшим с его собственным стремлением положить предел усиливающейся колонизации русских внутри Тувы, предложил через своих чиновников русским жителям Хемчикской долины удалиться из страны, сделав исключение лишь для четырех русских фирм: Бякова, Валиева, Медведева и Вавилина, а тувинцам предложил в три дня сдать русским их скот, находившийся у тувинского населения на пастьбе. Кроме того Хайдуп выставил несколько сторожевых пикетов на границе между Тувой и Усинским краем. Оскорбленные такой «дерзостью» русские торгаша с Хемчика обратились с жалобой к своему представительству. По распоряжению последнего 25 декабря того же года был отправлен в Усинский край на границу небезызвестный нам полковник генерального штаба В. Л. Попов с охотничьей командой из казаков и ротой солдат, всего 125 человек, которые прошли зимней дорогой по замерзшему Енисею в с. Усть-Усинское, «храбро» взяли приступом первый тувинский пикет, захватили в плен караульщика и двух лошадей, сожгли здание «грозного» пикета (две войлочные юрты), но дальше пойти побоялись, и отступив немного назад, стали ожидать дальнейших распоряжений².

Между тем по требованию выселяемых Хайдуп взыскал с тувинского населения и уплатил русским все их долги, даже те, которые считались безнадежными. Дело кончилось тем, что над Хайдупом было снаряжено следствие из Улясутая, так как цзянь-цзюнь, после

¹ Родвич, Очерки Урянхайского края, стр. 34.

² И. Сафьянов, Этюды о Сойотии, газ. «Сибирь» № 207, 1913 г.

того как пробный шар не удался, притворился возмущенным самовольным поступком Хайдуна. Русским торговцам были не только возвращены их права, но и значительно расширены. Единственной пострадавшей стороной оказалось тувинское население, хозяйство которого понесло новый и значительный урон благодаря сбору старых долгов, поборам со стороны наехавших из Улясутая следователей, уплате штрафа за провинность Хайдуна, наконец сборам значительной суммы, которую должен был уплатить в Улясутае за свое назначение новый нойон Баян-Бадорху после внезапной смерти Хайдуна (в следующем 1909 г.)¹.

В середине первого десятилетия XX в. разбросанные по стране поселки и заимки русских колонистов вместе с факториями русских торговцев и приисками золотопромышленников являлись настоящими форпостами русского царизма, опорными пунктами его завоевательной политики. Для этого периода представление о территориальном распространении русской колонизации (торговой, земледельческой и золотопромышленной) может быть дано на основании материалов специального обследования, произведенного инженером Родевичем².

Пути размещения русского населения в крае, который отличался бездорожьем, где земледелие было возможно только при помощи искусственного орошения, должны были более или менее соответствовать направлению водных артерий: Бий-хема, Ха-хема, Улу-хема, Хемчика. Поэтому будет удобнее, как это делает Родевич, наш обзор размещения русского населения приурочить к названным основным бассейнам Тувы.

По р. Бий-хем.

Уже в верховьях Бий-хема выше впадения р. Хамсыра велась промывка золота на двух русских приисках. Преобладающей здесь формой расселения была заимочная: заимки Сафьянова, Могагальского, Скобеева и других были одновременно торговыми пунктами, где велась скупка мехов у охотников Тожинского хошуна.

Ниже Хамсыры по Систи-хему велась промывка золота на 5 приисках, торговля с коренным населением в факториях Сафьянова и Скобеева, рыбная ловля. Здесь встречаются первые опыты посева хлеба, огородов и разведения скота. Ниже Систи-хема до впадения р. Уюка встречаются первые поселки (Карагаш, Отрываковка); первая деревня Себи. Так как основным занятием русского населения этого среднего течения Бий-хема является торговля, то и здесь продолжает преобладать заимочная система. Заимки Скобеева, Сафьянова, Садовского и других представляли хорошо обстроенные усадьбы, служившие пунктами для скупки пушнины и продажи русских товаров. При усадьбах содержалось немало скота и лошадей, производились опыты хлебных запасок. В то же время они служили для колонистов опорными пунктами для продвижения вверх по Бий-хему и Хамсыре в поисках за удобными ме-

¹ Родевич, указ. соч., стр. 38.

² См. приложение к книге «Очерки Урянхайского края».

стами для поселения с целью торговли, для рыбной ловли, для добычи золота.

Но главное ядро русского населения сложилось в плодородной долине рр. Уюка и Турана, куда в первую очередь, как мы видели, направлялась русская колонизация. Наиболее значительные пункты в этом районе были деревни Туран (75 дворов, 437 жителей), Уюк (53 двора, 300 жителей) и т. д. Главное занятие здешнего русского населения было земледелие. В среднем на двор обрабатывалось по 17 десятин. Жители держали много скота, который пасся свободно в степи, для зимнего подкармливания его косился сено по 4—5 десятин на каждый двор. Многие занимались охотой на коз, белок, соболей, велась артелями рыбная ловля. Заимков было всего 29, из них наибольшая принадлежала А. Сафьянову. Во владении Сафьянова находилось до 4 000 лошадей и около 3 000 голов рогатого скота, а также большое количество мелкого скота; табуны и гурты его ходили по степям, верст на 50 вдоль реки. Вокруг усадьбы раскинулись значительные запашки и сенокосы. По притокам и долинам Турана и Уюка раскинулись русские заимки и торговые фактории многих усинских и минусинских купцов, занимавшихся главным образом скотоводством. Из них у Вавилиных, Медведевых, Шепелина число лошадей и скота считалось в тысячах голов (1 500—3 000). Всего же в Турано-усинской степи имелось до двух десятков тысяч голов русского скота и лошадей. Стада эти находились преимущественно под надзором наемных тувинских пастухов.

При устье р. Тапсы находилась резиденция старейшего русского колонизатора, Григория Сафьянова. Тут помещалась его большая усадьба с огородами, бахчами и пашнями, лавка русских товаров и склады скупаемых у тувинцев продуктов. Обширная степь вокруг усадьбы и отдельные луга служили для выпаса огромного стада и табунов лошадей. Вверх по Тапсе был расположен золотой прииск Сафьянова, на котором работало до 110 человек.

По р. Ха-хем.

По Ха-хему русские поселки расположились на обоих берегах реки. В 12 верстах от устья имела большая усадьба «дворянина, помещика» Черневича, владевшего конским заводом и скотом, в его хозяйстве употреблялись с.-х. машины. Выше находились торговые заимки Вавилина, Ведерникова, Шепелина, при них содержались и гурты скота.

Повыше их появлялись первые русские деревни в этом бассейне, одна на левом берегу, другая на правом берегу Ха-хема. Все русские поселки в долине Ха-хем образовались лишь с XX столетия, и в описываемый период (первое десятилетие XX в.) эта долина стояла на очереди колонизации.

По р. Улу-хем.

По Улу-хему расположились несколько русских поселков, отдельные фактории и заимки. В наибольшем в то время поселке Чакуль было до 50 душ русского населения. Это был чисто торговый поселок, ведущий торговлю скотом, рогами маралов и русскими товарами (с тувинцами). Здесь же находился центр китайской торгов-

ли. Поселок Шагонарыг в то время имел всего несколько домов с незначительным русским поселением. Третий поселок Булук находился в пункте пересечения Улу-хема дорогой, идущей из Усинского края и уходящей далее тремя ветвями: на Ча-куль, Ха-хем и в Монголию на Улисутай. Всего русских в Булуке было человек до 30, поселок владел большими стадами скота и лошадей.

По р. Серлих, правому притоку Или-хема, впадающему справа в Улу-хем, были расположены 4 прииска золотопромышленников Чиркова и Денисова.

По р. Хемчик.

На Хемчике находилось 22 русских мелких поселка и до 200 человек русского населения. Самые верхние заимки в устье Барлыга представляли передовые пункты меховой торговли с тувинцами; они располагались на границах тайги и гор, где происходит звериный промысел. Затем следуют значительные заимки Г. Сафьянова и других, служивших торговыми заведениями с лавками, складами. На Чадане русских поселений не было, но в восьми верстах ниже устья Чадана расположилось старейшее и наиболее значительное русское торговое заведение Бякова. Фактория Бякова служила как бы центром русского населения на Хемчике. Бяков широко торговал скотом, продуктами скотоводства и русскими товарами. На Хемчике русские вследствие противодействия тувинских властей почти не занимались земледелием. Но большое количество сенокосов этого хошуна принадлежало или арендовалось русскими, которым сено нужно было для зимнего подкармливания своего скота.

Всего таким образом в конце первого десятилетия XX в. в Туве насчитывалось 115 населенных мест с русским пришлым населением, из них 4 деревни, 11 поселков, 14 приисков и 86 заимков. В поселках-деревнях было до 3 000 человек обоего пола. Из огромной площади захваченной земли распахивалось всего около 3 000 десятин, остальная часть служила местом для пастбы десятков тысяч голов крупного и мелкого скота, не считая того многочисленного стада, которое насчитывалось за должниками.

Будучи в своем огромном большинстве захватчиками чужой собственности и на этой почве связанные общим интересом в отношении к коренному населению, выходцы из России однако не представляли внутри себя чего-то цельного и монолитного. Напротив, они были разнородными и по своему национальному составу (здесь были русские, хакасы, татары, латыши, поляки) и — что особенно важно — по своему социальному составу. Главное ядро в этот период составляли старые куческие семьи родом из Минусинского края (Сафьяновы, Бяковы и др.), затем казахи выходцы из Абаканской и Тубинской степи (Скабесвы, Тарховы и др.) и наконец переселенцы из крестьян подтаежных деревень, с северного подмоя Саян¹.

Социальная разнородность русского населения проявлялась в форме непрекращающейся борьбы отдельных групп между собой. Если оставить в стороне всякие временные и случайные при-

¹ Родевич, Очерки, стр. 56.

чны, эта борьба велась в основном по двум линиям: во-первых, между крупными купцами, захватившими лучшие куски земли, и новыми поселенцами — крестьянами, которые с возжеланием глядели на первых; во-вторых, между новыми поселенцами и старожилами, отношения между которыми в основном являлись отношениями между беднотой и кулаками, успевшими разбогатеть благодаря давнему переселению и ставших эксплуататорами не только тувинского населения, но и своих русских бедняков и батраков. Борьба эта порой достигала такой остроты, что приходилось обращаться для разбора конфликтов к усинским властям, которые то и дело выезжали в Туву для суда¹. В последующие годы в связи с усилившимся движением новоселов взаимные отношения между названными социальными группами еще более обострились, но об этом речь будет идти ниже.

Период первого десятилетия XX в. является поворотным в царской внешней политике. По ряду причин, на которых в этой работе невозможно остановиться, но среди которых важнейшую роль играла революция 1905 г. и подавление ее при помощи золота франко-английской биржи, Россия становится составной частью союза держав под гегемонией Англии и Франции, союза, подготавливавшего в глубочайшей тайне империалистическую войну 1914 г.

Международная политическая обстановка, в которой шла подготовка к этой войне, была тем основным фоном, с которым находятся в прямой или косвенной связи события на таком отдельном и маленьком участке внешнеполитического фронта, каким был и продолжал оставаться так называемый «Урянхайский вопрос». Основные узлы империалистических противоречий переместились на Запад. Но русский империализм был кровно заинтересован в том, чтобы застраховать свой восточный тыл, закрепив оставленные ему после войны с японцами позиции на Дальнем Востоке. Россия имела все основания опасаться дальнейшего наступления на эти позиции со стороны Японии. С другой стороны, положению России, занятому ею в Северной Манчжурии, угрожал Китай.

Стремление обеспечить свой тыл для того, чтобы развязать себе руки на Западе, нашло определенную формулировку в одном из всеподданнейших докладов министра иностранных дел Сазонова: «Эта политика (т. е. политика Китая. — Р. К.) уже приводила императорское правительство к мысли о желательности силою оружия и отторжением некоторых китайских областей упрочить настолько наше положение на Дальнем Востоке, чтобы не рисковать осложнениями в этих областях в такое время, когда наши силы должны быть сосредоточены в других сферах нашей внешнеполитической деятельности»² (курсив мой. — Р. К.). Нетрудно догадаться, что под «другими сферами нашей внешнеполитической деятельности» Сазонов

¹ Любопытно отметить, что одна из деревень по Ха-хему — Малоеписейская — получила нелестное название Шершеневки: жители в ней жили точно осы (шершни), ссорились из-за земли и воды, доходили до драк.

² Всепод. доклад Сазонова 10(23) января 1911 г., «Красный архив», XVIII, стр. 89.

в 1911 г. имел в виду активную политику в союзе с Англией и Францией против германо-австрийского блока держав и в частности против Турции. Весь период после революции 1905 г. был заполнен интенсивной подготовкой к войне. Но как раз интересы этой подготовки требовали укрепления дальневосточных позиций, достигнутого «силою оружия и отторжением некоторых китайских областей». Что среди этих областей кроме, конечно Манчжурии, имелся в виду «Урянхайский край», это открыто признавали представители русского правительства.

В докладе по Главному управлению генерального штаба (от 21 сентября 1910 г.) мы читаем: «После эвакуации 1906 г. русскими войсками Манчжурии отношения китайцев к нам резко ухудшились; за последние три года зарегистрирована масса случаев, когда русские интересы вопреки договорам и трактатам ими не признавались или даже нарушались... При такой обстановке естественно возникает вопрос, где, в каком виде и в какой мере могло бы быть именно это воздействие (на Китай)?»¹.

Собственно говоря, ответ на этот вопрос был подсказан за несколько лет до того в записке инженера Родевича, производившего исследование Верхнего Енисея в 1907 г. В своем докладе, поступившем затем на обсуждение Совета министров, Родевич писал: «Урянхай есть действительно точка наименьшего сопротивления русско-китайской периферии; и за этой слабой точкой лежит целая богатая провинция... В случае, если Китай начнет оказывать давление на нашу Амурскую окрестность, Урянхайский край есть та область, где ответная русская реакция может иметь наибольший успех с наименьшей затратой сил... Поэтому проложение хорошей, благоустроенной дороги из Минусинска через Ус в Урянхай и сосредоточение в Минусинске некоторой военной силы могут оказаться хорошим регулятором русско-китайских отношений, и в случае надобности оккупация Урянхая может произойти очень быстро».

После этого не новым покажется ответ, который дает автор цитированного выше доклада на поставленный им вопрос: «другими районами (после Манчжурии), где можно надавить на Китай, является Урянхайская земля». Перечисляя уже известные нам разнообразные «русские интересы» в этом крае, автор заканчивает следующими словами: «Таким образом русская граница было бы весьма чувствительно для китайского самолюбия; вместе с тем, *что самое главное* (курсив мой.— Р. К.), это занятие совершенно обеспечивало бы перечисленные выше разнообразные русские интересы». Каждому конечно ясно, что суть дела заключалась не в том, чтобы воздействовать на «китайское самолюбие», а в «защите русских интересов», которые реально сводились к укреплению созданного десятилетиями режима колоннальной эксклюзии.

Русским правительством, как мы знаем, давно уже проведение Усинской колесной дороги признавалось важнейшим подготовительным мероприятием для окончательного захвата Тувы. Усинский тракт через Саянский хребет должен был соединить Минусинский

¹ Дело 177-044 фонд ГУГШ. Доклад по Главному управлению ген. штаба.

район с Тувой и тем самым значительно облегчить сообщение с этой страной, ускорить передвижение товаров и военных отрядов. Законом 19. VI. 1909 г. предreshается сооружение за счет казны колесной дороги от д. Григорьевки Минусинского уезда до с. Усинского, причем на сооружение головного участка дороги от д. Григорьевки, протяжением 30 верст, и на производство изысканий остальной ее части до с. Усинского было отпущено 200 тыс. рублей. С другой стороны, по смете Управления водных путей и шоссейных дорог на 1911 г. было ассигновано 70 тыс. рублей на работы по улучшению судоходных условий Верхнего Енисея посредством устройства обходного пути вокруг Большого порога и расчистки опасных камней в Джойском пороге. А по смете на 1912 г. испрашивалось на ту же надобность 58 тыс. рублей.

Усинская дорога, проложенная через Саянский хребст. Она начала строиться царским правительством и служила его целям захвата и унеженения Тувы.

Наряду с техническими работами по улучшению ведущих в «Урянхайский край» сообщений принимаются политические и административные мероприятия с целью подготовить условия для присоединения Урянхия к России.

Упомянутый мною инженер Родевич, командированный в 1907 г. министерством путей сообщения для производства изысканий в верховьях р. Енисея, собрал сведения о русской колонизации в крае, которые он и предоставил правительству. По повелению царя, которому был представлен доклад Родевича, данные о русской колонизации были переданы на обсуждение Совета министров. Предложения Родевича «о мерах поддержки русского населения в Урянхiae» специально рассматривались 16 июня 1909 г. в заседании Совета министров, в результате чего в 1910 г. была снаряжена в «Урянхай» специальная экспедиция во главе с уже известным нам полковником Поповым для «подробного обследования Урянхайского вопроса на месте».

В то же время возник вопрос о преобразовании и усилении русской пограничной власти для того, чтобы она «могла служить опорой для

отваживающихся направиться в Урлихай переселенцев и всегда была бы готова поддержать их в минуту опасности». С этой целью Иркутским генерал-губернатором Князевым было образовано 28 февраля 1911 г. в Иркутске совещание для выяснения мероприятий, которые могли бы укрепить русское влияние в Урлихайском крае. На этом совещании, рельефно выявившем наиболее агрессивное течение среди русской бюрократии в «Урлихайском вопросе», необходимо остановиться несколько подробнее.

Совещание состоялось под председательством иркутского генерал-губернатора Князева при участии командующего войсками Иркутского военного округа ген. Брилевича, начальника штаба округа ген. Сулькевича, полковника Попова, усинского пограничного начальника Чакирова и проч. «Гвоздем» совещания был вопрос о русской колонизации и о тех условиях, в которых она совершается¹.

«Существующее русское население в Урлихайской земле, — читаем мы в протоколе совещания, — распространяется вольным переселением при особых исключительных бытовых условиях, а именно: выбрав удобное место для переселения и испросив разрешение пограничного начальника, переселенец входит в сделку с кочевниками-урлихами об уступке земли под постройку, покосы и пашни. Создается зависимость русского переселенца от кочевника-урлиха, ближе подходящая иногда как будто бы к арендному праву, а иногда и прямо к захватному праву. Естественно, что с постепенным увеличением заселения, кочевники-урлихи смотрят все более и более недоброжелательно на стесняющих их белых гостей, и осложнения между кочевниками и русскими на аграрной почве очень легко могут вспыхнуть и развиться в очень серьезные события; потребуются вмешательство государственной власти. С другой стороны, первые русские пионеры, захватившие площади, равные иногда нескольким квадратным верстам, на том же подаренном, полузахватном праве, тоже очень недружелюбно смотрят на увеличивающийся приток русских людей, начинающих стеснить и их приволье; при этом вперед можно сказать, что добровольно эти сильные отдельные хозяйства-кушны не отдадут аршина занятой ими земли новоселам, и в этом случае потребуются, и очень скоро, вмешательство государственной власти. Какая же власть может взять в свои руки урегулирование уже возникающего аграрного вопроса: китайская или русская?»

Высказывается предположение о предстоящих землеустроительных работах. Вопрос совершенно своевременный и крайне необходимый. Но нельзя предвидеть, как отнесутся к этим работам (к измерению и съемке земли) урлихи, так еще недавно (в 1909 г.) подбившие шум из-за столба, поставленного на берегу р. Енисея нашим геодезистом.

Русское население, проживающее на спорной территории, временно организовано в общества, управляемые по законам российским, и подчиняется усинскому пограничному начальнику, а урлихи-кочевники, составляя общины по типу монгольских хошунов, управляются по законам Китайской империи. Проживая рядом, при постоянно сталкивающихся мелких ежедневных интересах, становится в совершенно ненормальные отношения каких-то постоянных дипломатических сношении — крестьянина с кочевником.

В настоящее время началось и растет заселение Урлихайской земли китайцами. Пока это явление незначительно сравнительно с русскими, но по возрастающему ходу своему обещает серьезные осложнения для нашей колонизации края и наших общеполитических задач в нем.

В таком положении в общих чертах рисуется совещанием современное положение дел в Урлихайской земле. Невольно напрашивается вопрос: что же дальше делать?»

Русская колонизация, как нам известно, всегда поощрялась царским правительством, в особенности же после революции 1905 г. и

¹ Протокол совещания под председательством иркутского генерал-губернатора Князева 28 февраля 1911 г. в Иркутске. Военно-исторический архив № 180 — 387.

принявшего в период первой революции гигантские размеры аграрного движения. Но оказывается, что колонизация, которая должна была «рассосать» революционный «нарыв» внутри России, создала на новом месте и в новых условиях новый «аграрный вопрос». Призрак «аграрного вопроса» преследовал русскую бюрократию по пятам. Колонизация русских крестьян представляла порочный круг: она создавала в районах переселения новые противоречия, мало смягчала старые противоречия в районах выселения.

Впрочем для смягчения противоречия между первыми захватчиками земли — купцами и новоселами — крестьянами существовало одно испытанное средство: захват земель коренного населения.

Этот способ разрешения «аграрного вопроса» в колониях царской России был хорошо известен русской бюрократии. Она его неоднократно претворяла в жизнь в аналогичных условиях.

По соседству с Тувой в пределах управления иркутского генерал-губернатора его пришлось испытать бурятам. Их исконные территории, составлявшие собственность соответствующих родов и племен, росчерком пера были объявлены «оброчными» статьями, подлежащими сокращению по усмотрению властей. Меса были превращены в «кабинетские дачи» (т. е. в собственность царя); пастбища, покосные и пахотные земли были подвергнуты межеванию, которое имело единственной целью выделить из бурятских земель обширные земельные площади для русских переселенцев. В результате произведенной экспроприации площадь землепользования иркутских бурят была уменьшена на 53,3%. Буряты Балаганского уезда, более других занимавшиеся земледелием, потеряли 62,4% своих земель. Уменьшение площади пастбищ и сенокосов повлекло за собою сильное сокращение скотоводства. Для того же, чтобы прокормить оставшийся скот, буряты были вынуждены свыше 25% сена снимать на арендованных у переселенцев и казны землях, только что принадлежавших им. Не подлежит никакому сомнению, что в кругах русской бюрократии, заведывавшей «урялхайскими делами», существовало вполне определенное мнение о путях решения «аграрного вопроса», возникшего среди русского населения в Туве. Это был путь Бурятии, Киргизии, Казахстана и других с тем отличием, что в Туве старожилы-купцы уже успели захватить в свои руки огромные латифундии и речь шла о том, чтобы закрепить их собственность путем передачи переселенцам новой земли, отнятой у коренного населения.

Но это был шаг, чреватый опасностями, так как участникам Иркутского совещания было ясно, что кочевники-урялхы смотрят все более и более недоброжелательно на стесняющих их незваных гостей и осложнения между кочевниками и русскими на аграрной почве очень легко могут вспыхнуть и развиться в очень серьезные события. Русское правительство не остановилось бы конечно перед такой опасностью, но своеобразие положения заключалось в том, что если Бурятия, Киргизия и другие окраины, когда они подверглись ограблению, *уже* составляли часть империи, Урянхай же еще не был присоединен к России, еще формально принадлежал Китаю. В этом состояла особенность «аграрного вопроса» в Туве.

Урянхайский край еще надо было захватить и объявить владением России для того, чтобы царское правительство могло сво-

бодно осуществлять свою политику экспроприации коренного населения. Необходимость возможно более скорого решения «аграрного вопроса» становится таким образом фактором, ускоряющим развитие внешних политических событий.

Вопрос, поставленный Иркутским совещанием: что же дальше делать? носил, собственно говоря, риторический характер. Ответ на него был ясен с самого начала всем участникам совещания. Могли существовать разногласия только по вопросу о сроках захвата Урянхайского края: немедленно или по международным соображениям спустя некоторое время, и о формах захвата: занять его военной силой или подготовить захват постепенно, путем проведения соответствующих мероприятий. Как мыслило себе совещание эти пути?

«Наш посланник по поводу урянхайского вопроса в одном из своих сообщений высказался за необходимость разрешить его в нашу пользу как, по политическим, так и по экономическим причинам, причем такое закрепление по мнению посланника, могло быть произведено или открытым занятием края или постепенным его укреплением.

Открытое занятие края может вызвать дипломатические переговоры, — насколько признано будет удобным — в настоящее время совещание судить не может. Что же касается постепенного укрепления своего положения, то в качестве меры такового можно бы высказаться за следующие соображения:

1) Так как по наблюдению экспедиции полковника Попова китайская государственная граница (по южному склону Таниу-Ола) строго разграничивает земли урянхов от Монголии, то можно прийти к предположению, что суть решения спорного вопроса заключается в том, кому принадлежит урянхи. Судя по архивным документам, есть основание полагать, что и по Буринскому договору они принадлежат России, по мы должны считаться с тем, что урянхи платят Китаю подати и управляются Китаем уже около 150 лет. Главный начальник урянхайского народа заявил полковнику Попову, что они платят Китаю *добровольно* и будто бы имели бы право отказаться. Было бы очень важным фактом в нашу пользу, если бы урянхи сами добровольно отказались платить подати Китаю, оставаясь на первое время перед китайским правительством вне чего-либо подданства. На эту меру конечно урянхи пойдут с известной готовностью, как обеспечивающую развитие их благосостояния, но необходимо будет поддерживать амбиций наших небольших отрядом, чтобы обеспечить за ним безопасность со стороны китайских властей и подчинить ему другие мелкие урянхайские владения. Потом было бы возможным, оставая урянхов под нашим влиянием, ввести среди кочевников необходимые формы, не затрачивая на них русских средств и заселяя беспрестанно страну, а потом постепенно и присоединить край.

2) Если китайцы берут подати с урянхов и считают их в своей зависимости и тем осуществляют свою государственную власть в Урянхайской земле, то и там уже дано осуществлением нашу государственную власть, а именно: 1) русское население там живет оседло, разрабатывает землю и управляется по русским законам; 2) наше правительство разрешает там разработку горных богатств и эта разработка богатств совершается на основании русских законов и под наблюдением русских властей; 3) мы разрешаем русским там торговать на основании русских законов и под наблюдением русских властей; 4) мы устроиваем школы, врачебную помощь и прочее; все это китайские власти дано отлично знают и видят и не протестуют. Значит нам необходимо продолжать эту политику, закрепляя таким образом наше право давности и фактического владения, т. е. продолжать заселение края русскими переселенцами, давать им русскую организацию управления (волостные и сельские управления), дать полицию, суд, врачебную помощь и прочие функции государственных прав, проводить культурно-экономическую и просветительную помощь, захватывая постепенно в сферу влияния этих мер и кочевников-урянхов; расширить торговлю и промышленность в Урянхайской земле на точном основании русских законов.

3) Отдать распоряжения губернаторам Томскому, Енисейскому и Иркутскому, чтобы не высылались ими чиновники или сельские власти для совместного осмотра с китайскими властями границы и стремиться не напоминать о северной границе, перенеся границу на наших картах на хребте Таниу-Ола, а в случае

каких-либо разговоров о границе. — осторожно, но твердо указывать эту новую для нас, но старую и существующую более двухсот лет для китайцев границу по Танну-Ола.

То, что совещание называет «постепенным укреплением», по сути дела является чем-то очень близким к «открытому занятию» края. Не чем иным, как подготовкой «открытого занятия» Тувы, являющейся такие меры, как провокационное подстрекательство тувинцев к отказу платить подать Китаю, т. е. к политическому разрыву с Китаем, который должен был неизбежно вызвать вмешательство вооруженной силы России. Гувинский народ, которого царское правительство собиралось ограбить после захвата края, должен был, по мысли совещания, не только накинуть на свою шею петлю, но предварительно завязать ее. Первым актом открытого захвата явилось самовольное, явочным путем осуществленное перенесение границ с Китаем на хребет Танну-Ола. Откровенная агрессивность методов действия, принятых в этот период русской администрацией, становится еще более ясной, если посмотреть, какие меры выдвигало совещание для подкрепления своего основного предложения о немедленном занятии Урянхайского края.

«Приняв во внимание все изложенное выше в настоящем протоколе о современном положении нашего русского населения в Урянхайской земле, о наших задачах в нем в будущем, о мерах к укреплению за нами юридических прав на территории и современном составе управления Усинским пограничным округом, включая в него и Урянхайскую землю, совещание высказалось за необходимость:

- 1) Пересмотреть штат Усинского пограничного округа, выработать возможно скорее новый штат, провести его в жизнь незамедлительно и выработать новую инструкцию усинскому пограничному начальнику.

- 2) Если бы высшее правительство признало удобным принять как один из способов укрепления страны за нами, отказ урлихов платить подати Китаю, то переговоры с амбын-нойоном необходимо поручить или усинскому пограничному начальнику или особо командированному лицу, снабдив избранное лицо инструкцией, средствами и караваном; как на опыт решения наших пограничных вопросов таким путем можно было бы указать на присоединение Мерва.

- 3) Переселение и землеустройство как русского населения, так одновременно при согласении с урянхайскими властями и кочевников передать в соответствующее ведомство и отнести на переселенческий землеустроительный кредит со всеми вытекаемыми этим делом мероприятиями.

- 4) В обеспечение спокойствия в крае на случай возможности повторения недоразумений, подобных бывшим в 1908 г., наибольшей успешности как переговоров с урлихами, так и разрешения переселенческого и землеустроительного вопросов, а равно и проведения в жизнь дальнейших планов России, совещание признает необходимым принять ряд мер военного характера:

- 1) Передвинуть с наступлением лета взвод минусинской местной команды с офицером в с. Усинское, поручив Усинскому пограничному управлению обеспечить взвод квартирою. Такое передвижение небольшой команды с офицером не вызовет почти никаких сверхсметных ассигнований кроме необходимых средств для передвижения и устройства команды на новом месте.

- 2) Эту команду обратить в кадр для формирования при ней ополченской дружины из числа запасных нижних чинов и ратников ополчения, проживающих как в Усинской волости, так и в Зарубежном крае (Урянхайской земле), коих проживает там около 1 000 человек, и поручить усинскому пограничному начальнику разработать формирование этой дружины.

- 3) Выдать усинскому пограничному начальнику из имеющегося запаса в распоряжении командующего войсками округа 1 000 винтовок бердана и необходимое число патронов, которое хранить в селе Усинском на случай вооружения дружины.

- 4) Разрешить усинскому пограничному начальнику сборы запасных и ратников ополчения по группам на одну-две недели для обучения их, дабы в случае экстренного формирования дружины ополчения таковая могла выполнить задачи защиты русского населения.

5) Для полного освещения положения дел возложить на усинского пограничного начальника организацию военной разведки в Урянхайском крае и в прилегающих к нему районах Монголии на специальные средства Главного штаба.

6) После увеличения состава Красноярской и Иркутской сотни до 16 рядов состава, один взвод Красноярской сотни передвинуть в Усинское на временную стоянку.

7) В случае, если бы для ускорения постройки Усинской грунтовой дороги потребовалась помощь саперных войск, просить разрешения о командировании таковых из 3-го сибирского армейского корпуса за счет кредита на постройку таковой.

8) Ввиду необходимости поставить против монгольских караулов по северному склону хребта Танну-Ола наши караулы, разрешить казакам Иркутской и Енисейской губерний, у которых еще не окончено наделение землею и отмечается большой недостаток против 40-десятинной нормы, переселиться в Урянхайский край, с пособием от казны, произведя расход на это переселение по общей норме переселенческого кредита.

Совещание полагало бы желательным для большего закрепления наших юридических прав фактического владения Урянхайским краем, а равно для облегчения урегулировать весь вопрос по управлению зарубежным населением направления переселенческого движения и землеустройства его в пашей официальной переписке входящих в состав Енисейской губернии, включив в Усинский пограничный округ».

В приведенном отрывке обращает на себя внимание один пункт, выраженный крайне неясно, но который при внимательном чтении содержит делую программу решения «аграрного вопроса» за счет землепользования коренного населения. Это тот пункт, где идет речь о землеустройстве русского населения и кочевников. Что должно было означать переселение и землеустройство тех и других, было уже подробно выяснено выше. Что этот план «переселения и землеустройства» должен был неизбежно натолкнуться на сопротивление коренного населения, это было ясно и членам совещания. Предвидя это сопротивление, совещание аргументировало необходимость ряда мер военного характера стремлением обеспечить *спокойствие в Туве и наибольшую успешность как переговоров с «урянхами», так и решения переселенческого и землеустроительного вопросов.*

Таким образом весь ход работ и решения этого совещания при Иркутском генерал-губернаторе есть ничто иное как широко разработанный план разрешения возникших среди русских колонистов противоречий на аграрной почве путем широко проведенной экспроприации тувинского народа. Претворение в жизнь этого плана требовало открытого вмешательства русской власти (армия, суд, полиция и т. д.) в целях подавления всякого сопротивления со стороны ограбленного населения.

Осуществление скорейшей оккупации Тувы являлось неизбежным выводом из этих планов. Разработанный Иркутским совещанием план захвата Урянхайского края представлял собой сплетение провокации, обмана и свирепой расправы.

Изложенная политика решения «Урянхайского вопроса» должна была встретить самое благожелательное к себе отношение прежде всего со стороны крупной империалистической буржуазии, которая активно поддерживала политику территориальных захватов в Манчжурии, Монголии, в Персии. Урянхайский край не являлся исключением. Начиная с «Нового времени» и кончая газетой «Дальний Восток», издававшейся во Владивостоке, русская буржуазная пресса дружно настаивала на захвате Урянхайского края.

«Неужели площадь богатейшей плодородной земли, отчасти уже заселенной русскими, по размерам своим равная Германии или Японии, не заслуживает внимания, а спорный вопрос — исследования? — Неужели русское общество, печать, наконец Государственная дума не потребуют основательного разбора этого дела и выяснения, почему русская территория оказалась в руках Китая?»¹

Вокруг «Урянхайского вопроса», с целью добиться его форсированного решения, начали организовываться кое-какие местные элементы, стремившиеся создать видимость «общественного мнения» путем совещаний, подачи докладных записок и т. д. Это были минусинские купцы, люди с волчьими аппетитами, добивавшиеся присоединения Тувы для того, чтобы без помехи продолжать свое грязное дело эксплуатации; военные, которые после того, как они были побиты японцами, мечтали о безопасном реванше на Востоке над безоружным противником; дворянские птенцы, которые добивались присоединения края ради теплых местечек с большими окладами; полицейские держиморды и другое человеческое отребье, которое жило и дышало в атмосфере провокации, насилия и грабежа русской колониальной политики.

Активным представителем этого «общественного мнения» был и полковник Попов, неоднократно мною упоминавшийся, который снова вынырнул на политическую сцену. О его роли мы узнаем из письма председателя Совета министров в военное министерство. Письмо датировано 21. IV. 1912 г. Председатель Совета министров пишет, что по полученным сведениям «начальник штаба 7 сибирской пехотной стрелковой дивизии полковник Попов вмешивается в политические вопросы, касающиеся отношения России к Монголии и особенно к Урянхайскому краю. При этом полковник Попов внушает урянхайскому пограничному начальнику мысль о необходимости стремиться к присоединению Урянхайского края к России, и названный чиновник (пограничный начальник Чакиров) не только составляет в таком смысле свои донесения, но и принимает в этом направлении некоторые шаги. Так например он вопреки преподанным инструкциям собрал в конце прошлого года (т. е. в конце 1911 г. — *Р. К.*) под своим председательством совещание при участии своего помощника и пяти местных русских обывателей (т. е. торгующих в Туве купцов. — *Р. К.*), на каковом совещании обсуждался вопрос о способе присоединения Урянхайского края к России». Во избежание «каких-либо инцидентов» председатель Совета министров просит преподать Попову указание, что не следует ни в какой форме вмешиваться в дела министерства иностранных дел. Но этот министерский окрик впрочем не охладил пыла ретивого полковника.

Усиление активности в «Урянхайском вопросе» со стороны русского правительства совпадает с намекающимся поворотом в этом вопросе со стороны общественного мнения правящих верхов Китая. До сих пор политика Китая была страусовой политикой замалчивания и компромиссов, вызванных страхом перед растущей со стороны России опасностью. Когда в 1910 г. пекинская миссия России заявила Китаю, что «Урянхайская земля» спорная территория, китайское

¹ Газета «Дальний Восток», Владивосток, 2 февраля 1910 г.

правительство молча проглотило эту пилюлю и отдало распоряжение не трогать русских. В том же году русское правительство отказалось от обычной проверки границ в Туве, и китайцы снова промолчали. На картографических съемках китайской государственной границы Тува выделялась китайцами особо и была показана между государственными границами Китая и России.

Поворот в сторону активности Китая в тувинском вопросе выразился прежде всего в усилении влияния Китая в Монголии; затем в конце первого десятилетия XX в. начал проводиться в жизнь план заселения пограничной полосы России с Монголией китайцами, который мог распространиться и на территорию Тувы.

В одной из своих депеш (от 21.IV. 1911 г.) императорский посланник Коростовец сообщает, что «на днях одна из пекинских газет посвятила статью Урянхайскому краю, который «собственно» входит в состав Китая, и, насчитав там до 100 русских поселений, привлекла на этот вопрос внимание китайских правительственных кругов». Прогрессивная китайская газета «Чжун-го-бао» от 2 февраля 1911 г. писала об Урянхае: «Этот край с давних пор входил в состав Монголии и вместе с прочими монгольскими землями перешел в верховное обладание Дайцинской империи, причем туда был отправлен специальный военный отряд, и край этот был непосредственно подчинен помощнику улясутайского военного губернатора... Подняв теперь вопрос о пересмотре границ, русские без всяких оснований настаивают на том, что пограничная линия должна идти не по Саянскому хребту, а по хребту Танну-Ола. Это ни на чем не основанное домогательство России явно показывает, что русские во что бы то ни стало хотят захватить Урянхайский край. Путем угроз они думают заставить нас немедленно же согласиться на уступку им нашей территории в несколько тысяч квадратных миль. Увы, наша территория не так велика, чтобы можно было удовлетворить неажающие границ домогательства иностранцев!»¹. В тот же приблизительно период из Улясутой на Хемчик прибыл агент китайской администрации, который, собрав урянхайских чиновников, требовал от них не изменять в подданстве богдыхану и приказал им: 1) строго охранять свою границу, 2) следить за поведением русских и вновь прибывающих на Хемчик, 3) следить за появлением русских войск на Хемчике².

При этих условиях у представителей русского правительства является основательное опасение, что тактика замалчивания «Урянхайского вопроса» и одновременный фактический захват его становятся несовместимыми. «Если китайцы сами при первом удобном случае поднимут вопрос о разграничении, то ободренные занятым нами пассивным положением, они не премнут рано или поздно приступить к вытеснению из Урянхайского края русских переселенцев, число которых уже ныне превышает 3 000 чел.»³. Эта боязнь упустить

¹ С. А. Полевой, Периодическая печать в Китае. Цитирую по книге Иацова, стр. 24.

² Сводка сведений, полученных в штабе Иркутского воен. окр. с 1 по 20/VII 1911 г. Дело 175 — 779.

³ Секретная депеша Коростовца, 21.VI. 1911 г. № 40, Дело 180 — 387.

«подходящую минуту»¹ должна была только усилить наступательную политику со стороны России.

Однако было бы неправильно при характеристике движущих пружиц царской политики в Урянхае ограничиться описанием позиции их в том виде, в каком они вырисовываются на основании материалов Иркутского совещания, потому что эта характеристика не является полной, она не вскрывает противоречивых тенденций, существовавших внутри того круга, который определял политику русского царизма. В данном случае расхождение взглядов существовало между нашими звеньями бюрократии, отражавшими непосредственно давление колонизаторских элементов, с которыми, как мы ниже увидим, солидаризировался и Николай II, и правящими верхами бюрократии, отражавшими в своей политике всю сложность международно-политических отношений, в обстановке которых Россия прокладывала пути к колониальным захватам. Выразителем этого второго течения являлось прежде всего министерство иностранных дел.

Когда предложения Иркутского совещания были сообщены министру для заключения, Нератов, тогдашний временно управляющий министерством, высказался против посылки землеустроительной экспедиции в Урянхайский край, аргументируя тем, что «планомерное заселение этой местности русскими поселенцами вызвало бы несомненно неудовольствие урянхов и привело бы к осложнениям с Китаем».

Летом 1911 г. ввиду осложнений с Китаем военное министерство деятельно готовилось «для немедленного занятия, в случае надобности, Урянхайского края»². Министерство же иностранных дел отмечало в своем заключении по поводу этого мероприятия, что оно не усматривает ничего особенно тревожного в Урянхайском крае.

Но вот вспыхивает в Китае революция. Она находит немедленный отклик в Монголии, где аймаки один за другим отделяются от Китая. 18 ноября в Урге была провозглашена независимость Монголии, 16 декабря на престол был возведен Ургинский Богдо — Гэгэн. 16 декабря сдал монголам оружие улясутайский цзянь-цзюнь.

В обстановке этих бурно разворачивающихся в Халхе событий, грозивших перекинуться с минуты на минуту в связанную с Халхой Туву, председатель Совета министров Коковцов «счел полезным ввиду немаловажного значения Урянхайского края в отношениях наших с Китаем, вновь представить все собранные по сему предмету данные на обсуждение Совета министров»³.

Совет министров остановился прежде всего на основном вопросе, может ли Урянхайский край считаться принадлежащим Российской империи.

«Управляющий министерства иностранных дел объяснил, что непреложных доказательств того, чтобы Урянхайский край был когда-либо уступлен Китаем в нашу пользу или размежеван за Рос-

¹ «Подходящая минута может тогда оказаться уже упущенной». Из секретной телеграмма импер. послан. в Пекине на имя мин. ин. дел от 28/XI 1910 г.

² Письмо Сазонову военного министра Сухомлинова, 28/XI 1911 г.

³ Особый журнал Совета министров 8/XI 1911 г., Архив, дело 126 — 724.

спей при установлении разделяющих нас с «Поднебесной империей» границ — не имеется». Разобрав все приводимые доводы в пользу того, что Урянхайский край принадлежит России, Совет министров пришел к выводу, что «мы не в состоянии противопоставить китайским притязаниям на Урянхайский край неопровержимых возражений, подкрепляемых договорными ссылками». Решающее значение в этом вопросе признавалось за Чугучакским договором 1864 г., в силу которого в западной части Урянхайского края границы были установлены на юго-запад от перевала Шабин-дабага, т. е. от пункта, расположенного приблизительно на 200 верст к северу от хребта Танну-Ола.

Далее постановление Совета министров говорит следующее:

«Наряду с сим уже с семидесятых годов прошлого столетия, а может быть и раньше началось постепенное проникновение в Урянхайский край русских поселенцев, сначала по долине Уюка и Турана, а потом по Большому и Малому Енисеям. Мирное сожительство русских колонизаторов и коренных обитателей края — урянхов или сойотов — способствовало развитию расселения русских крестьян и купцов, занимавшихся земледелием, торговлей, скотоводством, рыбным промыслом и добыванием золота. К такому постепенному внедрению в край русского элемента китайские власти относились безучастно. Равным образом китайцы не препятствовали и тем служебным посздам, которые предпринимаются русскими должностными лицами, вынужденными посещать Урянхайский край для удовлетворения различных потребностей проживающих там русских людей. С этой целью около шести раз в течение года в Урянхайский край выезжает успенский пограничный начальник или его помощник, равным образом посещают этот край и другие русские официальные лица из с. Успенского (священник, мировой судья, врач, фельдшер). Наконец нельзя не отметить, что для оборота золотых приисков Урянхайского края выезжали из Минусинска окружной горный инженер и его помощник, самый же отвод золотосных площадей производился минусинским горным отводчиком. Все такого рода служебные поездки рассматривались как дело вполне обычное и никаких препятствий с китайской стороны не вызывали.

Конечно подобное отношение китайских властей к проникновению в Урянхайский край русских поселенцев не может еще само по себе служить доказательством признания китайцами Урянхайского края русской территорией. Даже то обстоятельство, что они продолжают держать линию караулов по южной подошве хребта Танну-Ола, всегда может быть объяснено ими как содержание внутри них караулов подобно другим караульным постам в некоторых местностях Монголии. Ввиду сего и при отсутствии у нас твердых договорных оснований к притязаниям на Урянхайский край указанные обстоятельства не способны еще создать юридического титула к обладанию названным краем. Им создается лишь такого рода фактическая обстановка, которая подтверждает наличие наших особых здесь интересов, налагал на правительство обязанность внимательно следить за дальнейшим ходом наших с китайцами отношений в этом крае.

Вместе с тем нельзя не считаться и с другими соображениями, выдвигаемыми современными условиями политической жизни Китая. Соседняя империя в настоящее время охвачена сильнейшим революционным брожением. Размеры этого движения, окрашенного оттенком антидинастического и враждебного маньчжурскому преобладанию национального течения, не могут еще быть учтены с достаточной полнотой. Но во всяком случае не подлежит сомнению, что Китай переживает теперь период острого внутреннего кризиса. При таких условиях политическое благоразумие обязывает к особой по отношению к этой стране осторожности. Не следует забывать, что на территории Китая скрещиваются политические и экономические интересы не только важнейших европейских государств, но также Японии и Америки. Вмешательство одной державы в междоусобицу китайское движение или даже обнаружение желания воспользоваться им для достижения своекорыстных целей, особенно направленных к расчленению Китая и к увеличению за его счет собственной территории, несомненно встретили бы энергичный отпор со стороны прочих заинтересованных государств. Поэтому

екамергер высочайшего двора Нератов считает себя обязанным обратить самое серьезное внимание Совета министров на то, что всякая попытка с нашей стороны перейти к более активным действиям в урянхайском вопросе была бы истолкована как беззастенчивое намерение воспользоваться вспыхнувшей в Китае революцией для сведения своих с ним счетов и для завладения сопредельной частью его земель. Тем самым будет также нарушен, вероятно на долгое время, тот добрососедский характер, которым издавна были проникнуты наши с Китаем отношения.

Отнесясь поэтому отрицательно к возможности постановки ныне же урянхайского вопроса во всем его объеме, Совет министров полагал, что именно современная китайская смута и позволяет нам пока отсрочить постановку означенного вопроса на очередь. Очевидно, каков бы ни был исход охватившего Среднюю империю революционного движения, во всяком случае Китай выйдет из современного кризиса ослабленным и едва ли способным вести в ближайшем времени наступательную политику на своих окраинах. Таким образом устраняется опасность того, что китайские власти станут принимать меры к усиленной колонизации Урянхайского края, как они пытались делать это в Северной Манчжурии, а тем более к вытеснению из названного края русского элемента. По всей вероятности край этот по прежнему будет представлен самому себе и, отделенный от Центрального Китая пустынями Монголии, явится и впредь удобным полем для развития естественной русской колонизации. Изложенные соображения приводят Совет министров к заключению, что обнаружение ныне активных намерений относительно Урянхайского края и какие-либо дипломатические по поводу оного шаги, а тем более прямое выступление в нем в виде посылки туда воинской части или приступа к землеустроительным мероприятиям и к образованию переселенческих участков являлись бы при существующей политической обстановке несвоевременными. Само собой разумеется однако, что намечаемое решение ни в коем случае не должно иметь вида принятия нами каких-либо в урянхайском вопросе обязательств и в смысле отречения от преимущественных наших в упомянутом крае прав. Еще в прошлом, 1910 г. императорская миссия в Пекине имела случай высказать китайскому правительству, что мы смотрим на Урянхайский край как на спорную территорию. Заявление это не вызвало со стороны правительства богдыхана протеста. В соответствии с сим и на будущее время надлежит — как в сношениях с центральными властями в самом Пекине, так и в особенности при обращении к местным китайским чиновникам — всемерно воздерживаться от всяких действий, которые могли бы быть истолкованы китайским правительством в смысле признания нами китайского суверенитета над Урянхайским краем. Край этот представляет для России несомненную и весьма значительную ценность и не может быть для нас чуждым: в нем уже ныне на 50 тыс. туземного населения насчитывается 5 000 душ русских поселенцев, следовательно русские составляют там 10% всего населения края; в нем имеется 80 русских торгово-промышленных предприятий и приисков. Ясно отсюда, что если Урянхайский край не закреплен еще за нами и порядки военных и дипломатических действий, то в отношении экономического и культурного он уже попал под преобладающее русское влияние. В нем нет еще русских войск и русских чиновников, но есть крупные экономические интересы русских людей; есть русские крестьяне-землепашцы, есть русская школа, в которой учится около 50 русских детей, и есть наконец русский православный храм, сооруженный в дер. Турано по имя святителя Кирилла. При изъясненных условиях, императорское правительство, воздерживаясь пока от активных выступлений, которые могли бы быть сочтены за меры к захвату Урянхайского края, должно всячески стремиться к постепенному упрочению его за Россией. К этому побуждают нас как экономические, так и политические соображения. Урянхайский край представляется для нас чрезвычайно ценным колонизационным районом, обладающим плодородною почвой, тучными пастбищами и богатыми месторождениями различных ископаемых, в особенности золота. Удобное для поселения в нем пространство исследователями края приблизительно в 5 000 000 десятин. Предполагая, что туземному населению — урянкам — будет оставлено достаточное количество земли, по приблизительноному подсчету до 50 дес. на душу, колонизационная емкость Урянхайского края может быть определена по расчету 400 000 душ поселенцев. Заселение края столь значительным контингентом русских подданных явится весьма важною мерою в стратегическом отношении, ибо, по авторитетному заявлению военного министра, создание в этой части китайской

границы оплота на русского поселения без сомнения послужит к ослаблению опасности, ныне угрожающей Кругобайкальской железной дороге, вследствие близкого расположения последней к пределам Китая. Оценивая наиболее целесообразные способы мирного укрепления за нами Урянхайского края, Совет министров на первом месте ставит заселение означенного края русскими переселенцами. Именно этим путем могут быть созданы в рассматриваемом крае такие условия, которые впоследствии, при более благоприятной для нас политической обстановке, дадут нам повод сделать китайскому правительству заявление о наличии там таких крупных русско-государственных интересов, которые побуждают нас принять долю участия в устройстве дальнейшей судьбы края. Вообще опыт колониальной политики всех западноевропейских государств, сумевших приобрести обширные владения в заморских странах, убеждает в том, что мирная колонизация и водворение в крае экономических интересов в существенной степени содействуют затем распространению на данный край политического влияния того государства, которое оказывается связанным с ним многоразличными торговыми и промышленными отношениями. Убедительный пример всего значения такой политики был дан в самое последнее время Германией, которая, под предлогом охраны интересов своих подданных в Марокко, отправила туда минувшим летом канонерку «Пантера», весьма выгодно для себя использовавшая эти интересы, получив при разрешении марокканского вопроса весьма значительные от Франции территориальные компенсации в других местностях Африканского материка. Создание в Урянхайском крае значительного русского поселения явится и для нас твердой опорой для защиты проживающих там русских подданных и для постепенного склонения нашей политики на путь протектората, а в более далеком будущем, может статься, и прямого присоединения Урянхайского края. Конечно поощрение заселения края русскими людьми по должно по мнению Совета министров носить характера искусственного привлечения правительством переселенцев в Урянхай. Подобный прием мог бы возбудить подозрение китайских властей и в то же время явился бы справедливым поводом к нареканиям на правительство со стороны самих русских переселенцев, лишенных на новом месте тех попечительных забот правительственных учреждений и должностных лиц, которыми пользуются переселенцы в других районах, открытых для переселения. Да едва ли предстоит и надобность в таком вмешательстве правительства. Переселение в Урянхайский край началось, как упомянуто выше, уже с семидесятых годов прошлого столетия, а отдельные выходы из России появились там много ранее — с тридцатых годов того же столетия. При этом в Урянхайский край идут по преимуществу сибиряки, уже закаленные в борьбе с суровыми условиями жизни на родине и более устойчивые для приспособления к бытовым и естественным особенностям Урянхала. Этот элемент явится и на будущее время наиболее желательным для заселения Урянхайского края.

Между тем Иркутский генерал-губернатор в сентябре текущего года доносил о наблюдаемом среди урянхов брожении, способном, по его мнению, перейти в открытое восстание. Считаясь с этим обстоятельством, егермейстер Князев указывал на необходимость скорейшего командирования в пограничное с Усинское достаточной военной силы, наличие которой послужит к ограждению жизни и материальных интересов русских засельщиков в Урянхайском крае и обеспечит возможность военной оккупации Урянхайского края, если того потребует дальнейший ход событий. Такого заключения генерал-губернатора разделялось также посланником нашим в Пекине, высказавшимся в качестве меры предосторожности за увеличение наших военных сил в прилегающих к Урянхайскому краю областях. На доноше действительного статского советника Коростовца по этому поводу вашему императорскому величеству благоугодно было 16 истекшего октября, собственноручно начертать: «уиюно отправить в Усинск нашу воинскую часть. Переговорите с председателем Совета министров». В соответствии с сим, Совет министров считает долгом ныне же уполномочить военного министра, не ожидая образования особой усинской местной команды, сделать распоряжение о сосредоточении в с. Усинском казачьего отряда, примерно в составе сотни. Руководствуясь всем изложенным, Совет министров полагает:

1. Поручить заботам министров народного просвещения и внутренних дел, главноуправляющего землеустройством и земледелием и обер-прокурора святейшего синода, по принадлежности, попечение о дальнейшем увеличении числа русских школ в Урянхайском крае, об организации там врачебной помощи и

ветеринарного надзора и о развитии в этом крае церковного строительства и других видов помощи устроившимся в среде урянхов русским поселенцам.

II. Уполномочить министра внутренних дел подвергнуть соображению вопрос о пересмотре действующего штата Усинского пограничного управления и предположениям своим по означенному предмету дать дальнейшее движение, в установленном порядке.

III. Предоставить военному министру разработать предположения об образовании особой усинской местной команды.

IV. Временно впредь до осуществления указанной в предыдущем (III) отделе меры, командировать в с. Усинское, по ближайшему усмотрению командующего войсками Иркутского военного округа, казачий отряд из состава частей названного округа, численностью около сотни.

V. Предоставить министрам внутренних дел и путей сообщения, по принадлежности, озаботиться завершением предпринятых работ по проведению колесной дороги из с. Григорьевки до с. Усинского и по устранению препятствий для судоходства на Верхнем Енисее.

Итак, соображения международной политической обстановки, опасения встретить отпор со стороны Японии, Америки, но в первую очередь со стороны своих союзников, диктовали царскому правительству линию осторожной и выжидательной политики, в твердой уверенности, что Урянхайский край останется и впредь «удобным полем» для развития русской колонизации. Учет этой международной обстановки заставил русское правительство временно отказаться от активных действий, направленных к захвату Тувы, воспользовавшись ослаблением Китая.

3 февраля 1912 г. Николай II «собственноручно» подписал журнал Совета министров, который я только что цитировал, выражая свое согласие с изложенной в нем политикой в «Урянхайском вопросе». Проходит несколько дней. Сазонов, министр иностранных дел, — подает царю доклад следующего содержания:

«Примем смелость повергнуть при сем на высочайшее благоволение нашего императорского величества депешу поверенного в делах в Пекине от 29 января, № 8, в которой статский советник Щекин высказывается в пользу немедленного занятия нами Урянхайского края, мотивируя эту меру, с одной стороны, несомненностью наших юридических прав на сказанный край, а, с другой стороны, наличием подходящей для того политической обстановки.

По поводу первого из этих двух соображений считаю долгом доложить, что доводы полковника Попова, доказывавшего принадлежность России Урянхайского края, которым сам он не придавал исчерпывающего и окончательного значения, опровергаются недавно законченной работой делопроизводителя московского главного архива д. с. с. Белокурова, который на основании изучения подлинных документов и картографического материала, относящегося к концу XVIII столетия, т. е. ко времени заключения Буринского договора с Китаем, приходит к следующему выводу: граница по Саянскому хребту установлена в 1727 г. русскими и китайскими комиссарами при разграничении согласно Буринского договора; то же подтверждается составленной после разграничения, под наблюдением графа Владиславича, пограничной картой.

Таким образом приходится признать, что юридических прав на Урянхайский край Россия не имеет и побудительной причиной для занятия нами земель между Саянами и хребтом Танну-Ола могла бы быть лишь необходимость этой меры с точки зрения наших там интересов. Однако мне неизвестно, чтобы в этих местностях произошли такие события, которые требовали бы от нас защиты военной силой находящихся в Урянхайском крае русских подданных и отказа от программы, намеченной Советом министров и высочайше одобренной нашим императорским величеством третьего сего февраля.

С.-Петербург. 15 (28) февраля 1912 г.

Сазонов.

¹ Здесь очевидная ошибка, надо было сказать «к началу XVIII в.»

Прочитав доклад, Николай делает следующую надпись:

«Я, напротив, совершенно согласен с мнением поверенного в делах в Пекине. Со времени обсуждения вопроса об Урянхайском крае прошло более трех месяцев, в Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заняться разрешением этого дела, иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя. Вспомните историю занятия нашего Приамурского края».

Царское Село, 15 (28) февраля 1912 г.¹

Резолюция Николая II является несомненно исторической, так как в ней кратко сформулирована вся разбойничья программа внешней политики царского правительства, но не менее замечательными являются и обстоятельства ее появления. С одной стороны, мы имеем перед собою документ, составленный в результате обсуждения вопроса в Совете министров. В этом документе мы находим тонкие хитросплетения империалистической политики: здесь и учет международно-политической обстановки и ссылка на достойные подражания образцы колониальной политики передовых европейских держав, и т. п. Но вся эта искусно возведенная дипломатическая постройка опрокидывается росчерком пера Николая II, который в XX в., в эпоху империализма и подготовки к мировой войне, в эпоху перерождения русского промышленного капитала в финансовый, продолжал оставаться главой самодержавия с крепко вьевшимися в нем «вотчинными порядками» (М. Н. Покровский).

Рискуя, как писал Сазонов, «осложнениями в этих областях», в такое время, когда наши силы должны быть сосредоточены в других сферах нашей внешней политической деятельности, «самодержец» выразил свою полную солидарность с теми социальными силами, которые толкали правительство на путь немедленного занятия Урянхайского края.

Между тем развитие китайской революции продолжало делать свое дело. Приближающаяся буря давала о себе знать целым рядом симптомов, настолько ясных, что Иркутский генерал-губернатор имел возможность сигнализировать о них в одном из своих донесений председателю Совета министров (от 8 сентября 1911 г.)².

«Из только что полученных мною донесений усинского пограничного начальника и личного доклада командированного ко мне последним штатного переводчика пограничного управления Самойлова, незадолго перед тем возвратившегося из поездки к амбын-нойону Танну — Урянхов можно заключить, что неудовольствие урянхов китайским режимом быстро растет и может перейти в открытое восстание, а это последнее обстоятельство дает повод китайскому правительству ввести свои войска в Урянхайский край, что будет равносильно предпринятию вопроса о принадлежности Урянхайского края не в нашу пользу. Так например в июле сего года урянхайский чиновник из управления амбын-нойона, сопровождавший китайских чиновников, прибывших в Урянхайский край для проверки пограничных знаков на Гачальском перевале, стал открыто упрекать последних в поборах с урянхайского населения. После же того, как китайские чиновники наказали за это плетью урянхайского чиновника, последний, собрав толпу урянхов в 60 человек, отобрал у китайских чиновников всю урянхайскую прислугу, а затем обратился к урянхам со словами: «Достаточно мы терпели, долготу иго, суди нас небо».

¹ «Красный архив», XVIII, стр. 89.

² Дело переселенч. управл. 1914 г., № 26, ч. I «О мерах к поддержанию русских интересов в Урянхае и защите русских подданных, там проживающих».

Вызвав отложение Монголии от Китая и движение монгол против китайского торгового капитала в виде разгрома товарных складов, революция достигла в начале 1912 г. и территории Тувы. Здесь внезапно вспыхнуло сильнейшее движение против китайских купцов. Накопленная веками тяжелого рабства и эксплуатации народная ненависть нашла себе выход в разгроме всех китайских лавок. Не сдерживаемое более властью своих нойонов и китайской администрации, которая, как мы знаем, была ликвидирована в Улясутее в конце 1911 г., население Тувы начало расправу с китайскими торговцами и ростовщиками. Это восстание начала 1912 г. не было еще освещено в литературе. Не найдя материалов по истории этого интересного массового движения, я должен ограничиться освещением этого движения исключительно на основании «Сообщения разведки штаба Иркутского военного округа» под названием «Сведения из Урянхайского края»¹.

«8. I. 1912 г. проживающие около Баянкола китайцы, получив сведения, что их предполагают ограбить урянхи, выехали по направлению Малого Енисея. Спустя некоторое время прпехало 40 урянхов, потом еще 60 человек и занялись расхватом и увозом товара, выпивкой китайского вина.

12. I. китайские фирмы у устья Тапсы и ниже по Енисею получили известия, что к ним едут урянхи, перевезли товар к Сафьянову, распустив слух, что товар их продан Сафьянову.

Табун и скот этих китайцев угнаны Урянхами. Китайцы бежали; 11 и 12 января урянхи напали на китайскую фирму, что у Виланов, недалеко от впадки Черневича. Товар ограбили, избу сожгли, 14 января ограблена китайская фирма на Оин-Шиви в 40 верстах от Турана.

В ночь с 14 на 15 прибыли урянхи в Джакуль, но китайцы успели часть товаров перевезти к русским: Пастухову, Фунтикову и другим. Китайцы бежали, сделав до 15 выстрелов. Урянхи бросились расхищать товар. Приехали издалека. В числе урянхов один монгол, который руководит урянхами. Некоторые из урянхов пробовали проговариваться, что не мешает взять у русских китайский товар, но главарь постановил, сказав: «Одумайтесь, кто же за нас тогда постоит».

Русские также опасались, как бы урянхи не стали грабить и их. Те русские, которые не получили от китайцев ничего на хранение, видимо не прочь из зависти направить урянхов на тех русских, у кого китайцы оставили товар на хранение.

16. I. Урянхи направились на Чадан. Урянхи, грабящие китайцев, ничем не вооружены. Пока преследуют одну цель: выгнать китайцев вовсе из Урянхия.

События 1912 г. привели к полной ликвидации китайского торгового капитала в Туве. Восстанием тувинских масс была отрублена у гидры торгового капитала одна голова — китайская, но оставалась другая голова — русская, которая собиралась воспользоваться благоприятно сложившимися для нее обстоятельствами, отдававшими ей Туву монопольно на «поток и разграбление».

Русские купцы, торговавшие в Туве, в своей записке, поданной в

---

¹ Дело 175 — 779, Тувы.

скором времени после описанных событий, именно 16 апреля 1912 г. начальнику Усинского пограничного округа, писали: «Последние события в Китае и Монголии не прошли бесследно и для Урянхай. После того как ургинский хутухта избран был ханом всей Монголии, каковым актом связь Монголии с Китаем была порвана, урянхайцы запретили китайцам производство всякой торговли на своей территории. И вот мы, русские купцы, ясно теперь сознаем, что наступившее изменение в положении вещей должно быть нами использовано как можно полнее в интересах расширения русской торговли и более прочного внедрения русской торговли и промышленного капитала в эту страну»¹.

Русские купцы оказались после изгнания своих конкурентов не только монополистами рынка, но благодаря фактической оккупации Тувы Россией и политике превращения ее в русскую окраину, они получили неограниченные права в завоеванной стране.

Резюмируем. Царская Россия, крупнейшее военно-феодальное империалистическое государство, один из самых активных участников в борьбе за раздел мира, намечает, начиная с 80-х годов прошлого века, Туву в качестве нового объекта своей политики территориальных захватов. Проникший в эту страну русский торгово-ростовщический капитал являлся одним из приводных ремней в системе колониального порабощения.

Другим не менее важным ремнем в этой системе служит земледельческая колонизация Тувы выходцами из России.

Земледельческая колонизация Тувы началась в виде разрозненных попыток русских переселенцев проникнуть в страну, захватывая силой тувинские земли, прилегающие к границе. Поощряемые русским правительством колонисты становятся смелее и решительнее в своих действиях. Массовые потоки колонистов захватывают огромные площади земли в глубине страны по течению рек и предгорьям, отесняя коренное население с наиболее плодородных и удобных по своему местоположению земель.

Русское правительство путем «мирной» торговли и земледельческой колонизации стремилось создать в стране опорные пункты для того, чтобы при наступлении благоприятной внешней политической обстановки формальным присоединением Тувы довершить начатое колонистами дело ограбления тувинских земель и эксплуатации населения русским капиталом. До наступления же такого момента оно предпочитало действовать с большой осторожностью, всячески лагуруя и избегая острой постановки вопроса.

Той же цели окончательного захвата Тувы служили исподволь подготовляемые мероприятия, как например проведение Усинской колесной дороги, улучшение водного пути по Енисею, сосредоточение военной силы близ границы и т. д.

Но поощряя земледельческую колонизацию в Туву, оказывая содействие колонистам, оно против своей воли создавало на новом месте такое положение, при котором новые колонисты неизбежно входили в столкновение со старыми засельщиками края, купцами-

---

¹ Цитирую по кн. Грум-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. II, стр. 628.

старожиллами, успевшими путем подкупа и обмана захватить колоссальные пространства, наиболее пригодные и доступные для сельскохозяйственного использования.

Острота противоречий между этими двумя группами колонизаторов, на которых опиралось правительство, вызывала необходимость открытого его вмешательства для урегулирования аграрного вопроса путем испытанного и проверенного в других колониях России широкого плана нового ограбления земель тувинского народа для распределения их между новыми колонистами без ущерба для землевладения купцов-старожиллов.

Это обострение противоречий послужило дополнительным мотивом, стимулировавшим окончательную развязку так называемого «Урянхайского вопроса».

Ожидаемая царским правительством новая политическая ситуация возникла благодаря китайской революции 1911 г. и политическому отделению Монголии от Китая. Эти события вызвали народное движение в Туве, ликвидировавшее в короткий срок китайский торговый капитал и политическое господство Китая. Колониальная политика царской России в Туве благодаря резкому изменению политического положения вступила в новую фазу своего развития.

---

5. Оккупация Урянхай

«Политические течения» в тувинском обществе. Отпадение Саянско-Товинского ханства от власти албын-нойона. Назначение комиссара на границе Урянхайского края. Политические мотивы этого мероприятия. Усиление переселенческого движения из России. Обращение тувинских нойонов к русскому правительству. Объявление протектората России над Тувой. «Комиссар по делам Урянхайского края». Григорьев и его расправа с тувинским населением. Взятие тувинских земель, организованный переселенческим управлением. Активное сопротивление населения. Убийство ставленника русского правительства Аюана.

Политическая обстановка, сложившаяся после китайской революции и отложения Монголии от Китая была использована царской Россией для укрепления своих позиций в Туве, которая в течение ряда десятилетий была фактической колонией Российской империи, а теперь должна была сделаться и формально ее владением.

Но не все участники приближавшейся развязки вековой драмы, пережитой тувинским народом, ясно представляли себе историческую обстановку.

События, последовавшие после Китайской революции, свержение ига вековых угнетателей, должны были ошеломить своей неожиданностью и одновременно вызвать в населении взрыв надежд на свое освобождение от всякого иноземного гнета. Ликвидация китайского господства в стране и одновременно с этим китайского торгового капитала принесла тувинскому арату освобождение от ежегодного албана и других поборов, освобождение от всех частных долгов китайским фирмам. Одним ударом народного движения была сброшена с населения петля неоплатных кабальных долгов, накопившихся в течение ряда поколений. Наряду с рядовыми аратами это освобождение от китайского торгового капитала было весьма ощутительным актом и для зажиточных слоев и для феодальной верхушки нойонов и их приближенных, вынужденных делиться частью присваиваемого ими прибавочного продукта с китайскими ростовщиками. Но для феодалов Тувы это освобождение имело и другое значение. Находясь под двойным игом Манчжурской империи и китайского торгового капитала, туземные правители превратились в их подчиненных и покорных агентов, вынужденных довольствоваться той долей, которую оставляли им фактические властители страны. Неожиданный поворот в политической жизни страны должен был посеять в среде господствующей верхушки Тувы иллюзию о возможности превратиться в такую общественную силу, которая способна обеспечить за собой полностью прибавочный продукт, получаемый от эксплуатации «своего» народа.

Не рассчитывая на полную политическую независимость, но выбирая между двумя силами, готовыми проглотить Туву, между Россией и Монголией, тувинские правители отдавали вполне понятное предпочтение «покровительству» Монголии, надеясь, что под защитой монгольского протектората сохранится в неприкосновенности старый патриархальный быт на феодальной основе «своих» нойонов, «своих» монастырей и т. д. Но эти планы находились в вопиющем противоречии со всей экономической и политической обстановкой. В порах тувинской экономики прочно обосновался русский торговый капитал, который особенно воспрянул духом после ликвидации своих более изворотливых китайских конкурентов. В страну вливались новые потоки русских колонистов. На русской границе была сосредоточена небольшая, но вполне достаточная для оккупации военная сила.

Однако и русскому правительству, готовившемуся к прямому захвату страны, нельзя было не считаться с наблюдавшимся в стране политическим оживлением и активностью в верхах тувинского общества. Нельзя было не считаться с этим новым политическим фактором хотя бы в смысле соответствующей политической обработки этих верхов и попытки перетянуть феодальные элементы на свою сторону.

Благоприятным условием для осуществления этой политики явились начавшиеся внутренние раздоры между нойонами и стремление амбын-нойона занять положение действительного главы и правителя всей страны, стремление, встречавшее отпор со стороны других нойонов, не желавших подчиняться ему и делиться с ним своими доходами.

Эти внутренние раздоры между тувинскими феодалами особенно обострились после отпадения в 1908 г. двух Хемчикских хошунов под управлением Хайдупа. Нойон Оюннарского хошуна, сохранивший еще в своих руках управление двумя восточными хошунами: Салжакским и Тожинским, и продолжая носить звание амбын-нойона, т. е. главного нойона, постоянно стремился распространить свою власть на отпавшие Хемчикские хошуны, поставив их нойонов в подчиненное к себе отношение, т. е. сделаться повелителем всего Урянхайского края. Ему не только не удалось добиться своей цели, но в 1912 г., после изгнания китайцев, ближайший к амбын-нойону Салжакский хошун отпал от него, а Салжакский нойон объявил себя самостоятельным. Его примеру собирался последовать тожинский нойон Томут, который вскоре это свое намерение и выполнил.

Нойоны этих восточных хошунов стремились обеспечить самостоятельное управление своими хошунами, рассчитывая опереться на поддержку монгольских феодалов.

Необходимо отметить, что тяготение к Монголии успело уже получить к этому времени некоторым образом боевое крещение.

«Еще во время отпадения Монголии от Китая, в революционную эпоху, когда монголы утверждали свою независимость, они обращались к сойотам за помощью против их общего врага. Сойотские князья (огурды) откликнулись на эту просьбу и от всех хошунов своих отправили на помощь монголам до 100 человек в качестве солдат. Когда острый период борьбы закончился, то сойоты как Салжак-

ского, так и Тожинского хошунов обратились к Гэгэну Санджива, главе одного Монгольского хошуна, ставка которого находилась по р. Бунсуй (приток Муругола, впадающего в Селенгу), с заявлением, что они желают быть его монастырскими людьми. Гэгэн принял это предложение и вот тогда-то пожаловал тожинскому нойону Томуту княжеский титул, а его помощнику Намыну звание Сайгурчи, дав им обоим коралловые шарики»¹.

Но в сторону Монголии тянули не только Салжакский и Тожинский хошуны.

В цитированном выше «Журнале междуведомственной комиссии» представитель иркутского генерал-губернатора, ознакомляя совещание с положением Урянхайского края, докладывал комиссии: «Урянхайские правители, будучи сами не в силах установить какой-либо порядок в крае, ищут помощи у России и Монголии, часть урянхов изъявила желание перейти в русское подданство, другая же, *большая часть* (курсив мой. — Р. К.) к Ургинскому хутухте».

В записке иркутского генерал-губернатора (1913 г.) мы снова встречаем определенные указания на монголофильские настроения населения, хотя и приписываемые, согласно полицейской «социологии», «пропаганде монголов».

«Урянхи... под влиянием пропаганды монголов стали проявлять склонность принять подданство повелителя только что отложившейся от Китая Монголии».

Аргументируя за необходимость проведения намеченной правительством по отношению к Урянхайскому краю программы, генерал-губернатор ссылается в особенности на настроение урянхов, колеблющихся в своем тяготении между Россией и Монголией, эмиссары которой, несмотря на наши предупреждения Ургинскому правительству, что Монголия не имеет права на Урянхайский край, не перестают склонять урянхов к принятию подданства хутухты»².

Но в то время как нойоны отдельных хошунов стремились отделиться от амбын-нойона, опираясь на поддержку монгольских феодалов, сам амбын-нойон прилагал отчаянные усилия для того, чтобы вернуть отпавшие хошуны под свое управление и укрепить свою власть над ними, рассчитывая всего вернее добиться этой цели при помощи России. Тогдашний амбын-нойон Гомбо-таджи, по описанию И. Сафьянова, был «молодой человек 30—32 лет, получивший свой коралловый шарик и серебряную печать от отца, умершего от чрезмерного употребления китайской водки... Умственно убогий и безвольный — он весь в руках своих руководителей, старых заслуженных чиновников. Еще отец его был в молодости первым богачом Сойотии, но сыну достались только жалкие остатки, и он принужден жить на средства богатого тестя. Боясь китайцев, беспрекословно исполняя их предписания, он однако симпатизирует русским, особенно после оказанного ему приема в с. Усинском и получения царской медали (1910 г.)»³.

¹ И. Сафьянов, По Засаянскому краю.

² Записка иркутского ген.-губ. егермейстера Князева по запросу управления Усинским округом и приграничным Урянхайским краем, 1913 г., «Военно-исторический архив», д. № 440 — 683.

³ И. Сафьянов, Этюды о Сойотии, газ. «Сибирь» № 217.

15 февраля 1912 г. от амбын-нойона на имя усинского пограничного начальника было получено сообщение, что Халха избавилась от «бесчеловечного» управления китайцев и объявила свою независимость от Китая. Урянхы (тувинцы) избрали главою трех объединившихся хошунов амбын-нойона Гомбо-таджи и постановили держаться буддийской религии, выбрав себе единого духовного владыку. Самым значительным в этом сообщении было решение объявить Урянхай «независимым», находящимся «под покровительством и защитой великого российского государства». К заявлению прибавлялась просьба о немедленном занятии русскими войсками на-

Амбын-нойон Гомбо-таджи с семейством.

селенных пунктов Урянхия, так как урянхы опасались со стороны Пекина возмездия за самовольное изгнание китайцев¹.

Русское правительство отлично понимало, что обращение амбын-нойона к России о протекторате отнюдь не встречает ни сочувствия, ни поддержки в тувинском населении, но это обстоятельство, напротив, заставляло его спешить с оккупацией, опираясь на приглашение со стороны амбын-нойона, хотя и не признанного всеми другими хошунами. Кроме того обращение амбын-нойона совпало с заметным ростом враждебного отношения к России среди остальных тувинских нойонов. В этот момент в связи с развитием разнородных течений среди тувинских нойонов у русских властей воз-

¹ Н. Леонов, Танну-Тува, М., 1917 г.

никала мысль «ввиду необходимости установить наблюдение за Урянхайским краем, предупредить там анархию, а также переход урянхов под власть Халхи, командировать в Урянхайский край особо уполномоченное должностное лицо... с возложением на него обязанности по администрированию русских подданных в крае, наблюдение за пропеходящими там событиями, а также по принятии мер к укреплению в крае русского влияния»¹. Этим лицом для заведывания пограничными делами должен был явиться комиссар на границе Урянхайского края, должность которого была связана с выполнением определенных политических задач. В инструкции, выработанной особой междуправительственной комиссией при министерстве внутренних дел, задачи комиссара сводятся к следующему:

1. К удержанию отдельных урянхайских правителей с подчиненными им урянхами, от перехода в подданство Монголии (Ургинского хутухта).
2. К разъяснению этим правителям и урянхам пользы и выгоды для самостоятельного их существования вне зависимости от Китая или Монголии.
3. К приобретению такого влияния над урянхайскими правителями, при котором они обращались бы к русскому чиновнику за советами по всем существенным вопросам внутреннего их быта и самоуправления.
4. К принятию мер к предупреждению анархии в крае и ограждению жизни и имущества проживающих в Урянхайском крае русских подданных.
5. К администрированию русских подданных, проживающих в этом крае»².

Таким образом должность комиссара носила исключительно политический характер. Целью ее было создать соответствующую «обстановку» путем «разъяснения» и «советов» правителям Тувы, чтобы осуществить открытое и прямое присоединение к России. Для придания же убедительности этим «разъяснениям» и «советам» пограничному комиссару давалась вооруженная сила.

Мотивы, под влиянием которых в рядах русской правящей бюрократии созрело такое решение, ясно выражены в цитированном мною «Журнале Междуправительственной комиссии». Когда один из участников совещания, представитель министерства финансов, заметил, что программа совещания ставится несколько шире, чем намечалось в известном уже нам постановлении Совета министров, представитель министерства иностранных дел объяснил, «что в настоящее время политическое положение на Дальнем Востоке настолько проявилось, что требуется принять в отношении Урянхайского края более существенные меры, чем предполагалось Советом министров в конце 1911 г.». Но на поставленный председателем совещания вопрос, не следует ли в виду дипломатической цели командирования учредить в Урянхайском крае должность особого политического агента, тот же представитель министерства иностранных дел указал, «что принятие подобной меры пока не представляется возможным, так как командирование в Урянхайский край, формально считающийся принадлежащим Китаю, международного органа не замедлило бы вызвать нарекания как со стороны самого Китая, так и со стороны других государств (Японии, Америки, Англии и др.), имеющих суще-

¹ Из письма Иркутского генерал-губернатора от 12 VII 1912 г.

² Журнал заседаний, образованный при министерстве внутр. дел Междуправительственной комиссии по выработке мер к укреплению русского влияния в Урянх. крае. «Военно-исторический архив», д. 126 — 724, стр. 272 — 291.

ственные политические интересы на Дальнем Востоке, и притом — и что самое главное — это обстоятельство могло бы послужить поводом для захватов в Китае со стороны других государств. Поэтому, по мнению действительного статского советника Казакова, для выполнения намеченной задачи необходимо учредить административную должность с правами и обязанностями, присвоенными пограничным комиссарам, придав ей лишь некоторые права политического агента».

Совершенно очевидно, что цель создания нового органа в Урянхайском крае сводилась к тому, чтобы не только преодолеть сопротивление тувинских нойонов акту захвата Тувы Россией, но и придать ему характер «добровольного» и мирного присоединения к России. Для этого было наиболее выгодно перетянуть на свою сторону амбын-нойона, а в случае, если бы он выказал неполное послушание, то убрать его, заменив другим, вполне послушным лицом, чтобы ватем подчинить силой всех отложившихся от амбын-нойона хошуновых правителей.

Такова была намеченная программа деятельности того лица, кто под названием «пограничного комиссара» посылался в Урянхайский край. Но изложенное составляло только одну часть программы, хотя и наиболее существенную. Другой ее частью являлась колонизация страны русскими переселенцами, чтобы, как выразился посланный в Туву «ученый» Минцлов, «бесшумно заполнить край русскими и заполучить его явочным порядком». Для получения же его явочным порядком «первым вопросом является приручение нойонов и превращение их из китайских мандаринов в русских помещиков»¹.

Одновременно с посылкой пограничного комиссара для проведения изложенной выше политической программы Совет министров в конце 1912 г. по предложению главного управляющего землеустройством и земледелием постановил командировать в Урянхайский край «в целях оказания хозяйственно-культурной и административной поддержки водворяющемуся там русскому населению в помощь переселенческому (?) комиссару переселенческого чиновника». Посылкой переселенческого чиновника было вложено основание переселенческой организации.

Таким образом с 1913 г.: в Урянхайском крае начинают работать два новых агента русского правительства, каждый с широкими полномочиями: один с политическими функциями, другой с экономическими. Первый должен был «приручать» нойонов, второй — «бесшумно заполнять» страну русскими колонизаторами. Мы в дальнейшем увидим, какими методами происходило «приручение» нойонов, но вначале остановимся на деятельности переселенческой организации, которая должна была разместиться в стране, не вполне еще завоеванной, старых и новых переселенцев, землеустраивая их таким образом, чтобы земельные латифундии русских купцов оставались при этом в полной неприкосновенности.

«Переселенческое управление объявило Урянхай открытым для колонизации. По линии Сибирской ж. д. и по волостям Минусинского уезда широко рекламировались тучные земли Урянхия. В ре-

¹ Минцлов, Секретное поручение, стр. 268.

в результате этих действий в Урянхай хлынула волна переселенцев. Эти переселенцы благодаря своей несознательности оказались для тувинцев еще хуже прежних вольных колонистов и купцов. Последнее при поселении чувствовали себя гостями, иностранцами. Правительство их официально не поддерживало, поэтому они вынуждены были сговариваться относительно земель с тувинцами, что обычно приводило к более или менее сносным (?) взаимоотношениям. Теперь нужно было только спрашивать переселенческих чиновников, а на ховяев яемли, тувинцев, уже не обращали никакого внимания»¹.

Не располагая непосредственными данными о развитии колонизационного потока из России на территорию бывш. Урянхия, приходится обратиться к косвенным свидетельствам для того, чтобы получить представление как о размерах переселенческой волны, так и о распределении переселенцев по отдельным районам. Таким источником служит материал подворного обследования 1918 г., охватившего только русские населенные пункты².

*Движение русской колонизации на территории бывш. Урянхия и распределение русских поселков по районам*³.

Название районов	Всего населенных пунктов	Всего населения обоим пола	Число поселков, основных			То же в процентах		
			до 1903 г. включ.	в период 1900—1911 гг.	после 1911 г.	до 1903 г. включ.	в период 1900—1911 гг.	после 1911 г.
Хемчикский	82	714	15	25	42	18,3	30,5	51,2
Малоеписейский	42	2 132	4	13	25	9,5	31,0	59,5
Подхребтинский	37	3 490	—	9	28	—	24,3	75,7
Тожинский	36	523	14	12	10	39,0	33,3	27,7
Турано-Уюкский	66	2 480	25	25	16	37,8	38,0	24,2
Центральный	30	1 333	8	7	15	26,7	23,3	50,0
Ча-куль-Шагонарский	47	1 286	2	7	38	4,2	15,0	80,8
Всего по бывш. Урянхия	340	11 958	68	98	174	13,5	35,3	51,2

¹ Кайский, Урянхайский вопрос, «Северная Азия» № 4, 1916 г., стр. 20 — 21.

² Материал подворного обследования под названием «Русские населенные пункты Усинского пограничного округа и Урянхайского края по данным подворного обследования 1918 — 1919 гг.» вошел в «Списки населенных пунктов Енисейской губ. и Урянхайского края», издание Енисейского губернского статистического бюро, Красноярск, 1921 г.

³ В материалах дается следующая характеристика районов:

I. Хемчикский — западная часть Урянхия, занимает бассейн реки Хемчика, притока с правой стороны р. Енисей. Район горный. Жизнь сосредоточивается по долинам рек и речек. Туземное население — урянхи (сойоты) — преобладает (более 30 тыс. человек). Главное занятие русских — торговля. Площадь района — 24 100 кв. верст.

II. Малоеписейский — лежит по бассейну р. Малого Енисей от поселка Щербаконки и выше. Горные отроги, нередко подступающие к берегам реки, покрыты смешанным лесом. Занятия русского населения — хлебопашество и рыболовство. Площадь района — 49 500 кв. верст.

III. Подхребтинский — пространство между средним течением рек Элегста (на западе) и Сой-Брен (на востоке), примыкающее к северным склонам

Подавляющее большинство населенных пунктов, до $\frac{7}{8}$ общего их количества на территории бывш. Урянхай, образовалось после 1905 г., причем свыше половины приходится на период после 1911 г., когда колонизация приняла характер организованного и руководимого русским правительством переселенческого движения.

Рассматривая распределение русских населенных пунктов по районам, приходится выделить в особую группу Турано-Уюкский и Тожинский районы с давно осевшим в них русским населением с огромными земельными владениями, принадлежащими старым купеческим семьям. Другую группу составляли районы, в которых процент пунктов, организованных после 1911 г., превосходил средний по стране, т. е. 51,2. Это следующие районы: Малоенисейский, Подхребтинский, Ча-куль-Шагонарский. Перечисленные районы, особенно два последних, были как раз теми районами, куда шел в своей главной массе переселенец и куда его преднамеренно направляла переселенческая организация.

В трех названных районах рост русского населения происходил не только с наибольшей интенсивностью, но население в них достигло относительно значительной величины. В то время как во всей стране насчитывалось русского населения всего 11 958 человек обоего пола, русское население Малоенисейского района составляло 2 132 чел. обоего пола, Подхребтинского — 3 490 чел., Ча-куль-Шагонарского — 1 286 чел., всего таким образом 6 908 чел., т. е. в трех новых районах колонизации сосредоточилось около 60% всего русского населения.

Обходя таким образом районы старой колонизации с латифундиями русских купцов, переселенцы с благословения русских властей, а не благодаря своей «несознательности», как полагает цитированный выше Кайский, становились захватчиками тувинской земли. В первый период приходилось вступать в полюбовную сводку с тувинскими чиновниками, ладить с ними, угощать и давать взятки, после же укрепления русской администрации в стране получение земли больше не нуждалось в санкции тувинских властей и совершалось в форме открытого захвата.

Началась упорная борьба тувинцев с новыми переселенцами за свои земли, в форме массового угона скота и лошадей. «Кайгалы»

гор хребта Таниу-Ола. Район степной, исключая ближайшей к склонам Таниу-Ола части. Главное занятие русского населения — земледелие. Среди русских подавляющее количество переселенцев 1917—1918 гг. Площадь района — 8 750 кв. верст.

IV. Тожинский — занимает бассейн р. Большого Енисея от долины р. Ута и выше. Район — горютаежный. Главное занятие русских — рыболовство, у туземцев развито оленеводство. Площадь района — 45 650 кв. верст.

V. Турано-Уюкский — находится по бассейнам рек Уюк и Туран. Район степной, окранный горы. Занятия русского населения — земледелие и скотоводство. Площадь района — 4 800 кв. верст.

VI. Центральный — занимает центральную часть края: пространство нижнего течения рек Большого и Малого Енисея и побережье р. Енисея от стрелки до рр. Барлык и Нижний Баликол. Занятия русского населения — скотоводство и земледелие. Район горно-степной. Площадь — 6 500 кв. верст.

VII. Ча-куль-Шагонарский — лежит к востоку от Хемчикского района по бассейнам рек Ча-куль и Шагонара. Восточная его граница — р. Барлык (приток правой стороны р. Енисея). Район лесостепной. Занятия русского населения — земледелие и торговля. Площадь — 5 500 кв. верст.

(конокрады) пользовались уважением в народе, который был бес-
 силен в другой форме выразить свой протест против производимого
 над ними насилия и ограбления. Переселенцы обыкновенно при
 поимке конокрадов забивали их до смерти. В населении самоуправ-
 ство русских пришельцев, опиравшихся на поддержку русской
 администрации и подстрекаемых ею, вызывало возмущение, готовое
 вылиться в форме поголовного истребления насильников. Донесения
 русских чиновников то и дело нестрят сообщениями о столкновениях

Русская деревня Сосновка, под Танну-Ольским хребтом.

между тувинцами и русскими переселенцами на почве земельных
 захватов, с одной стороны, и угона скота — с другой¹.

Назначение пограничного комиссара, должность которого была
 занята чиновником при иркутском генерал-губернаторе Церериным,
 начало в скором времени давать некоторые плоды. Немедленно после
 своего приезда Церерин завел «дипломатические» переговоры с
 нойонами и высшими ламами, цель которых состояла в том, чтобы
 склонить их просить «белого царя» принять Туву под свое покрови-
 тельство. Одновременно он всеми имеющимися средствами стре-

¹ Любопытно отметить, что агент Переселенческого управления Минцов обвинял русских купцов чуть ли не в подстрекательстве этого движения. Он писал в своем донесении «Гг. «русские» купцы, пользующиеся среди сойотского чиновничества большим влиянием, не стеснясь позволяют себе враждебно на-
 страивать нойонов против русских и подают им советы не допускать в край но-
 вых переселенцев и выкидывать уже поселившихся путем систематической кражи
 у них скота и лошадей. Одним из вреднейших в том отношении в крае людей
 является М. И. Бяков, богатый старожил, имеющий факторию на р. Хемчик,
 антирусская деятельность которого может считаться установленной». (Дело
 1914 года, № 55 по делу производства Переселенческого управления).

мился обеспечить поддержку амбын-нойона, который, как мы знаем, первым перешел на сторону русской власти, рассчитывая с ее помощью укрепить свое положение в стране.

По истечении полутора лет после первого обращения амбын-нойона о русском протекторате, поступил ряд новых «прошений». Одно из них было от главного ламы Хамбу-ламы, сводного брата покойного нойона Хайдуна. Леонов, из брошюры которого я позаимствовал известие об этом обращении, излагает его содержание следующим образом: «В прошении этом указывалось, что просить о покровительстве России тувинцев побуждают следующие обстоятельства:

1. Обременительные требования монголов к уряхам за последние годы значительно возросли благодаря неравномерному распределению повинностей.

2. Родовой правитель Гун-нойон-Баян-баторху подвергается со стороны монголов различным стеснениям.

3. Проезжающие монголы-чиновники чинят насилия уряхам.

4. Русское население (говорит Хамбу-лама) смешалось с туземным, и материальные интересы их тесно переплелись между собой.

5. Объявление Церерина о том, что Россия имеет исторические права на Урянхай.

На основании вышеизложенных соображений, танну-урянхайцы, по словам Хамбу-ламы, пришли к убеждению, что для них всего лучше будет «благочестиво преклониться» перед покровительством и защитой России¹.

В октябре 1913 г. были поданы два новых «прошения» о покровительстве со стороны России от имени Гун-нойона — Баян-баторху и от правителей хошуна Байсе. Баян-баторху в своем обращении писал:

«Около трехсот лет тому назад (в 1616 г.), при первом русском царе из царства рода Романовых Михаиле Федоровиче, предки наши — говорились в прошении, — присягнули на подданство России через первого русского посланца в этом крае — Василия Туменца, и с того времени покровительство императоров из дома Романовых урянхайскому народу продолжалось в течение более 60 лет(?). Но после этого покровительство России уряхам почему-то(?) прекратилось, и наш маленький народ... постепенно и незаконно подпал под влияние императоров манчжурской династии, приняв китайское подданство. Такова истинная история нашего народа.

Ныне с упразднением в Китае манчжурской династии и с провозглашением Монголии своей независимости я и мой хошуи остались без покровительства, а существовать самостоятельно мы, уряхи, ввиду нашей малочисленности попрежнему не можем, а потому я и мои духовные и светские чиновники и весь народ после тщательного и продолжительного обсуждения создавшегося положения единодушно решили просить великого цеген-хапа принять весь хошуи под свою высокую державную руку и покровительство, оставив нам, если это будет признано возможным, те немногие особенности нашего быта, которые изложены в особом отдельном списке».

К этим прошениям был приложен следующий «список просьб и желаний Кемчигольского хошуна»².

1. Уряхи Кемчигольского хошуна уже много лет, как исповедуют желтую религию (ламаизм) и просят исповедание таковой оставить попрежнему и на будущее время.

¹ Н. Леонов, Танпу-Тува. Страна голубой реки, стр. 44.

² Дело Департамента общих дел министерства внутр. дел, № 233 «О русских интересах в Урянхае» Люца.

2. Кочевья нашего Хемчигольского хошуна на юге соприкасаются с двумя дурбетскими, западным и восточным, аймаками, с хошунами Унен Цэорингу Хана и Батд Урегелту Далей Хана. При династии Цин были отделены границей по караулам: Ценерагака, Хандагайту, Борочичету, Бонгонигулуй, Урондор и Чихирисутай. Но ранее граница находилась вне установленной границы, куда просим населениям насильно провозмцев (в данном случае урянхи разумеют киргизов, недавно поселенных монгольским правительством по границе Урянхал) не допускать.

3. Хемчигольский хошун представляет собой скалистую и угловатую местность, а потому наши бедные урянхи, занимаясь скотоводством (четыре видов), преимущественно выбирают для своих постоянных кочевков местность с пастбищами и водой, а для пропитания им служат в горах звери и в реках рыба, что ведется непрерывно из рода в род. И потому просим нас от разного рода пошлин на эти предметы избавить. А также не увеличивать русское население, которое бы застраивалось и занималось хлебопашеством, кроме проживающих здесь торговцев.

4. Наши необразованные урянхи издавна не имели случая постигнуть военную службу, а потому просим от отбывания воинской повинности их пока избавить.

5. Просим также оставить по-старому, не изменяя, всем чиновникам и народу образцы их платья, косы, шарфы и сульпаны (павлиньи перья) на шапках чиновников».

Когда «прошения» двух Хемчигольских хошунов были получены русским правительством, вопрос о захвате Урянхал оказался уже настолько «созревшим», что разрешение его пошло с неслыханной для царской бюрократии быстротой. Уже в начале 1914 г. царь утвердил доклад министра иностранных дел (Сазонова) «о принятии населения Урянхайского края под покровительство Российского правительства».

Из переписки петербургских министерств, возбужденной получением указанных «просений», представляет некоторый интерес письмо Сазонова, адресованное министру внутренних дел, неизвестному Маклакову, освещающее политику русского правительства в «урянхайском» вопросе накануне оккупации.

Сообщая о получении «просений» Хемчигольских хошунов, Сазонов пишет:

«Как известно вашему превосходительству, правительство признало нужным действовать в урянхайском вопросе с осторожностью и постепенностью. Те причины, которые обусловили такое направление нашей политики, отсутствие путей сообщения между Сибирью и Урянхайским краем и являющаяся последствием сего отрезанность названного края от России не могли быть до сих пор устранены; в течение шести месяцев в году доступ из Минусинска в Урянхайский край становится почти невозможным. Благодаря этому мы не располагаем в Урянхае той силой, которая была бы необходима, чтобы ныне же объявить его русской территории и его население русскими подданными. К тому же такое радикальное решение вопроса несомненно повело бы к некоторой ломке внутреннего строя урянхов. Между тем в своих прошениях хошуны Да и Бэйсе выставляют, правда, лишь в виде пожелания, условиями своего подчинения русской власти неприкосновенность их нынешнего строя. Вышеизложенные соображения побуждают меня примкнуть к мнению Иркутского генерал-губернатора, что урянхов следует пока принять не в русское подданство, а лишь под русское покровительство...

Что касается вышеупомянутых условий, ставимых урянхами хошунов Да и Бэйсе своему присоединению к России, то я не думаю, чтобы нам следовало связывать себя в этом отношении какими-либо обязательствами, хотя нельзя и игнорировать их пожеланий. Время покажет, в какие формы выльются отношения урянхов к русской власти».

Самое объявление «высочайшей воли» было обставлено с возможной торжественностью. Она была отдельно объявлена амбын-нойону,

вatem хемчикскому нойону и правителю хошута 1/ отоков (так стал называться хошун Бэйсе) и наконец населению сумонов Мады и Чоду.

Управление последними двумя сумонами было передано чиновнику «таригун — цзайсану». На должность бугуда-тарги (главнокомандующего) самого многочисленного хошута Бэйсе был назначен Чжимба, сторонник русской ориентации.

В июне 1914 г. пркутский генерал-губернатор сообщил Церерину, что Урянхайский край принят под покровительство России. Объявление протектората повлекло за собою двойного рода обязательства, наложенные на тувинских нойонов: во-первых, не иметь никаких самостоятельных сношений с иностранными государствами, в том числе и с Монголией, и, во-вторых, все споры и недоразумения между отдельными хошунами подвергать на решение представителя России в Урянхае. Все правители должны были выдать письменные заверения о строгом соблюдении этих обязательств.

На фоне приближающейся мировой империалистической войны объявление протектората России над Урянхайским краем осталось незамеченным во внешнеполитическом мире. Захватнический характер этого акта и империалистические мотивы его нашли свое разоблачение в одной только газете «Миусинский край», издававшейся тогда в Миусинске. Это была легальная газета большевистского направления, выходившая в пору подъема рабочего движения накануне мировой войны. Статья эта носила название «Захват Урянхай».

Приведем наиболее существенные выдержки из нее:

«Мы стоим лицом к лицу с новым территориальным захватом: открыто, среди бела дня, экспроприируется от Китая принадлежащая ему территория».

«В 1911 г. во время конфликта с Китаем па-за торгового договора 1881 г. вопрос об «исправлении» пограничной линии между Урянхайским краем и нашим Усинским округом был подхвачен и нашей «патриотической» прессой. По словам «Нового времени» Урянхай принадлежал когда-то России и только по небрежности русских дипломатов попал в руки китайцев. Если эту оплошность не исправить, Урянхайская область, которая «глубоко вдается в самый центр Сибири», сделается в будущем «форпостом со стороны обновленной Срединной империи, угрожающим разрезать Сибирь пополам».

Далее в статье говорится:

«С одной стороны, они добиваются присоединения края, чтобы создать в нем ряд теплых местечек для пенциков-нашего объединенного дворянства, которым становится уже тесно на родине. Но в деле есть и экономическая сторона. Сторонники аннексии выступают не только в качестве защитников дворянских аппетитов, они стремятся оградить и интересы русского купечества».

«Купцы добиваются присоединения края к России, чтобы, опираясь на поддержку власти, утвердить свое экономическое преобладание в крае (рядом первоначального накопления). Для этого заинтересованными кругами распространялись басни о желании союзов перейти в русское подданство, под власть «Белого царя», который, по словам Родевича, имеет давнее обаяние среди населения».

«Территориальный захват встречает поддержку со стороны либерализма, антидемократическая сущность которого выступает особенно ярко в вопросах внешней политики. Так как русская дипломатия потерпела решительное поражение на Ближнем Востоке, ее расчеты на территориальное расширение и резуль-

тате балканской войны потерпел полное крушение; центр тяжести переносится в Азию, на Средний и Дальний Восток; Персия, Монголия превращаются в русские провинции. Вдохновителем дальневосточного империализма является русская буржуазия».

Далее цитируется статья «Наша внешняя политика» из издаваемого Мигулиным журнала «Новый экономист» (1914, № 1 — 2): «Подобную же политику можно было бы рекомендовать нашему правительству». Правда, «Новый экономист» советует купить Урянхайский край, но покупка является замаскированной формой захвата, что видно из следующих слов: «О согласии нынешних — по счастью для России бессильных — правительств Монголии и Китая говорить не приходится, так как в данном случае положение России таково, что она может продиктовать свою волю при известной настойчивости и твердости». Захватом внешних рынков буржуазия стремится возместить недостаток внутренних рынков.

«Наша антидемократическая буржуазия давно солидаризировалась с нами (т. е. с руководителями внешней политики). Только русская демократия в состоянии дать отпор подобной политике и поставить в порядок дня вопрос о коренной внутренней реформе».

На другой же день по объявлении протектората Церерин обратился к амбын-нойону с предписанием «немедленно восстановить его амбынскую власть над Салжакским и Тожинским хошунами. В случае неповиновения названных правителей предлагалось сместить их и заменить другими, причем Церерин обещал амбыну необходимую помощь».

Настаивая на подчинении нойонов, салжаков и тожинцев оюннарскому амбын-нойону, Церерин «обосновывал» свое требование следующим образом: «Ввиду того, что амбын-нойон, когда он подавал прошение на высочайшее имя, писал эту просьбу не только от своего имени, но и от подчиненных (?) ему урянхов — салжаков и тожинцев, то естественно и принятие под протекторат России должно распространяться на всех этих урянхов, т. е. на Оюннарский, Салжакский и Тожинский хошуны. Между тем нойоны двух последних хошунов, пользуясь смутным временем, отделились от амбын-нойона и признали монгольское подданство».

Когда таким образом последовало высочайшее повеление о признании урянхов под покровительство России, то я, объявляя ему об этом, естественно должен был включить салжаков и тожинцев в его управление, но считаясь с тем, желают это салжаки и тожинцы или нет (!)¹.

¹ Из письма Церерина от 19 июля 1914 г. В цитированном письме мы находим один характерный мелкий штрих, рисующий методы колониального управления. Церерин пишет своему корреспонденту: «Известного Вам Чулдум я поставил во главе модницев и чжодинцев, присвоив ему наименование «теригунцайсан» — главноуправляющий цайсан, предоставив ему право, для поднятия престижа власти в глазах населения, носить красный шарик 2-й степени. Во время недавнего своего приезда в с. Усинское Чулдум заявился ко мне без чиновничьей шапки и без красного шарика. Не откажите... по-приятельски вынуть Чулдуму, чтоб он непременно носил красную шапку — это поднимает его в глазах урянхов, которыми он теперь управляет».

Несмотря однако па все «дипломатическое искусство» Церерина, Салжакский и Тожиинский хошуны продолжали не признавать протектората России и сносятся с монгольскими властями. Больше того, даже маршкетка русского правительства, сам амбын-нойон начал колебаться в своей верности «Белому царю». В одном из своих писем Церерин сообщает: «Сегодня получил частное известие, будто амбын-нойон и урянхи ввиду крайнего недовольства их действиями переселенческого ведомства завели сношения с китайцами о присоединении их снова к Китаю и будто бы собираются изгнать русских».

Трусливая «оппозиция» тувинских нойонов и их приближенных объяснялась агентами русского правительства как следствие недостаточности твердого курса в системе управления только что оккупированной страной, в которой угрожающе росли возбуждение и ненависть к завоевателям со стороны тувинского народа. По мере расширения потока колонизации усиливался напор переселенцев на экономические позиции коренного населения, в первую очередь на его пастбища и прочее. Вполне естественным казалось опасение, что коренное население, под давлением обрушившегося на него бедствия, могло ответить на него открытым восстанием и тем осложнить «тихую работу» по завоеванию страны. В такой обстановке колебания нойонов казались колонизаторам опасным симптомом. Для того чтобы предотвратить растущую угрозу восстаний, царское правительство сочло необходимым ликвидировать «либеральную» политику «уговоров» и «советов». Сладкие речи Церерина отслужили свой срок. Русское правительство взяло курс на свирепую расправу с недовольными.

Представителем этого направления явился новый комиссар Григорьев, получивший от правительства более широкие полномочия. Григорьев явился в Туву уже в звании «комиссара по делам Урянхайского края». В одном из своих писем (от 17 декабря 1914 г.) Церерин, сообщая своему корреспонденту о назначении Григорьева, отмечает вместе с тем и политическое значение этого факта.

«С назначением Григорьева комиссаром нужно считать вполне выяснившимся вопрос о направлении политики нашего правительства в Урянхайском крае, и не может быть более сомнения в том, что политика эта выразится в заселении края русскими рядовыми переселенцами... Как он поступит с несчастными урянхами — не берусь судить. Итак — конец Урянхаю и урянхам! Через 2 — 3 года здесь будет две-три русских волости, столько же инородческих (сойотских) и сам Урянхайский край будет называться частью Минусинского уезда Енисейской губернии».

Новый комиссар по вступлении в должность прежде всего обратился с циркулярным предписанием к нойонам и чиновникам, в котором он объяснял последним то новое политическое положение, в котором очутилась Тува после объявления протектората России.

«Великая Российская империя, объявив состоящей под своим покровительством Урянхайскую землю, тем самым приняла эту землю и обитающий на ней урянхайский народ под свое единоличное попечение. Поэтому со дня объявления означенного покровительства никакое другое государство кроме упомянутого великого российского не может без согласия последнего через своих обыкновенных подданных, духовенство или чиновников, проявлять какую-либо деятельность в Урянхае, а тем более посягать на его управление, т. е. облагать народ

подать им, судить урляхайцев, их наказывать, требовать объяснений от урляхайских чиновников или от самих нойонов, в противном случае каждое иностранное государство будет в ответе перед русским правительством. Поэтому же для урляхайского народа, его чиновников и самих нойонов попечение русской власти является безусловно обязательным даже в том случае, если бы кто из народа, чиновников или самих нойонов вместо русского попечительства над Урляхаем желал какого-либо другого. Поэтому же если кто-либо из урляхайского народа, его чиновников или самих нойонов стал бы вести какие-либо политические переговоры в отношении например подданства с каким-либо иностранным государством или владетельным правителем, собирать для них подати, давать какие-либо поспешные объяснения и справки, содействовать по своему усмотрению, а не противодействовать, как это следует, проследу иностранных чиновников или простых агитаторов, то, во-первых, совершил бы неразумное, беспорядочное дело, ибо ни правители всех хошунов Урляхай в полной их совокупности, ни тем более отдельные хошунные нойоны, сколько бы того ни хотели, сколько бы ни рассчитывали на поддержку для себя откуда-либо извне Урлях, какие бы старания ни употребляли, чтобы заменить русское покровительство над урляхайским народом покровительством другого государства, сделать это совершенно бесполезно, и судьба урляхайского народа будет слагаться под могущественным руководством русского императора, а, во-вторых, все виновные в указанных действиях люди, кто бы они ни были, особенно чиновники, а тем более нойоны, будут решительным образом привлекаться мною к ответу и наказываться в соответствии с русскими законами за неправильное отношение к русскому покровительству и неисполнение требований русских властей».

Немедленно вслед за этим обращением началась расправа с непокорными нойонами и чиновниками, а главное и с тувинскими трудящимися массами¹.

Свой новый курс управления Григорьев начал прежде всего со смещения ненадежного амбын-нойона и с подыскания на смену ему более подходящего лица, которое отличалось бы абсолютной покорностью. На р. Шормук на съезде представителей хошунов, состав которого был специально подобран комиссаром, в таинственной обстановке под диктовку комиссара был смещен старый амбын-нойон Гомбо-тайдики и на его место был избран один из самых ненавистных населению феодалов, Агван-демичи.

Агван, едва только заняв должность амбын-нойона, начал по указанию своего патрона (Григорьева) расправу со сторонниками низложенного нойона, которые явились первыми жертвами установленного Григорьевым режима.

«49 человек арестованных казаками Агван посадил в пазу, где с трудом могло поместиться 15 — 20 человек и в первую же ночь один из арестованных задохся. Остальных жестоко пытали, требуя, чтобы они выдали своих вдохновителей. Пытки продолжались целый месяц с небольшими перерывами, несколько человек умерло, а остальные не выдержали истязаний и выдали весь план предполагавшейся борьбы, всех участников. Начались массовые аресты и массовая порка. Все лучшие люди Юнинарского хошуна попали в эту переделку, и большинство из них не вынесло пыток, созналось в своем намерении свергнуть Агвана и не подчиниться Григорьеву и заявило свою полную покорность».

Расправившись «с крамолой» в центре, Григорьев направил от-

¹ Описание завоевательного похода Григорьева против тувинского народа подробно дано Сафьяновым, очевидцем этой расправы российского помпадур над беззащитным и безоружным населением. Все нижеследующее основано на материалах И. Сафьянова.

ряд казаков на подавление двух сумо: «Сайон» за р. Тес и «Киргиз» по правым притокам р. Тес-Эрвину и Нарыну, отложившихся от Оюнаевского хошуна и объявивших себя самостоятельными. Но в Сайон-сумо карательная экспедиция однако застала на кочевьях одних женщин с детьми, все мужчины этих сумо бежали вглубь Монголии.

В Киргиз-сумо отряд направился в ставку чанги, объявившего себя нойоном. Новый нойон после оказанного им сопротивления был арестован казаками и отправлен в с. Усинское.

После этих подвигов предстояло покорить два восточных хошуна: Салжакский и Тожинский, нойоны которых до тех пор отказывались признать русскую власть.

В первую очередь была произведена операция над салжакским нойоном по превращению его из «монголофила» в «руссофила». Прдержав его под арестом целый месяц, Григорьев добился своего, после чего нойон был отпущен домой с наказом, как ему следует себя впредь вести.

Ближайшим результатом «покорения» Салжакского хошуна было то, что его нойон также обратился к комиссару с просьбой о принятии в подданство России.

«В свое время, — писал он в прошении, — смущение и растерянность наши были столь велики, что с нас собрали тяжелый албан, сданный Джалхандаг-хутухте». На будущее время он обещал бесповоротно считать себя подданным русского государя...

Теперь осталось только «покорить» Тожу.

Прибыв с отрядом казаков на Тожу, комиссар вызвал к себе тожинского нойона Томута, который на другой же день приехал со свитой своих чиновников в числе 60 человек, вооруженных ружьями. «Когда комиссару доложили о приезде нойона со столькими вооруженными людьми, он послал казака сказать, что примет его одного, причем потребовал, чтобы его чиновники отдали казакам свое оружие. Огурда отказался ехать один и отказал в выдаче оружия, подчеркнув, что ведь и комиссар приехал к нему с вооруженной свитой и ему непонятно, почему к нему предъявляется требование о разоружении его свиты. Раздраженный такой «непокорностью» сойотского нойона, комиссар приказал казакам отобрать оружие у сойот и огурду привести к нему силой, при этом просил казаков действовать осторожно, крови не проливать, пуская в ход только нагайки и действуя шашками плашмя. Исполняя приказание комиссара, казаки нагрянули на сойот с помощью шашек и нагаек, ружья у них отобрали «без кровопролития», впрочем у самого огурды, защищавшегося от ударов казацкой шашки, оказалась порезанной рука. Расправившись с сойотскими чиновниками, казаки силой приволокли к комиссару огурду, не желавшего к нему идти. Разгневанный комиссар начал кричать и топтать ногами на сойотского нойона, сорвал с него шапку (высшая у сойот степень оскорбления), шарик бросил, а шапку начал топтать ногами и объявил затем нойона арестованным и лишенным звания огурды за такое неповиновение, а также объявил ему, что отправляет его на Ус для заключения в тюрьму». В результате переговоров было получено согласие комиссара на освобождение Томута и на избрание нового хошунного нойона. «Так как в свите Томута

паходились почти все чиновники Тожппского хошуна, то они тут же устроили совещание и избрали своими нойоном отсутствующего Намына, помощника старого огурды, носившего монгольский титул сайгурчи и обладавшего красным коралловым шариком на шапке, о чем и объявили затем комиссару. Комиссар признал это избрание и на следующий день принял Намына как нового нойона с визитом, а Момута освободил из-под ареста».

С «покорением» Тожи была осуществлена первая часть программы нового комиссара. После этого наступила пора для «творческих» действий новой власти.

Одним из первых действий в этом направлении была почти полная отмена существовавших до этого времени судебных порядков. Новый порядок судопроизводства и судоустройства был предметом обсуждения специального заседания Совета министров вскоре после того, как был окончательно решен вопрос о протекторате (16 мая 1914 г.). Совет министров одобрил предложения министра юстиции, сводящиеся к распространению компетенции русского суда, подчинению его ведению «более важные судебные дела урянхов». Новый порядок судоустройства и судопроизводства был приписан комиссаром в циркулярном предписании от 2 декабря 1915 г. нойонам и чиновникам. В этом предписании, полный текст которого приведен в книге Нацова, он между прочим писал:

«Русское правительство, приняв под свое покровительство Урянхайскую землю, где почти совершенно отсутствует правосудие, благодаря чему во многих местах замечается большое развитие своеволия сильных и притеснение слабых, где местами до крайности развилось конокрадство и скотокрадство, где должники например перестали считать необходимым уплату сделанных ими долгов и прочее, поставило своей задачей водворить среди урянхайского населения правосудие. Для этого правительство, с одной стороны, стремится достичь того, чтобы в тех случаях, когда действует суд урянхайских чиновников, т. е. по делам сравнительно небольшой важности, этот суд действовал возможно чаще и справедливей, а, с другой, чтобы русский суд по делам более важным мог действовать в Урянхае беспрепятственно.

До последнего времени деятельность русского суда в урянхайских хошунах затруднялась главным образом трудностью вызовов к расследованию преступлений и к судебным разбирательствам не только свидетелей, но и обвиняемых главным образом потому, что урянхайцы не привыкли к точному исполнению требований русских судебных властей и чиновников полиции, с другой, хошунные и сомонные власти, оказывая содействие правосудию, недостаточно знали в чем и как оказывать должное содействие этому правосудию.

Такое положение дел в хошунах не может быть допущено в дальнейшем. Правосудие должно совершаться неуклонно и беспрепятственно...».

Все судебные дела должны были впредь разбираться по русским законам у мирового судьи, более важные отсылаются в окружной суд. В 1915 г. русский суд в лице мирового судьи Барашкова уже открыл свои судебные заседания в Туве и первыми его подсудимыми были хемчикские тувинцы, любезно переданные русскому судье с разрешения Гун-нойона. В течение короткого времени Барашков присудил к уплате русским купцам и переселенцам в возмещение украденного у них скота «круглую» сумму в триста тысяч рублей. Распоряжения русской полиции должны неуклонно выполняться всеми чиновниками хошунов. Над каждым хошуном поставлен полицейский пристав, которому подчиняется вся туземная власть. Все хошунные печати, высланные в свое время из Монголии взамен

китайских, были отобраны, но новыми русскими они не были заменены. Так как население тут придает печати большое значение как символу власти, то лишение печати означало низведение всех органов туземной власти до уровня самой низкой полицейской власти.

Одновременно со всеми этими мероприятиями по превращению тувинских хошунов в русские волости с русским судом и русской администрацией был начат учет населения и его хозяйственной мощи с целью обложения новым налогом. Интенсивнее заработала переселенческая организация. Во всех хошунах начали производиться топографические съемки и обмеры тувинских угодий. Намечаются и выделяются пригодные для колонизации участки с тенденцией предоставить русскому населению лучшие земли в возможно большем количестве ¹. В одном 1915 г. переселенческой организацией было засято 325 тыс. дес. Съемкой была охвачена главным образом северо-западная часть края, поселки Туран, Уюк и другие по Ха-хему. В течение двух ближайших лет (1916 и 1917 гг.) переселенческая организация предполагала удвоить численность русского населения. В более отдаленном будущем она рассчитала разместить русское население, в 10 раз превышающее по количеству его состав в 1915 г. Земельные фонды ближайших лет должны были составить земли, лежащие по Ха-хему, по системе Межегея, у пос. Владимировки, и по Улу-хему, между Элэгесом и Шагонарыгом, т. е. предполагалось отеснить коренное население к горам и к верховьям рек. Описывая «достижения» переселенческой организации в Урянхайском крае, ежегодный отчет Переселенческого управления заканчивает его следующими словами: «Таково предполагаемое будущее нашей новой окраины «Засаянская Русь». Приняв новые кадры засельщиков, богатый Урянхайский край должен сделаться вполне русским, так как выходцы из России численно сравняются с туземными и может быть будут преобладать над ними» ². Впрочем автор признает, что уже и в настоящее время русских переселенцев можно считать полными хозяевами края ³.

В неразрывной связи с описанными мероприятиями, преследующими цель водворения переселенцев на новые места, проводятся меры по переходу на оседлое положение кочевников ⁴. Смысл этого последнего мероприятия заключается в максимальном сокращении землепользования коренного населения. Переселенческие органы потихоньку подготавливали его по известным нам образцам русских колониальных «окраин» (Бурятия, Казакстан, Киргизия и др.). Тувинское население, несмотря на подавляющее превосходство ви-

---

¹ В заседании от 16 мая 1914 г. Совет министров, рассматривая проект инструкции для «Комиссара по делам Урянхайского края», остановился на статье 27-й инструкции, согласно которой комиссар при составлении плана переселенческих работ в крае входит предварительно в сношение с туземным населением о добровольной (!) уступке им земель для русских переселенцев. Совет министров постановил исключить из этой статьи указание на предварительное сношение комиссара с туземным населением, открывая путь для полного произвола переселенческих чиновников в деле экспроприации тувинских земель.

² «Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г.», II., 1916, стр. 327 — 338.

³ Там же, стр. 313.

⁴ Там же.

воевателей, совсем не склонно было покорно терпеть совершаемое над ним разбойническое насилие. Свидетели и очевидцы неоднократно сообщают о попытках того или иного улуса, а иногда и целого сумо-оказать сопротивление насильникам. Столкновения между тувинцами и новоселами то и дело принимают характер небольших сражений, которые заканчивались обычно вмешательством приставов и стражников, тюрьмой и поркой. При одном таком столкновении приставу Александрову с его отрядом пришлось брать приступом тувинский улус. Захваченные в этом деле 6 человек пленных тувинцев были отправлены в минусинскую тюрьму, где трое из них умерли, а трое были присуждены судом к каторге.

В то же время ненависть народа обрушивалась на тех своих чиновников, которые служили верой и правдой иноземным поработителям. Особенно ненавистен был новый ставленник комиссара Агван. Когда он возвращался с богомолья в сопровождении пяти казаков и трех чиновников, его застрелили. Убийц задержать не удалось. Убийство Агвана вселило такой страх в комиссара Григорьева, что он просил генерал-губернатора Пильца прислать в «Урянхай» полк солдат. Впрочем этот террористический акт оказался единичным выступлением, и Григорьев с новым рвением принялся за дело «введения порядка и спокойствия» в завоеванной стране.

---

6. Экономические взаимоотношения дореволюционной Тувы с царской Россией

(К вопросу о неэквивалентности обмена).

Неэквивалентность обмена между Россией и Тувой. Анализ ввоза и вывоза. Структура торгового баланса как выражение господства интересов торгового капитала в русско-тувинской торговле. Преобладание натуральной формы обмена над денежной. Динамика русско-тувинской торговли. Характерные черты воспроизводства. Место и форма реализации торговой прибыли. Маркс о путях перехода от феодального к капиталистическому способу производства. Каким путем шло развитие дореволюционной Тувы?

Изучая общественно-экономический строй дореволюционной Тувы условия и силы, под влиянием которых он сложился, необходимо особо выделить вопрос об экономических взаимоотношениях между Тувой и царской Россией, которые выступают перед нами как отношения колонии и метрополии. С одной стороны, Тува, маленькая колониальная страна, натурально-хозяйственная основа которой была значительно подорвана иноземным торгово-ростовщическим капиталом, опиравшимся в своей разрушительной работе на поддержку туземного феодального класса. С другой стороны, Россия, огромная военно-феодальная империалистическая держава, которая захватила и подчинила себе Туву как в экономическом, так и в политическом отношении.

Внешние экономические связи этих двух стран, выраженные в форме торговых отношений, характеризовались в основном неэквивалентностью обмена. Ставя вопрос о неэквивалентности обмена, я в данном случае имею в виду не тот его источник, который заключается в обмене между странами неодинакового экономического развития, когда труд более развитой страны выступает как труд более высокого удельного веса. Более отсталая страна с производительностью и интенсивностью труда ниже того среднего уровня, который складывается на мировом рынке, отдает всегда при обмене овеществленного труда *in natura* более чем получает¹. Тува уже в силу этого закона при обмене своей пушнины, скота и шерсти на русские ситец, топоры и чай принуждена была отдавать большее количество своего труда за меньшее количество чужого. Но не одно только действие закона стоимости определяло те пропорции обмена, которые фактически установились между тувинской и русской продукцией, не одно его действие привело к тому, что тувинские товары вывозились по дешевым ценам, а продукты метрополии приобретались по дорогим. Основное и решающее значение в вопросе о неэквивалентности

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1-я, стр. 213.

обмена играли «обсчет и обман», которые с неизбежностью вытекали из отношений, с одной стороны, кочевника, только что и притом неполно оторванного от пуповины натурального хозяйства и, с другой стороны, паразитически его эксплуатирующего, оборотистого и хищного купца и ростовщика. В главе 3 были приведены многочисленные иллюстрации «обсчета и обмана». Политическое подавление Тувы русским военно-феодалным империализмом могло только служить новым стимулом к усилению нажима на непосредственного производителя со стороны торгового капитала.

Механизм внутренней и внешней торговли Тувы был чрезвычайно прост. Купцы закупали в России продукты фабричной и кустарной промышленности, находившие сбыт на тувинском рынке. После обмена своего товара на тувинскую продукцию (пути и методы этого обмена были детально описаны выше) торговый капитал, на 100% русского происхождения, оказывался обладателем скота, пушнины, шерсти, кожи и прочего, которые вывозились им из страны и сбывались на русском рынке.

Простота механизма внутренней и внешней торговли дает возможность не только сопоставить между собой в денежном выражении оба товарных потока, один из которых направлялся в Россию, другой из России, но, сравнив их между собой, прийти к заключению о пропорциях обмена, установившихся между этими странами. Задача заключается в том, чтобы вопрос о неэквивалентности обмена между метрополией и колонией представить в конкретной форме и, поскольку это позволит материал, определить масштаб неэквивалентности обмена и те социальные группы, которые в конечном счете присваивали избыток, получаемый при обмене.

Приступая к выяснению этого вопроса, необходимо прежде всего отметить полную неудовлетворительность тех данных, на основании которых только и можно получить представление о товарообороте между Россией и Тувой. Систематически учет привозимых товаров совершался только в одном пункте: в дезинфекционной камере на Енисее при устье р. Уса. Между тем вывоз и ввоз товаров происходил не только по Енисею, но и по различным тропам, ведущим из Тувы в Россию (Амыльская, Абаканская, Буйбинская), где не производилось никакого учета.

В 1915 г. управление «комиссара по урянхайским делам» разослало русским торговцам в пределах бывш. Урянхия и Успенского округа опросные бланки для получения сведений о размерах торговли. Ответы были получены только от $\frac{3}{4}$ всех лиц, торговавших в крае. Как лица заинтересованные торговцы сплошь и рядом давали неправильные сведения, скрывали истинные размеры своих оборотов и т. д. Анализ доставленных торговцами данных обнаруживает большое расхождение их с действительностью. Например из этих данных при сопоставлении вывоза и ввоза следовало, что сумма привозимых в край товаров превышала сумму вывозимых оттуда, что было бы верно, если бы русские купцы оставляли свои накопления в стране. Между тем неприкрашенная история русской торговли с Тувой является классическим образцом колониального грабежа, совершавшегося под видом торговли. С другой стороны, торговая прибыль, как правило, вывозилась из страны в виде продуктов производства

страны и затем уже реализовалась путем продажи внутри России.

Агроном Турчанинов в свое время занялся проверкой полученного материала и с самого начала отнесся к законным недоверием к «статистике» ввоза и вывоза,¹ но за неимением других более правдоподобных данных произвел сложную работу по проверке каждой цифры путем дополнительного опроса, сопоставления с данными из других источников и т. д. В результате довольно кропотливой работы над данными опроса и сведений дезинфекционной камеры за 4 года (1911 по 1915 г.) ему удалось с некоторым приближением к истине выяснить размеры торговых оборотов между Тувой и Россией.

По этим данным сумма общего импорта складывалась в 1915 г. из следующих статей ¹:

Вывезено из России в быт. Урянхай в 1914/15 г.:

Мануфактура	133 821 руб.
Чай	105 942 »
Хлебные товары (мука, крупа и пр.)	73 958 »
Табак	28 324 »
Кожевенные товары	18 802 »
Разный мелкий товар и товар без подразделения	23 078 »
Сахар	20 000 »
Железные и медные изделия	10 262 »
Посуда	6 184 »
Порох	4 000 »
Спички	3 900 »
Швейные машины	3 822 »
Керосин	3 000 »
Свинец	3 000 »
Бакалейные товары	1 060 »
Олово	15 »
Соль	1 740 »
С.-х. орудия (сепараторы и плуги)	3 900 »
Деревянные знаки	141 110 »
Всего	585 858 руб.

В таблице прежде всего обращает на себя внимание относительно небольшая сумма ввоза, всего около 600 тыс. рублей. И это в то время, когда русская торговля осталась после изгнания китайских купцов (в 1911 г.) абсолютным монополистом на тувинском рынке, и уже после того, когда в край успело влиться новое русское земледельческое население, предъявившее дополнительный спрос на продукты русского производства. Такая крайне незначительная емкость тувинского рынка после нескольких десятков лет торговли с Россией и с Китаем может быть объяснена только крайней деградацией производительных сил коренного населения и притом вызванной в значительной мере действием этой самой торговли. Коренное население Тувы находилось на степени такого обнищания, которое парализовало рост его покупательной способности в отношении русских товаров.

Вглядываясь в таблицу, можно заметить, что в ней представлена в значительном размере только одна группа товаров русского происхождения. Это — текстильные товары. Остальные промышленные

¹ Нижеследующая таблица несколько отличается от соответствующей таблицы Турчанинова, так как в его расчеты вкрались некоторые ошибки, кроме того я исключил из таблицы весь ввоз в Усинский край, равный 151 000 руб.

товары, как сахар и керосин, шейные машины и прочие, ввозились в страну в ничтожных размерах или являлись продуктами труда мелких кустарей из прилегающих к Туве областей Сибири (железные и кожаные изделия и т. д.). Структура ввоза показывает, что возмможная заинтересованность русского промышленного капитала в торговле с Тувой, за исключением текстильной промышленности, слабо представленной, равнялась почти нулю. С другой стороны, поскольку преобладающая масса товаров состояла из продуктов мелкого кустарного или крестьянского производства, концентрируемых русским торговым капиталом, интересы последнего играли доминирующую роль в товарообороте. Это станет еще более ясно, если мы обратимся к структуре и к размерам экспорта из Тувы.

Вывезено из бывш. Урянхая в. Россию в 1914/15 г.¹

Пушпыны	355 533 руб.
Рогов маральных	119 510 »
» козых	3 182 »
Скота: лошадей	15 000 »
» верблюдов	350 »
» крупного рогатого скота	669 500 »
» мелкого	69 632 »
Продуктов животноводства	263 180 »
Рыбы	19 620 »
Ягод	3 150 »
Птицы	40 000 »
Соли каменной	2 000 »
Золота	116 009 »
Денежных знаков	35 746 »

Всего . . . . 1712 412 руб.

Сопоставляя цифру вывоза с цифрой ввоза, приведенной в предыдущей таблице, получаем превышение первой над последней втрое (на 1 126 554 руб.). Если исключить из этой суммы стоимость вывезенного золота, которое было получено не через обмен с коренным населением, расходы по транспорту товаров обратно в Россию и капитализированную в пределах Тувы часть торговой прибыли, то вся оставшаяся сумма представляет почти чистый торговый барыш, который целиком присваивался русскими торговцами, не считая при этом той торговой прибыли, которая заключалась в сумме ввоза в бывш. Урянхай и источником которой служила эксплуатация торговым капиталом мелких производителей (кустаря и крестьянина) по ту сторону границы, в России. Среди предметов вывоза почти совершенно отсутствует сырье для крупной промышленности. Скот и продукты скотоводства полностью оседали в ближайших районах Сибиря, пушнина после некоторой переработки, преимущественно кустарной, уходила в центр страны или за границу, маралыи рога целиком уходили в Китай. Таким образом структура вывоза в еще

1 Нижеследующая таблица дает может быть несколько преувеличенную величину вывоза, так как она включает повидимому вывоз из Усинского края. Если мое предположение правильное (окончательно выяснит вопрос не удалось), то вывоз из Усинского края составляется из небольшой доли маральных рогов, пушнины и т. д. и не изменяет ни общей картины, ни соотношения между отдельными группами товаров.

большей мере, чем ввоз, иллюстрировала господство интересов торгового капитала в русско-тувинской торговле.

Подавляющая часть обильной жатвы попадала в карманы нескольких крупных купцов (Сафьянов, Бяков и др.), остальная доставалась нахлынувшей из России ораве мелких скупщиков.

Как уже указывалось, вся торговая прибыль являлась в значительной мере результатом «обсчета и обмана», о которых говорит Маркс как об основном источнике торговой прибыли в экономически неразвитых странах. Присваивая колоссальную прибыль, измеряемую почти всей суммой избытка вывоза над ввозом, русская торговля сокращала в том же объеме покупательную способность тувинского рынка в отношении продуктов промышленного производства.

Ограбленный купцами тувинец-охотник, тувинец-скотовод вдвое-втрое меньше потреблял ситца, скобяных товаров и др. То, что было выигрышем для торгового капитала, оказывалось потерей для промышленного капитала. Благодаря неимоверным торговым барышам в страну по самому приблизительному подсчету ежегодно не довозилось товаров не менее, чем на один миллион рублей, а если принять еще во внимание, что оценка тувинской продукции составляет только 50% действительной стоимости, то эта сумма вырастает в два раза.

Другой вывод, который напрашивается из сопоставления вывоза и ввоза, — это огромное преобладание натуральной формы обмена над денежной. В самом деле, как это видно из приведенных выше данных, в край было ввезено денег (кредитных билетов) на сумму 141 110 руб., а вывезено на сумму 35 746 руб., откуда следует, что в обороте данного года принимала участие денежная масса в сумме 105 346 руб., что составляет только 5% товарооборота (ввоз + вывоз)¹. Надо принять еще во внимание, что товарное обращение совершалось крайне медленно, поэтому ввезенная в край сумма денежных знаков приводила в движение сравнительно небольшую долю товарной массы, остальные сделки заключались путем обмена товара на товар.

Участие различных районов в общей сумме ввоза и вывоза выражается в следующих данных:

Тожа	8,5	Ха-хем	3,3
Улу-хем	53,6	Уюк и Туран	4,3
Хемчик	32,0	Межегейская степь ...	3,3

Центры тувинского скотоводства, районы Хемчика и Улу-хема, составляют вместе 85,6% всего торгового оборота страны. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что скотоводство Тувы было той отраслью народного хозяйства, которая служила главной основой торговому капиталу для извлечения прибавочного продукта. Охота играла в этом процессе роль дополнительного и второстепенного источника.

¹ Фактически принимавшая участие в товарообороте денежная масса была выше указанной суммы, так как в товарообороте участвовала и некоторая часть завезенных в страну ранее денег на исключением той ее части, которая служила средством накопления. Но за неимением данных о ввозе и вывозе за предыдущие годы я лишен возможности сколько-нибудь уточнить расчеты, которые являются конечно сугубо приблизительными.

Чтобы иметь возможность оценить экономические результаты продолжительной деятельности русского торгового капитала в Туве, небезынтересно будет посмотреть, в каком направлении изменялась его деятельность с течением времени. Мы имеем возможность сравнить приведенные выше данные с аналогичными материалами, отнесенными к концу 80-х годов прошлого столетия, приведенными в статье А. М. Африканова «Русская торговля в Урянхайской земле»¹. Автор этой статьи служил в течение ряда лет приграничным начальником Усинского края и имел возможность наблюдать и учитывать русскую торговлю в Туве. Восьмидесятые годы — это был период, когда китайская торговля еще отсутствовала в Туве, будучи под запретом; с другой стороны, в 1914—1915 гг. китайская торговля уже отсутствовала в Туве после ликвидации ее в 1911 г. Следовательно в периоды, принятые мною для сравнения, русская торговля находилась на положении фактического монополиста. После некоторых исправлений данные Африканова рисуют следующую картину торговых взаимоотношений:

Вывоз из России в пределы быш. Урянхал

1878 г.	40 310 руб.	1884 г.	56 567 руб.
1879 »	32 782 »	1885 »	91 927 »
1880 »	49 310 »	1886 »	57 667 »
1881 »	41 202 »	1887 »	82 625 »
1882 »	—	1888 »	93 001 »
1883 »	—		

За десять лет (1878—1888 гг.) русский вывоз вырос несколько более, чем в 2 раза. В 1914—1915 гг. вывоз выражался в сумме 585 858 руб., т. е. за 25 лет он успел вырасти в 6 раз, продолжая расти таким образом теми же темпами, что и в предшествующий период. Но если принять темп развития товарного вывоза в Туву в отношении одного коренного населения Тувы, то он пожалуй даже уменьшился за это время.

Во-первых, для 80-х годов не указан ввоз денежных знаков, в то время как в сумму ввоза 1914—1915 гг. они включены. Кроме того товарный вывоз последнего периода уже в значительной своей части предназначался для сильно выросшего в стране и гораздо более значительного русского земледельческого населения. Это обстоятельство легко обнаружить в изменении ассортимента товаров, где появились такие товары, почти не проникавшие в среду коренного населения, как сахар, керосин, с.-х. орудия и др.

В то же время за истекшие 30 лет русский капитал достиг несомненных «успехов» в способах извлечения и присвоения барыша.

По сведениям того же Африканова, в 1886 г. было выменено товару на 57 667 руб., за каковой получено:

рогатого скота	69 078 руб.
пушнина и рухляк	10 392 »
соли	1 740 »

Всего на сумму 81 210 руб.²

¹ А. М. Африканов, Русская торговля в Урянхайской земле, «Изв. В. Сибир. Отд. Р. Г. О.», XXI, № 5, Иркутск, 1890.

² Там же, стр. 23.

Не приходится отрицать, что приведенные подсчеты имеют условное значение, так как положенные в основу их данные, как это было указано выше, являются даже после сделанных Турчапиновым исправлений весьма ненадежными. Но нельзя отрицать и того, что при всей относительности этих данных они дают некоторое представление о масштабе неэквивалентного обмена между Тувой и Россией и определенно указывают, какая социальная группа присваивала львиную долю того продукта, который тувинский скотовод и охотник отдавал без всякого возмещения. Это был все тот же купец, соединявший в своем лице функции торгового и ростовщического капитала.

Но всякий процесс общественного производства является в то же время процессом воспроизводства. Коренное население могло бы, не говоря расширить воспроизводство, но поддержать его на прежнем уровне, если бы оно имело возможность известную часть своего годового продукта превращать обратно в средства производства, которые должны заместить средства производства, потребленные в течение того же года. Происходило ли в процессе воспроизводства подобное замещение? Ни в каком случае! Тувинское население отдавало и по количеству труда и по стоимости своего продукта в несколько раз больше того, что приобретало. Происходило безостановочное перемещение, перекачивание средств производства из рук тувинца в руки купца. Ежегодный товарооборот уменьшал основное богатство скотовода, которое концентрировалось на другом полюсе, в руках купца. Ни общая материальная масса средств производства (стадо), оставшихся в руках скотовода, ни состав тех продуктов, который он получил в обмен (предметы личного потребления), не давали ему возможности поддерживать средства производства на прежнем уровне, а следовательно добиться хотя бы простого воспроизводства своего хозяйства. Тувинский скотовод и охотник вступал в процесс воспроизводства в качестве собственника определенной совокупности средств производства, выходил же из него каждый раз с новыми потерями, и это продолжалось до тех пор, пока из пастуха собственного стада он окончательно не превращался в пастуха чужого стада.

Таким образом процесс производства самым своим ходом приводил к отделению рабочей силы от средств производства. Вопрос заключался далее в том: мог ли найти применение своей рабочей силе обобранный до последней нитки бедняк? Это зависело от того, какое дальнейшее направление и применение получала торговая прибыль, присвоенная торговым капиталом в натуральной форме скота, шерсти, пушнины и др. Замещались ли в процессе воспроизводства разрушенные формы, основанные на соединении производителя с собственными средствами производства, новыми общественными отношениями, основанными на соединении рабочей силы с чужими средствами производства? Какая часть присваиваемой материальной массы оставалась в стране и обращалась на производительные нужды и какая часть вывозилась из страны, этот вопрос не может быть освещен на основании имеющегося материала. Но не подлежит никакому сомнению, что вывозилась подавляющая часть прибыли и только небольшая сравнительно доля аккумулировалась в стране в форме отдельных и единичных крупных «культурных» хозяйств.

С вопросом о накоплении тесно связана вся проблема о путях развития Тувы накануне революции и прежде всего следующий основной вопрос: проходило ли в описанных условиях разложение феодального способа производства и в какой форме совершался этот процесс? Прокладывал ли все же капиталистический способ производства себе дорогу в этих условиях?

Ростовщический капитал при вполне определенных исторических условиях играет в известном смысле положительную роль, поскольку он разрушает и уничтожает традиционные формы собственности, в данном же случае, поскольку он разрушает феодальные формы собственности. «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличии остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, создающих новый способ производства, равняя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая его в капитал»¹.

Имелись ли в дореволюционной Туве эти «остальные условия» капиталистического способа производства, при наличии которых ростовщический капитал способен сыграть роль силы, вызывающей переворот в способе производства.

Ростовщический капитал в Туве неотделим от торгового капитала. Ростовщические функции были сильнейшим средством выкачивания сырья из хозяйства скотовода, но они играли не самостоятельную, а только подчиненную роль по отношению к торговому капиталу, интересы которого преобладали.

Вопрос о путях разложения феодального и создания капиталистического способа производства должен быть поставлен таким образом: создавал ли торговый капитал сам по себе в качестве торгового посредника и при помощи ростовщического кредита возможность перехода от феодального способа производства к капиталистическому?

Маркс, как известно, различал три пути, которыми совершается этот переход: «во-первых, купец прямо становится промышленником... во-вторых, купец делает своим посредником мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. В-третьих, промышленник (т. е. производитель. — Р. К.) становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли»².

Последняя форма перехода, когда производитель становится купцом и капиталистом, «это действительно революционизирующий путь». Но этот путь, как мы видели, был исключен, ибо в конкретно сложившейся в Туве перед революцией исторической обстановке не мог сложиться класс туземных капиталистов, концентрирующих в своих руках значительные средства производства. Еще меньше возможности было для накопления капитала в денежной форме.

Основное значение в истории Тувы имела вторая форма перехода,

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 134.

² Там же, ч. 1-я, стр. 312.

при которой купец непосредственно подчиняет себе производство и мелкого производителя. «Сам по себе (такой переход) не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие... Не совершая переворота в способе производства, они (т. е. эти отношения. — Р. К.) только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих при худших условиях, чем для рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства»¹.

Тува знала своеобразную приспособленную к условиям скотоводства «домашнюю систему крупного производства», при которой закупленный купцом или другим путем отчужденный скот продолжал пастись под приютом мелкого производителя. Но эта форма, консервируя докапиталистическое отношение и ухудшая положение скотовода, сама по себе не означала переворота в способе производства.

Однако дореволюционная Тува знала и первую форму перехода, при которой купец становится промышленником. Эта новая прогрессивная форма капиталистического производства, как я показал в главе 3, стала нарождаться в Туве в самые последние годы перед революцией под влиянием перегруппировки среди представителей русского торгового капитала, вызванной главным образом конкуренцией со стороны китайского капитала, успешно овладевавшего тувинским рынком.

Наиболее крупные из этих представителей концентрируют в своих руках огромные стада рогатого скота и табуны лошадей, а также крупнейшие земельные владения, полученные путем взяток, подкупов, огораживания тувинских пастбищ и т. п. Сосредоточенное в их руках крупное скотоводство (а не только скотовладение) приобретает черты капиталистического хозяйства благодаря применению наемного труда, улучшенной техники и переработке продуктов скотоводства.

Но эти новые отношения в обстановке жестокого гнета, произвола и обнищания населения развиваются крайне медленно, наталкиваясь на всевозможные препятствия, то и дело получая толчки для развития в обратном направлении.

Эта новая тенденция не могла стать основной нитью развития главным образом потому, что незначительные размеры внутреннего накопления не создавали базиса для развития капиталистического способа производства.

В самом деле, если движение торгового капитала выразить формулой $D - T - D^1$, то первый акт этого движения, превращение $D - T$, денег в товары русского происхождения, и второй акт, превращение $T - D^1$, товаров тувинского происхождения в деньги, происходили в основном в пределах России, и только средний, промежуточный акт, обмен русских товаров на тувинские товары, происходил в пределах Тувы, причем при совершении этого акта деньги участвовали не столько реально, сколько в качестве идеальной меры стоимости. Купец для реализации своей прибыли, т. е. для превра-

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. I-я, стр. 311.

щения ее в денежную форму, вывозил вымененную в Туве продукцию в Россию на русский рынок. Начиная новый цикл движения с закупки товаров в России для тувинского рынка, торговый капитал неизменно воспроизводил установившуюся структуру ввоза.

Разумеется, время вносило в эту структуру некоторые изменения. В основном эти изменения обуславливались двумя обстоятельствами: во-первых, спросом вливающегося в Туву русского земледельческого населения на новые продукты личного потребления (сахар, керосин и пр.) и на новые средства производства (с.-х. инвентарь, сепараторы и пр.); во-вторых, производственными начинаниями крупных представителей торгового капитала, не выходящими однако из рамок единичных опытов. Но эти новые явления не имели благоприятных условий для своего развития: крестьянское хлебопашество вследствие полной оторванности от рынков хлебного сбыта, лежащих вне Сибири; крупное скотоводство купцов вследствие отчасти той же оторванности, но главным образом потому, что роль посредника, обслуживающего процесс обращения обеспечивали торговому капиталу на долгий период более верные и высокие барыши, чем рискованное и весьма хлопотливое дело организации производства.

Тува как колония царской России была осуждена всей совокупностью исторических условий нести на себе бремя паразитической эксплуатации торгово-ростовщического капитала, приспособившего к своим потребностям феодальную организацию производства внутри коренного населения. Сгибаясь под игом экономической эксплуатации и политического порабощения, тувинский народ стоял перед перспективой еще большего усиления своих страданий в результате потерь своих пастбищ, лесов и пашен и оттеснения в бесплодные горные ущелья пришельцами-колонизаторами.

Только национально-освободительная революция, подготовленная всем ходом исторического развития, была в состоянии прервать процесс экономического и социального гнетения и империалистического порабощения. Как ветвь того могучего революционного процесса, который был развязан Октябрем в колониальных странах, благодаря своей тесной связи со страной победившей пролетарской диктатуры буржуазно-демократическая и национально-освободительная революция в Туве открыла перед многострадальной страной новые пути и необъятные перспективы развития.

А. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Адрианов А. В. — Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению И. Р. Г. О. «Зап. И. Р. Г. О. по общей географии», т. XI, II, 1888.
2. Адрианов Н. В. — Очерки Минусинского края, Томск, 1904.
3. Андреевич В. К. — Сибирь в XIX столетии, ч. II.
4. Африканов А. М. — Русская торговля в Урянхайской земле. Урянхайская земля и ее обитатели. «Изв. В. Сиб. отд. Р. Г. О.», т. XXI, № 5, Иркутск, 1890.
5. Его же — Урянхайская земля и ее обитатели. «Изв. В. Сиб. отд. И. Р. Г. О.», т. XXI, № 5, Иркутск, 1890.
6. «Азиатская Россия», т. II, «Земля и хозяйство» (О принадлежности Урянхайской России), II, 1914.
7. Аргунов П. А. — Очерки с. х. Минусинского края, Казань, 1892.
8. Арсеньев Ю. В. — Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая посланника Н. Спафария в 1675 г. «Записки И. Р. Г. О. по этнографии», т. X, вып. I, 1882.
9. Берлин Л. и Шморгонер Д. — Тувинская народная республика. «Малая советская энциклопедия», т. VIII.
10. Булгаков А. И. — Верховья р. Енисея в Урянхае и Саянских горах. «Изв. Р. Г. О.», 44, II., 1908.
11. Бобырь Н. П. — Список высот, определенных по время Саянской экспедиции 1887 г. «Зап. В. Топ. Отд. Г. Шт.», XLIV, отд. 2, VIII, 1889.
12. Боголепов М. И. и Соболев М. Н. — Очерки русско-монгольской торговли, «Труды Томского общ. изуч. Сиб.», т. I, Томск, 1911.
13. Баландин — Пути сообщения к Танну-Тувинской республике и Монголии, «Плановое хозяйство», 1927, № 5.
14. Баранов — Урянхайский вопрос.
15. Беннигсен — Несколько данных о современной Монголии. 1912.
16. Боголюбовский И. С. — Исследование древностей Минусинского округа и верховьев р. Енисея в 1882 г. «Изв. В. Сиб. О. Р. Г.», XIV, № 3, Иркутск, 1883.
17. В. Е. — Немного географии, «Современная Тува», 1929 г., № 1. Кызыл. Хото.
18. В. Г. — Золотое дно (Урянхайский край). «Золото и платина», 1915. № 21 — 22, II.
19. Ватин В. А. — События в начале 40-х годов прошлого века (выдержки из трудов Чихачева, посетившего в 1842 г. кочевье на р. Алаш).
20. Его же — Новая книга об Усинском крае Ф. Кона. «Усинский край».
21. Его же — Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого века, «Сибирский студент», 1915, № 7 — 8

22. Егo же — Минусинский край в XVIII в. Этнод по истории Сибири. Минусинск. 1913 г.
23. *Веселков Н. Ф.* — Урянх и географические сведения о южной границе Минусинского округа. «Изв. И. Р. Г. О.», 1871, VII.
24. Егo же — Поездка в землю Урянхов. Отчет И. Р. Г. О., II, 1872.
25. *Васильев* — Урянхайский пограничный вопрос. «Журн. мин. народн. просвещ.», 1912, XXXVIII, № 4.
26. *Грум-Грессинский Г. Е.* — Западная Монголия и Урянхайский край, т. I. Описание природы этих стран, П., 1914.
27. Егo же — т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Ср. Азии. Л., 1926.
28. Егo же — т. III, вып. I и II. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л., 1926 и 1930.
29. *Глебович, инж.* — Усинский колесный путь. «Труды совещ. 1905 г. в г. Иркутске о путях сообщения Сибири», т. II. Иркутск, 1908.
30. *Горощенко К.* — Сойоты. «Русский антрополог. журнал», 1901, № 2.
31. Егo же — Материалы по антропологии Сибири. «Записки Красноярск. п/о. В. Сиб. О. Р. Г. О. по антропологии», т. I, вып. I, Красноярск, 1904.
32. *Дорогостайский В.* — Поездка в сев.-зап. Монголию. «Изв. Р. Г. О.», 1908, вып. V.
33. Десятилетие Тувы и Монголии. «Революц. Восток», 1931, № 11 — 12.
34. *Де-Рубрук В.* — Путешествие в восточные страны. Изд. Суворина, П., 1911 г.
35. *Ермолаев А. П.* — Краткий очерк об исследованиях в Урянхайском крае в 1915 — 1918 гг. «Сибирские записки», 1919, № 4 — 5, Красноярск.
36. Егo же — Урянхайский край, Минусинск, 1918.
37. Егo же — Тожа. «Изв. Красноярск. отд. Р. Г. О.», т. III, вып. I, 1924.
38. *Ермолаев В. П.* — К истории тувинской торговли. «Соврем. Тува», 1929, № 1, Кызыл-Хото.
39. *Зайцева* — Петрографический материал, собранный П. Н. Крыловым в 1892 г. на Саянах и Урянхайской земле. «Зап. Р. Г. О. по общей географии», т. XXXIV, № 2, П., 1901.
40. *Иваницкий К. И.* — Медные руды в Урянхае. Ест.-пропавод. силы России, т. IV. Полезные ископаемые, вып. VII. Медь, П., 1917.
41. *Ивакин А.* — Каталог астрономических пунктов в Азии. России и сопредельных с нею государств, вып. I, III. Сибирь, П., 1913.
42. *Кабо Р. М.* — Общественно-экономический строй дореволюционной Тувы. «Революционный Восток», 1931 г., № 11 — 12.
43. *Клементц Д. А.* — Новый путь из Минусинского края на Бирюсинские золотые промыслы. С примеч. Н. Бобыря. «Изв. В. Сиб. О. Р. Г. О.», 21, вып. I, Иркутск, 1890.
44. *Крылов П.* — Путевые заметки об Урянхайской земле. «Зап. Р. Г. О. по общей геогр.», т. 34, № 2, П., 1903.
45. Егo же — Путешествие в Урянхайскую землю. «Изв. Р. Г. О.», т. XXIX, П., 1893.
46. *Каиский М.* — Урянхайский вопрос. «Сов. Азия», 1926, № 4.
47. *Калинников* — Танну-Тувинская народная республика. Энциклопед. словарь Граната, т. 48.
48. *Кулагин Н. А.* — Русский пушной промысел, изд. Сабашниковых, 1920.
49. *Кон Ф. Я.* — Усинский край. «Зап. Краснояр. подъяотд. В. Сиб. отд. И. Р. Г. О. по общей географ.», П., 1914., вып. I.
50. Егo же — Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. «Изв. В. Сиб. отд. И. Р. Г. О.», 1903, XXXIV, № 1.
51. *Катапов Н. О.* — Опыт исследования урянхайского языка. «Ученые записки Имп. казанск. унив.», 1899 — 1903.
52. Егo же — Письма Катапова из Сибири и Восточного Туркестана. При-

ложение к LXXIII тому «Записок Имп. академии наук», П., 1893, № 8 (Письма № 4, 5, 8, 9, 11 — 17).

53. Его же — Предания присаянских племен о прежних делах и людях «Зап. Р. Г. О.», т. XXXIV, II., 1909.

54. Его же — Среди тюркских племен. «Изв. Р. Г. О.», т. XXIX, П., 1893.

55. «Красный архив». т. XVIII. Доклад Сазонова об урянхайском вопросе, стр. 96 — 97.

56. Котвич В. Л. — Краткий обзор истории и современное политич. положение Монголии, П., 1914 г. (Администрат. устройство Урянхайского края).

57. Кастрен — Путешествие в Минусинском округе до китайской границы. «Магазин землед. и путеш.», 1860, т. VI, ч. 2-я.

58. Комаров В. А. — Поездка в Тункинский край и на о-в Косогол в 1902 г. «Изв. Р. Г. О.», вып. I, 1905.

59. Каррутерс Д. — Неизвестная Монголия. Том 1. Урянхайский край. Перев. с англ. Н. В. Турчаннинова, П., 1914.

60. Кузнецов (Красноярский И. П.) — Из истории южных частей Енисейской губ., Томск, 1908.

61. Козьмин Н. Хакасы. Ист. этнограф. и хоз. очерк Минусинского края, Иркутск, 1925.

62. Линцетти П. И. — Торговый оборот Т. Н. Р. в СССР. «Соврем. Тува», 1929, № 1. Кызыл-Хото.

63. Львов — Современный Урянхай. «Новый Восток», № 6, 1924.

64. Леонов Н. П. — Урянхайский край до начала XX ст. «Новый Восток» № 3, 1923.

65. Его же — Разведки на золото в Усинско-Урянх. крае, М., 1912.

66. Его же — Таниу-Тува (Страна Голубой реки) Ивд. Общ. «Сев. Азия», М., 1927.

67. Латкин — Саянский горный хребет. Энциклоп. словарь Бронк. и Ефрон, т. XXIX.

68. Липовец С. — Уложение китайской палаты впеши. сношений. Перев. с маньчжурского, П., 1828.

69. Матусевский З. Л. — Топографические заметки о дороге, ведущей из г. Кобдо в г. Улясутай и оттуда на сев. в Минусинск. край. «Очерки сев.-зап. Монголии». Г. Н. Потанина, вып. I, П., 1881.

70. Его же — Географическое обозрение Китайской империи, П., 1888 г.

71. Мухеев В. С. — Отчет о поездке в сев.-зап. Монголию и Урянхайскую землю. Изд. Ген. шт., П., 1910.

72. Минцлова К. Д. — Далекий край. Путешествие по Урянх. земле. Изд. «Библиотека восходов», П., № 3.

73. Минцлов С. Р. — Секретное поручение (Путешествие в Урянхай), «Сибирское книгоиздательство». Рига.

74. Мальцев — Письма о событиях. «Справочный листок Енис. губ.», 1890, № 1 и 3.

75. Мурзаев — Краткий очерк скотоводства и ветерин.-санит. состояния Урянх. земли. П., 1905.

76. Материалы к отчету по обследованию бассейна р. Хемчика в стат.-экон. отношении. — Собраны А. П. и В. П. Ермолаевыми (неопубликованы).

77. «Мен-гу-ю-му-ци. Записки о монгольских кочевьях». Пер. с китайского П. С. Попова. «Записки И. Р. Г. О.», т. XXIV, П., 1895.

78. Мачавариани В. и Третьяков С. — В Таниу-Туву. Ивд. «Молодая гвардия», 1930.

79. Маслов П. — Конец Урянхаю. Ивд. «Молодая гвардия», 1933 г.

80. Миллер Г. Ф. — Описание Сибирского царства.

81. Нацов — Национ.-освободит. движение тувинских скотоводов. «Новый Восток», 1927, № 19.

82. Его же — Правая опасность в тувинской народно-революц. партии. «Искания Бурятии», 1930, № 1.

83. *Нестеров П. В.* — Очерки природы Саянского хребта и его предгорий. «Естествознание и география», 1910, № 8.
84. *Обручев В. А.* — Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней. «Новый Восток», № 13 — 14, 1926.
85. Его же — Обзор путешествий Д. А. Клеменца по внутрен. Азии и географич. и геологич. результаты. «Изв. В. Сиб. О. Р. Г. О.», т. 45, 1915.
86. *Осташкин П.* — Доклад об урлихайцах и их стороне по сведениям 1883 г. у Катанова — Опыт исследования урлих. языка, II, стр. 1494.
87. *Островский П. Е.* — Значение Урянхайской земли для южной Сибири. «Изв. Р. Г. О.», т. XXXV, вып. III, 1899.
88. Его же — Краткий отчет о поездках в Тожинский хошун Урянхайской земли. «Изв. Р. Г. О.», т. XXXIV, вып. IV, II., 1898.
89. Его же — Оленные тувинцы. «Сев. Азия», 1927, № 5.
90. *Отчет о состоянии и деятельности геологического комитета в 1917 г.* (Рачковский и Педашенко). «Изв. Геол. Комитета», т. 37, 1918, стр. 219 — 226.
91. *Отчет о деятельности Российской академии наук за 1924 г.* Комиссия по научным экспедициям, II., 1925, стр. 214 — 217.
92. *Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1920 г.* «Изв. Сиб. отд. геологии», т. П, в. VI, стр. 51 — 52; «Изв. Геолог. комитета», т. 40, 1921, № 7, стр. 320 — 328.
93. *О. Иакинф (Бичурин)* — Собрание сведений о народах, обитавших в Средн. Азии в древние времена, ч. 1.
94. Его же — Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV стол. до наст. времени. (СПб. 1834.)
95. *Ошурков В. А.* — Из странствований по земле Урянхов. Сибирский сборник. Прилож. к газ. «Восточное обозрение» за 1892 г., вып. I. Иркутск, 1898.
96. Его же — Отчет о поездке, совершенной летом 1902 г. в Зап. Саяны и зап. часть хр. Танну-Ола. «Зап. Краснояр. подъяотд. В. Сиб. отд. Геогр. Общ. и физ. географии», т. I, вып. I, II., 1906.
97. *Обращение Центрального комитета Тув. нар.-революционной партии* «Крестьянск. интернационал», 1926, № 1 — 2.
98. *Палибин П. В.* — Злаки Минусинского края. «Изв. В. Сиб. отд. Р. Г. О.», т. XXXI, № 1 — 2, 1900.
99. *Пестерев Е.* — Примеч. о прикосновенных около китайской границы жителей как Рос. татарах, так и китайских мунгалах и сойотах с 1772 г. по 1781 г. «Нов. ежемесичные сочинения», т. XXIX, ч. 30, 31, 32, II., 1793.
100. *П. И.* — Язык урянхов. «Изв. Сиб. О. Р. Г. О.», Иркутск, 1874.
101. *Позднеев А. М.* — Монгольская летопись «Эрдин Эрихе». Матернал по ист. Халхи с 1636 по 1736 г., II., 1883.
102. Его же — Монголия и монголы. Китайская и русская торговля в Монголии (рукопись).
103. Его же — Очерки быта буддийских монастырей. «Зап. И. Р. Г. О. по отд. этнограф.», т. XVI, II., 1887.
104. *Плоткин* — Пути социалистического развития Тувы, «Революц. Восток», 1931, № 11 — 12.
105. *Попов В. А.* — Саянская горная система. «Северная Азия». 1926 г., стр. 58—65.
106. Его же — Через Саяны в Монголию. Омск, 1905 г.
107. Его же — Урянхайский край. Изд. шт. Иркутск. воен. округа, 1913.
108. Его же — Второе путешествие в Монголию 1910 г., ч. 3-я. Исследование границы на участке Кяхта-Алтай (урянхайский вопрос).
109. *Порватов В. М.* — Медные руды Урянхал (отдельный оттиск).
110. Его же — Таловское месторождение золота в Усинском пограничном округе. «Горн. и золот. изв.», 1915, Томск.
111. Его же — Урянхайский край. «Горн. и золот. изв.», 1931, № 1, Томск.
112. *Потанин Г. Н.* — Очерки сев.-зап. Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 — 1880 гг. по поручению И. Р. Г. О., вып. III, II., 1888.

113. *Потанина А. В.* — Из путешествия по Вост. Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей. (Из странствований по Урянхайской земле).
114. *Пресн Я.* — О флоре Саяна. «Изв. В. Сиб. О. Р. Г. О.», т. XIX, № 4, Иркутск, 1888.
115. *Простосинский Б.* — Проблема путей сообщения из Сибири в Зап. Монголию. «Сев. Азия», 1926, № 2.
116. *Пудалов* — Поездка в Танну-Тувинскую республику. Доклад на засед. Ист. этнол. отд. Научн. ассоциац. Востоковедения (не опубликован).
117. *Путилов Н.* — Летопись в с. Верхнеусинском с 1854 по 1884 г.
118. *Путешествие* прап. Крышина в 1858 г. «Тр. Сиб. эксп. И. Р. Г. О.», матем. отд., П., 1865.
119. *Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г.*, изд. мин. земл., П., 1916.
120. *Поликевич П. Н.* — Леса Урянхия по данным обследования 1915 г. «Изв. Ср. Сиб. отд. Р. Г. О.», т. III, вып. III.
121. *Памятники сибирской истории XVIII в.*, 1882.
122. *Райков М. И.* — Отчет о поездке в верховья р. Енисей в 1897 г. «Изв. Р. Г. О.», т. XXXIV, П., 1898.
123. *Риттер Карл* — Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Ч. 1, Саянское нагорье. Составители Семенов П. и Черский И.
124. Его же — Землеведение Азии, т. III, П., 1860, и т. IV. Дополнение к III. Алтайско-Саянская горная система по свед. 1832 — 1876 гг. Состав. Семеновым П. П. и Потаниным Г. Н. П., 1877.
125. *Родевич В. М.* — Очерки Урянхайского края (Монгольского бассейна р. Енисей). Изд. Упр. внутр. водн. путей и шоссе. дорог, П., 1910.
126. Его же — Урянхайский край и его обитатели. «Изв. Р. Г. О.», т. 48, П., 1912.
127. *Рашин-Эддин* — История монголов. Изд. Н. Березина, 1858.
128. *Сапожников В. В.* — Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествие 1905 — 1909 гг. «Изв. Томского ун-в.», Томск, 1911.
129. *Сафьянов Г.* — Торговля Минусинска с ойротами. «Изв. В. С. О. Р. Г. О.», 1880, т. XI, № 3 — 4.
130. *Сафьянов М. Г.* — Страна будущего. «Сев. Азия», 1926, № 5 — 6.
131. Его же — Страна Танну-Тува. «Торговые известия», 1926, № 6.
132. *Сафьянов М. Г.* — Страна будущего (к вопросу о развитии добывающей промышленности в Танну-Тувинской республике).
133. Его же — Танну-Тува в годы революции. «Сев. Азия», 1929, № 4.
134. Его же — Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве. «Новый Восток», 1928, № 23 — 24.
135. *Сафьянов И. Г.* — Хоярхан. Сборник «Альфа». Москва, 1915.
136. Его же — Этюды о Сойотии, Газета «Сибирь», Иркутск, 1912, № 217, 218, 230.
137. Его же — Прошлое и настоящее сойотского народа. «Сибирский архив», 1915, № 1.
138. Его же — Статьи в «Минусинском листке», 1915 — 1916 гг. («Страна чудес», «Путь закрыт», «Еще о стране чудес», «Сказка суровой действительности», «Поэзия сойот», «Великий день»).
139. *Снегирев Ф.* — Урянхайский рогатый скот. «Сельское хоз. и лесоводство», 1896, № 5.
140. *Современная Тува и ее хозяйство* (из доклада торгпредства). «Торговля России с Востоком», 1929, № 1 — 2.
141. *Соловьев П.* — Торговля СССР с Тувой. «Торговля России с Востоком», 1925, июль—сентябрь.
142. *Скобеев М.* — Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. «Сев. Азия», 1925, № 5 — 6.
143. Его же — Мараловодство в Усинском пограничном округе и Урянхайском округе. «Сев. Азия», 1925, № 4.

144. «Современная Тува», орган торгпредства СССР и Тув. пар. республики, 1929, № 1, Кызыл-Хото.

145. Степанов — Енисейская губерния, П., 1835.

146. Список населенных пунктов Енис. губ и Урянхайск. края по данным Всеросс. с.-х. и позем. переписи 1917 г. и по другим исследов., 1916 — 1919 гг. Енис. губ. стат. бюро. Красноярск, 1921.

147. Смирнов Н. Н. — Растительные остатки яруса Урса с р. Улу-хем. «Тр. СПб. общ. ест.», т. 35, вып. V, П., 1912.

148. Семенов П. П. — Географическо-статистический словарь Российск. империи, т. IV, П., 1873. и т. V, П., 1875.

149. Турчанинов А. А., агроном — Отчет по Урянхайскому краю за 1925 г. и 1916 г. (рукопись).

150. Торговые обороты СССР с Тувой. «Торговля России с Востоком», 1926, октябрь—декабрь.

151. Труды экспедиции по изучению соболя и исследования соболяного промысла, П., 1911.

152. Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения Сибиря. Т. П. Материалы. Иркутск, 1908.

153. Фишер П. Э. — Сибирская история с открытия Сибиря до завоевания сей земли русским оружием. П., 1774.

154. Фабрициус М. П. — Саянский край. Краткий географический очерк. «Изв. Р. Г. О.», т. XXXV, П., 1899.

155. Шварц Л. — Труды сибирской экспедиции в 1858 г. «Изв. Р. Г. О.», П., 1884.

156. Шишкин Б. — Очерки Урянхайского края. Томск, 1914.

157. Его же — Материалы к флоре Урянхайской земли. Томск, 1909.

158. Шмидт Ю. — Экспедиция в пограничный Саянский район Тувинского ведомства. Иркутск. губ. в 1887 г. «Записки Вост. топ. отд. гл. шт.», XIV, 1889.

159. Шойхислов Н. А. (Нацов) — Тувинская народная республика. Материалы и докум. по ист. нац.-рев. движения тув. скотоводов, изд. НИАНКП, М., 1930.

160. Его же — Западная Монголия. «Новый Восток», 1923, № 4.

161. Шостакович С. В. — Политический строй и международно-правовое положение Ташу-Тувы в прошлом и настоящем. Сб. тр. Госуд. прк. унив. Иркутск, т. XVI, 1929, в. I. Срежнему на англ. яз. и текстом конституции Тув. пар. респ.

162. Шинимарев — Сведения о дархатах-урянях ведомства Ургинского хутухты. «Изв. Сиб. отд. Р. Г. О.», т. II., № 5, 1871.

163. Шепетов Ф. П. — Очерки ветерин.-зоотехн. дела и его задач. «Современ. Тува», 1929, № 1, Кызыл-Хото.

164. Его же — 1-й госуд. с.-х. экономия животноводческого направления. — Там же.

165. Юдин В. — Современное соц.-эконом. положение Тувинской республики. «Революц. Восток», 1928, № 3.

166. Юдин В. — Экономическое положение Тувинской республики. «Торговля России с Востоком», 1927, № 7 — 10.

167. Юзефович Т. Ю. — Договоры России с Востоком, П., 1869.

168. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, т. XXX, П., 1901.

169. Ядринцев Н. М. — Сибирские инородцы, их быт и современное положение, П., 1891.

170. Яковлев Е. К. — Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисей. Минусинск, 1900.

171. Его же — Этнографические заметки о соютах-уряняхцах. «Изв. Краснояр. п/о В. Сиб. О. Р. Г. О.», т. I, вып. III, Красноярск, 1902.

172. Ячевский Н. А. — Краткий предварительный отчет о геологич. части Саянской экспедиции. «Изв. В. Сиб. отд. Р. Г. О.», т. XIX, № 1, Иркутск.

Б. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Ichichatcheff P. — Voyage Scientifique dans l' Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Texte, planches et atlas. Paris, 1845.
2. Schmalhausen I. — Pflanzenpaläontologische Beiträge. 11. Pflanzenreste aus der N W Mongolei. «Bull. Ac. Gc. S. Pet», 28. 1883, N 4. (Mél. biol. XI).
3. Voyages de Dmitri Klementz en Mongolie occidentale de 1885 à 1897. «Bull. Soc. Geogr.», Paris, 1899.
4. Douglas Carruthers — Unknown Mongolia. A record of travel and explorations on Russ. — Chinese borderlands. London, 1913, 2.
5. Granö G. F. — Beiträge zur Kenntnis der Eiszeit in der nordwestlichen Mongolie und einiger ihrer südsibirischen Grenzgebirge. Helsingfors. 1910 (a также статьи в Meddelanden af Geograf. föreningen; Finland, VIII, 1907, 1909 и Journal de la Société Finno-ougrienne, XXVI, 1909).
6. Hansen H. — The Upper yenissey drainage area (Territory of Uriankai). Acta Geographica, I, № 1. Helsingfors, 1925.
7. Printz H.: 1) De Chlorophyceen des südlichen Sibirien und des Uriankailandes. 2) The vegetation of the Sibirian — Mongolian Frontiers (The Sayansk region) Publ. by Det Kongllige Norske Videnskaberets Selskab. 1916—1921.
8. Backlund O. — Om kemiske förändrigar vid mexamorfos. Geol. Fören i Stockholm Förh. Bd 41. Hefte. Stockholm, 1919.
9. Hansen H. Tannu-Ola. — En kort geogr. karaktäristik av gränsryggen mellan övre Yenissey's flodom råde och N W Mongoliet, 1921.
10. Pehrman G. — Über ein Nickeleisen aus Iannu-ola (Mongolei) Ace Acad. Abolnsis, Math. et Phis. III Abo. 1923.
11. Paguet — Sudsibirien und die Nordwestmongolien. Jena, 1909.
12. Kleinow. — G, Neu Sibirien, Berlin, 1928., S. 40 — 80.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

(в книге Р. Кабо «Очерки истории и экономики Тувы»)

Стран.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
4	14 сверху	является необходимой пред- посылкой, осуществления	является необходимой пред- посылкой осуществления
5	25 >	«штандартных»	«штандартных»
15	10 >	как придий,	как асбест, придий,
19	4 снизу	на юг местностей	на юг от местностей
35	(в подписи под рисунком)	Кызыл-Хорай.	Кызыл-Хорай.
39	1 сверху	реки Тес-хем.	реки Тес.
—	7 снизу	Тес-хем течет	Река Тес течет
—	6 >	урема,	урёма,
—	5 >	К югу от Тес-хема	К югу от Теса
42	22 >	царской России и Азии,	царской России в Азии,
51	3 >	о. Накпифа,	Накпифа,
—	(в сноске)		
60	7 сверху	о. Накпиф,	Иакпиф,
64	9 >	от. Р. Ут	от р. Ут
87	15 >	Кон	Ф. Кон
88	7 >	основу, для возникновения	основу для возникновения
90	10 снизу	имеет разумеется,	имеет, разумеется,
107	13 >	в двое	во вдвое
113	11 сверху	р. Чадан,	р. Чадана,
125	20 >	служат его социальной опо- рой,	служат опорой колониальной системы;
132	10 >	вышло	вывел
163	23 >	нем	него
167	11 >	делам Урянхайского края».	делам Урянхайского края»
—		Григорьев	Григорьев
170	(в подписи под рисунком)	Гомбо-таджи	Гомбо-тайджи
174	7 снизу	сводку	сделку
175	3 >	которых состояла	которых (переговоров) со- стояла

Б. НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Ichichatcheff P. — Voyage Scientifique dans l' Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Texte, planches et atlas. Paris, 1845.
2. Schmalhausen I. — Pflanzenpaläontologische Beiträge. 11. Pflanzenreste aus der N W Mongolei. «Bull. Ac. Gc. S. Pet», 28, 1883, N 4. (Mel. biol. XI).
3. Voyages de Dmitri Klementz en Mongolie occidentale de 1885 à 1897. «Bull.

СОДЕРЖАНИЕ

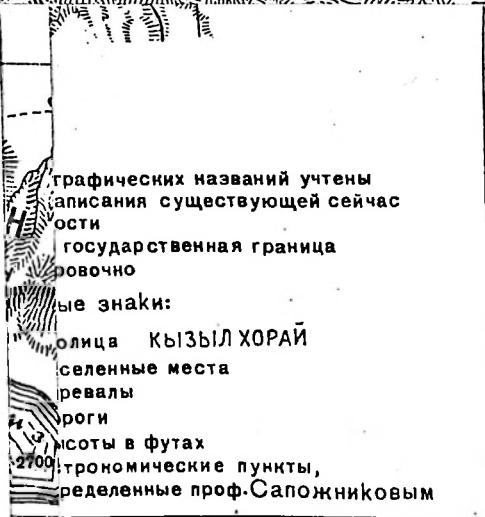
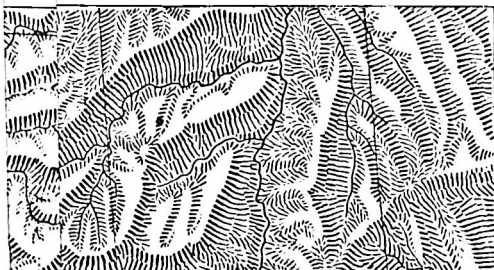
Предисловие	3
1. Природные условия Тувы	7
2. Основные черты тувинского феодализма	41
3. Проникновение торгово-ростовщического капитала в Туву	96
4. Русский «военно-феодальный» империализм и его колонизаторская деятельность в Туве	127
5. Оккупация Урянхай	167
6. Экономические взаимоотношения дореволюционной Тувы с царской Россией (к вопросу о неэквивалентности обмена)	186
Указатель литературы	196

ПРИЛОЖЕНИЕ

99

100

графических названий учтены
записания существующей сейчас
ости

государственная граница
ровочно

ые знаки:

олица КЫЗЫЛ ХОРАЙ

селенные места

ревалы

роги

исоты в футах

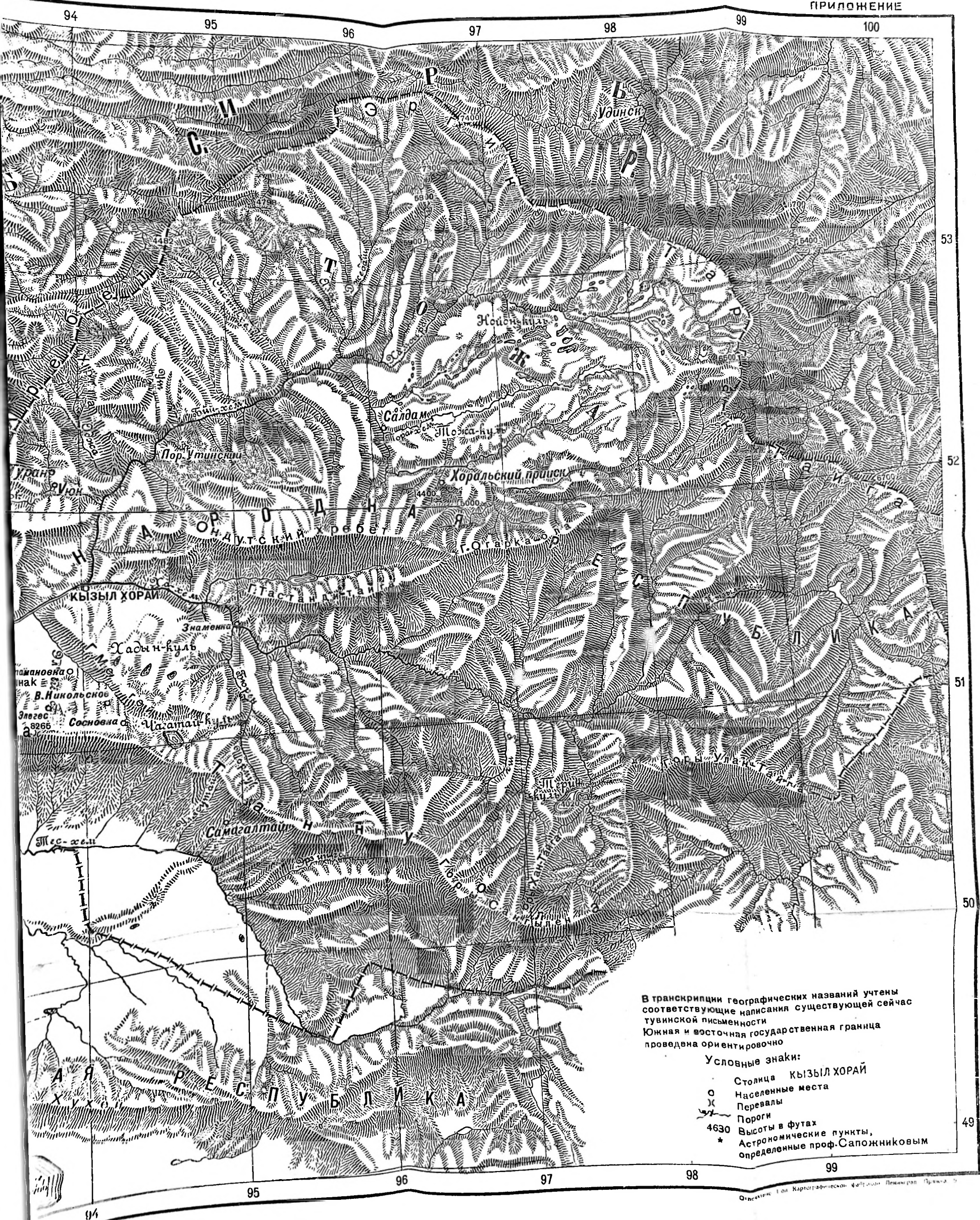
2700

строномические пункты,

ределенные проф. Сапожниковым

49

99

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Составлено главным образом
по карте Д. Каррутерса с
дополнениями в отношении го-
сударственной границы и на-
селенных мест

Масштаб:

0 20 40 60 80 км

